

СИНГЛТОМЫ И КЛУББИ И ЧУМЫ ОДУНАКОВЫЕ

МЕЧЕНА КРЕСТ

ЕЛЕНА ФИЛОН

Земля перестала быть прежней. С тех пор, как вокруг уничтоженных городов были возведены стены, сформировались банды подчиняющие себе людей с помощью угроз и насилия. Люди вынуждены следовать их законам, ведь банды — не самое страшное из явлений Нового мира. То, что живёт за стенами в тысячи раз опасней.

Только Джей не чтит законы. Она настоящий боец, для которого слово "свобода" всё ещё имеет смысл. И даже метка на руке, означающая, что она собственность банды — падшая женщина, — не способна сломить её.

Она ненавидит Новый мир, его жестокость и законы, его людей и их правила, но продолжает в нём существовать. Ведь у неё есть обязательство, от которого она не может отступить и ради него пойдёт на самые отчаянные поступки. А ещё есть парень, который сам того не зная находясь у неё в должниках должен помочь в одном чертовски опасном деле. Вот только этот парень скорее убьёт ее, чем станет помогать собственности ненавистной ему банды.

Глава 1

— Да пошла ты, Джей! Подохнешь — как вшивая собака за периметром!

— И тебе всего доброго! — Я быстрыми шагами отдалялась от своего бывшего начальника.

— Даже не думай потом возвращаться! — срывающимся голосом орал мне в спину Дориан — владелец тухлого, но весьма популярного среди местного сброда бара.

— Так я ж подохну! — обернулась через плечо и послала ему улыбку.

Больше не медлила; закинула потрёпанный рюкзак со всем своим скудным имуществом на плечи и уверенной походкой двинулась на запад — к городским воротам, — выходу из этого гиблого места.

Услышала, как Дориан громко сплюнул, и хлопнула железная дверь бара, в котором я проработала год, два месяца и двадцать два дьявольских дня, а затем раздалась сирена. Пять часов вечера — время сдачи крови в районе Семи Роз. Этот район — один из самых бандитских в Скале. Считается, что главные здесь Синеголовые — они сами себя так прозвали из-за татуировок на бритых лысынах.

Скала? Этот чёртов городишка полный развратных маньяков, тупоголовых банд, бесплатных шлюх и прочих уродцев с извращённой фантазией, был сооружён на месте Рокфорда в Иллинойсе, точнее сказать на его руинах. Здесь почти ничего не осталось: полуразрушенные здания, ржавые машины с вмятинами, огромные выбоины на дорогах, поваленные фонари и столбы вместе с сетью электропередач... Груды стекла вперемешку с кирпичом — вот чего в достатке, куда не плюнь и не ступи. Чёрные дыры в местах, где у зданий когда-то были окна, кажутся зловещими пустыми глазницами; лучше держаться от них подальше: неизвестно, кто наблюдает за тобой изнутри.

Похлопала по заднему карману джинсов — складной ножик на месте. Скинула со лба бисеринки пота, отхлебнула воды из помятой пластиковой бутылки из-под «Кока-колы» и свернула в тёмный проулок, надеясь, что сейчас все отправились на сдачу крови, и мне не придётся никому перерезать горло.

Два раза в месяц в пять вечера все, включая женщин и детей, обязаны приходить к месту сбора в своём районе и сдавать кровь. Существует специальный график, в котором помечают явку; не придёшь и самое лучшее, что с тобой сделают — выставят за ворота. А так редко поступают. Население поделено на две части: одна сдаёт кровь в начале месяца, другая в середине. Таким образом, каждому на восстановление даётся месяц.

Некоторые, в частности мужчины, приходят и дважды. Сдавай кровь и получай за неё еду, одежду, средства гигиены, медикаменты. Не хочешь — твои проблемы, — подохни. Поэтому я и прозвала место сбора крови — рынком, а как иначе? Кровь — новая валюта Скалы.

Раньше и я несколько лет подряд посещала рынок, а потом начала работать в баре, и Дориан купил для меня бланк с так называемыми печатями о сдаче крови на четыре года вперёд. И сделал он это не по доброте душевной, а потому что я одна из немногих женщин в городе, кому была дарована физическая неприкосновенность, о чём свидетельствует татуировка на моём левом запястье — круг с красным полумесяцем внутри, — знак защиты

от тех, кто решит позариться на тело. Так разве мог Дориан лишиться такого сокровища? Благодаря мне в его баре практически никогда не было разборок и насилия. Я была своеобразной системой защиты: если бы какой-нибудь пьяный урод решил подкатить, одно моё слово и уже через час он бы лишился головы. Дориан не мог меня потерять, вот я и выставила условия: бланк о сдаче крови, или уйду. Но я всё же ушла, спустя год и два месяца: время мы не обговаривали.

Из помятого мусорного бака выскочила полудохлая кошка, и я на автомате выставила перед собой нож.

— Чёрт!

Переулок между двумя полуразрушенными зданиями становился темнее. Вонь была жуткой, но к ней я почти привыкла, так воняет весь город: где-то больше, где-то меньше. Правда с желудком не повезло, он у меня не из крепких; иногда всё же выворачивает наизнанку.

Скалу даже цивилизацией назвать нельзя, здесь все будто деградировали. Самое страшное творится в районах вроде этого, где нищие и отчаянные убивают и жрут друг друга. Кошку я увидела впервые за три года, думала, им всем уже кишки выпустили, как и собакам.

Какого дьявола мне выпало счастье оказаться именно в этом гиблом городе? Таких полно в Северной Америке, но есть места и лучше, это я точно знаю! Есть города, где люди с низов выстраивают цивилизацию, помогают нуждающимся и не едят друг друга на ужин. По слухам, там действительно можно вполне себе ничего так жить. По слухам.

Но не здесь. Не в Скале. Больше я тут оставаться не собираюсь.

Мусорный бак за спиной с грохотом ударил по асфальту, и на меня уставилась пара прищуренных глаз — не кошачьих.

— Спрячь нож, девочка, — мужчина хрипло рассмеялся. — У меня нет оружия.

— Какая прелесть, — едко усмехнулась, — а у меня сейчас как раз синдром наивности обострился... Не будь идиотом! У кого сейчас нет оружия?!

— А, ну если ты про это, — он выставил перед собой кусок металлической пластины приотанной к палке, — то ладно, её я уберу.

Прищурилась, оценивая мужчину с головы до пят и мысленно приказывая ему мчаться отсюда со всех ног, потому что достать воду, чтобы потом отмыться от его крови станет существенной проблемой. Попасть за ворота у меня итак почти нет шансов, а если буду по шею в крови, то можно и вовсе попрощаться с этой затеей. Но даже если все звёзды на небе придут к единому мнению и сложится так, что мне удастся выбраться из Скалы, то за её стенами, в шмотках пропитанных кровью я буду живой приманкой для тварей, а это самоубийство.

— Вали отсюда! — приказала ему я.

— Девчонка-то с характером, — мужчина гнусно усмехнулся и прищёлкнул языком. — А почему не на сдаче?

— Могу спросить у тебя тоже самое.

Незнакомец расплылся в ленивой хитрой улыбке:

— М-м... Вот оно как. Видимо твоё появление там вызовет кучу недоразумений, как и моё.

Я задумалась: «Как этот бомж мог купить для себя бланк»?

Окинула взглядом его грязный залатанный плащ и опустила нож:

— Ты торговец?

Мужчина вскинул брови:

— И что же меня выдало?

— Выглядишь слишком жирным в этом плаще, сколько барахла у тебя там припрятано?

Торговец загоготал:

— Смышлёная.

— Я пошла.

До конца переулка оставалось метров двести — надо ускориться.

— Эй, красотка!

Раздражённо закатила глаза и даже не думала снова тормозить — у меня нету времени.

Торговец упрямо семенил следом.

— Я не буду ничего покупать, — крикнула я через плечо.

— Но у меня в плаще не весь товар! На складе ещё много чего! Даже новое кружевное бельё есть, персиковое. Думаю, как раз твой размер. Нет? Не интересуется? А как насчёт армейского ножа? Или кожаной куртки?! Почти неношенная!

Я резко остановилась:

— Мотоцикл.

Глаза торговца округлились.

— Мотоцикл есть?

— Да ты как-никак в путешествие собралась?

Я хмыкнула:

— Ага, вот думаю, как побыстрее до аэропорта добраться. Ты, случаем, не таксист?

Гадко ухмыляясь, торговец приблизился. Взгляд оценивающий. Соображает, кто я такая и откуда средства, чтобы заплатить за транспорт. Меня это не волновало: захочет донести, стоит свиснуть о домогательстве и будет торговать своей отрубленной головой.

Эту дьявольскую татуировку я ненавижу всей душой, но иногда покровительство банд приносит огромную пользу. И я не законченная дура, чтобы от этого отказываться.

— Последний байк, который катил по этим дорогам, я видел двенадцать лет назад, в грёбаный день грёбаного апокалипсиса, крошка. Те, что на ходу охраняются бандами как вагон с консервами. Думаешь, у меня и в самом деле может быть припрятано нечто настолько ценное?

— Откуда мне знать? — я пожала плечами. — Нет, так нет.

— Постой, дай подумать. — Торговец с силой потёр висок, пялясь себе под ноги, размышляя.

Вздыхнула, сложив руки на груди и мысленно подарив ему одну минуту. Всё-таки если удастся выбраться из города лучше, чтобы подо мной были колёса. Нет, не так: я и планировала найти колёса, только уже после того, как окажусь за воротами. Разведгруппы банд регулярно выезжают за пределы Скалы; я бы прикинулась бедной овечкой на дороге, ну или выставила напоказ оголённую коленку (что наверняка сработало бы лучше), а потом разобралась с двумя-тремя бандитскими рожами. А я бы разобралась, поверьте. Тем более что самых сильных на разведку никогда не отправляют. К чему такие жертвы?

Мотоциклы? Да, это роскошь. Раньше я тоже их видела: мотоциклы, автомобили, скользящие по гладким дорогам города... У моей семьи тоже была машина, помню, что не видела отца счастливее, чем в день посещения автосалона. Мне тогда было восемь, а когда исполнилось девять, Земля решила, что людям итак было отведено слишком много, и пора бы уже уничтожить всё живое, что её населяет. Только Земля не знала, насколько живучими

могут оказаться простые смертные, и пусть ей удалось превратить в пыль около пяти миллиардов жителей (цифры — лишь догадки), приблизительно миллиард послало Земле плевков в лицо. Хотите моё мнение? Их число на восемьдесят процентов состоит из самых гадких и недостойных. Порой я сравниваю их с тараканами, или крысами...

Куда делся ещё миллиард? Повторюсь, цифры весьма условные: никто и никогда не узнает точного расчёта, но примерно столько осталось за стенами тех, кто сейчас пользуется каждым удачным моментом для нападения на род человеческий.

— Ладно, говори, что я получу за мотоцикл! — Торговец стал выглядеть нервно и заметно оживился.

Я сдула с лица прядь тёмных волос и ухмыльнулась:

— Какие тарифы?

— Нет-нет, крошка, ты не поняла, никаких тарифов. Ты мне говоришь, чем готова заплатить, а я показываю, где стоит рабочий железный зверь с полным баком.

— Показываешь? — я усмехнулась. — Так он охраняемый? Думаешь, сама такой не найду? Только что толку? Сам сказал, что их охраняют, как вагон консервов.

Торговец с силой потёр ладонями, буравя меня огромными глазами цвета болота:

— Этот охраняется примерно как две-три банки с тунцом. Не много, не находишь? Угонишь его — никто не заметит! Хватятся часа через два — не раньше. К этому времени тебя, естественно, уже не должно быть в городе.

— А кто сказал, что мне нужно за периметр?

Мужчина оскалил жёлтые зубы:

— Так ты значит, просто ради забавы перед смертью решила на байке по улицам Скалы прокатиться? Как думаешь, какая банда схватит тебя первой?

Я озадаченно приподняла бровь, оценивая шансы на угон и на то, что меня пропустят за ворота. О чём это я? На байке всё равно пришлось бы прорываться, даже если бы он принадлежал мне. Девушка и мотоцикл? Нет. Не в этом городе. Женщин здесь держат только ради похоти.

— Значит, проводишь меня к мотоциклу и свалишь? — уточнила.

— Верно. Время будет самое подходящее, тебя никто не схватит, даю слово.

— Нынче слова бесценны.

— Тоже верно. Но что поделать. Так что, по рукам?

Я сделала шаг к торговцу, подсчитывая шансы на угон и скептически глядя в грязное лицо серовато-жёлтого цвета. Понятное дело, не всё так просто, как он рассказывает, но без риска в Новое время никак...

— Чего, красotka, сомневаешься?

— Хочу подстраховаться, раз у тебя своих гарантий не имеется, — улыбнулась и протянула к лицу мужчины левое запястье.

— Твою ж... — Торговец попятился, запутался в подолах плаща и повалился на спину.

Я протянула ему руку, ту самую — с татуировкой:

— Так что, договорились? Кинешь меня, и я скажу, что ты заставлял меня мерить кружевное бельё, то самое, персиковое, что лежит у тебя на складе. — Язвительно ухмыльнулась.

— Ну ты стерва! Если б я знал...

— Хорошо, что не знал.

Торговец, пошатываясь, поднялся с земли и прильнул спиной к мусорному баку:

— Никогда не понимал, что вы, суки, такого умеете, чтоб эти метки получать! Ты ходячая бомба! Да я тебе могу плечом задеть, а ты на меня свору натравишь! А если тебе просто рожа моя не понравится?.. — Торговец демонстративно сплюнул и прищурил один глаз. — И с кем из главных спишь ты? А может с двумя? Или с тремя?

Я сжала челюсти, с трудом подавляя жгучее желание снова схватиться за нож.

— Это моя страховка, ты всё понял, — выплонула. — Показывай дорогу.

— А как же оплата?

Стянув рюкзак со спины, вытащила из него пистолет и, схватив за дуло, протянула торговцу:

— Это стоит мотоцикла?

Тот нерешительно принял оружие, покрутил в руках и недоверчиво уставился на меня.

— Это не шутка, — добавила я, — патроны получишь, когда подо мной будет байк.

Пистолета у меня два, и три коробки с патронами: одна заполнена наполовину, две другие ещё запечатанные, так что кое-чем можно и пожертвовать ради такого дела. Надеюсь, Дориан не сильно расстроится, когда проверит сейф.

— От... откуда он у тебя? — кадык торговца нервно дёргался. — Ты... ты ведь баба! Обычная городская шваль! — резко поднял голову, глядя с придиркой. — Или твой покровитель настолько расщедрился, что даже пушку подарил?

— Заткнись, а?! — рявкнула я и с силой прикусила нижнюю губу; чувство боли притупляло ярость. — Ещё слово про метку или покровителей, и я самолично лишу тебя башки.

— Ладно, как скажешь. Не моё это дело, — торговец спрятал оружие под плащ, всё ещё выглядя удивлённо-недоверчивым. — Больше никаких вопросов, красотка. Ну что, идём?

— Идём, — кивнула я. — Только тебе не кажется, что плата за то, что ты просто покажешь дорогу, слегка великовата?

Мужчина вопросительно изогнул бровь:

— И что ещё ты хочешь?

Я миленько улыбнулась и потеревила языком колечко по центру нижней губы:

— Где твой склад? Куртку я тоже беру.

Глава 2

Я плохо помню этот день.

Он ничего не предвещал.

Мама забрала меня со школы, позвала обедать и тут... началось. Никто до сих пор не знает, что это было на самом деле. Просто всему наступил конец. Небо заволочло ядовито-зелёным дымом, люди стали задыхаться и ничком падали, с неба сыпались камни, наш дом был разрушен одним из них — просто вдавлен в землю. Одни говорят — это был метеоритный дождь, другие — Божья кара. А мне просто всё равно. Какая разница, если в любом случае всё было уничтожено?

Пришлось выживать.

По поводу зеленого дыма существовало гораздо больше догадок, и эта тема поначалу была интересна даже мне. Что это было? Природное явление? Атака инопланетян? Чьи-то военные действия? Неудачный эксперимент? Я до сих пор без понятия, как и другие

выжившие, которым довелось пережить Конец света.

Помню, что задыхалась. Дым поступал в лёгкие и заставлял тело биться в конвульсиях. Казалось, что все внутренности превращаются в дряхлую мочалку; было больно. С людьми в нашем тихом районе — с нашими соседями, — происходило тоже самое. Все лежали на лужайках, впиваясь пальцами в горло, и дёргались в нескончаемых судорогах.

Над одними сжалился каменный дождь — их попросту раздавило, другим же пришлось ждать мучительного конца борясь с удушьем, а третьим... таким как я, повезло пережить приступ и зелёный дым стал для нас тем же кислородом, только с едва различимым горьким привкусом. Затем он рассеялся, вернув небу привычный синий оттенок, но кислый запах остался; он до сих пор витает в воздухе, как напоминание о людских ошибках, или же всего лишь о чьём-то злом розыгрыше, расплатой за который стали пять миллиардов человеческих душ. И если хотите моё мнение — вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду.

Кто-то, или что-то пытался искоренить род человеческий и план на девяносто процентов завершился успехом. Люди были практически уничтожены, а вымирание до сих пор идёт полным ходом.

В отличие от птиц и животных, которых дым не тронул.

Соседские собаки просто лаяли, испуганно скулили, кружась вокруг своих хозяев, пока те, задыхались, барахтаясь в пожухлой траве, цепляясь за последние минуты существования. И это в лишней раз доказало, что чем бы, или кем бы этот Конец света не был вызван, он был придуман с определённой целью — избавить Землю от людей.

Только от людей.

Кому-то не повезло. Кому-то не повезло ещё больше. А кто-то, такой же как я, просто выжил — и это тоже не могу назвать везением.

Не знаю, что в нашем организме, или в нашей крови было особенным, но мы не погибли. Мы оказались невосприимчивыми к зелёному дыму. Промашка, или часть плана — нынче один из самых популярных вопросов среди выжившего населения. И, возвращаясь к теории о везении, пожалуй, всё же остановлюсь на заключении, что в какой-то степени мы счастливики. Ведь мы хотя бы остались людьми. В отличие от того миллиарда, которым зелёный дым не подарил вечный покой и не вернул к нормальной жизни, а обрёл на существование в теле пережившем жуткое видоизменение, мутацию, и теперь лишь издали напоминающее человеческий облик.

Что-то случилось с их ДНК. Люди превратились в самых настоящих тварей из фильмоужасов. Таких называли зомби, или как-то так, но среди нас — выживших, — к ним прочно прикрепились название «твари». Злая ирония, когда-то эти твари были нашими родными, друзьями, знакомыми, а теперь... теперь они нас едят, а мы их истребляем.

Твари боязливы. Это не те монстры, что жрут мозги и ничего не соображая кидаются в атаку. «Наши» твари довольно умны, они боятся заселённых городов и близко к ним не суются, однако такое всё же случается, когда голод берёт своё, а запах человеческой плоти лишает рассудка. Втакие моменты они собираются в группы и нападают.

Раньше этого почти не случалось, но за последние два года только на Скалу нападали раз двадцать, а это, уж поверьте, очень много.

«Еда» за периметром заканчивается, близится зима, а инстинкт самосохранения у этих созданий чертовски обострён, чтобы отказываться от попыток прорваться за периметр и набить брюхо перед холодами.

Твари хоть и трусливы, но сильны. Многих жертв они забирают с собой. По сведениям

разведки: одних едят, других обращают, обычно для этого достаточно одного укуса или глубокой царапины. Их мозг соображает не хуже человеческого! Твари думают! Группы разведчиков обнаруживали их в лесу, сидящих на брёвнах вокруг костров, с вполне адекватным видом! Главное их отличие от нас — изуродованная внешность и потребность в человеческом мясе и крови, а в остальном... они также выживают... как и мы.

Казалось бы, прошло всего ничего со дня Конца света. Каких-то двенадцать лет, но у меня стойкое ощущение того, что и этих лет не было. Что меня попросту перебросило в другую реальность. В чужой мир. Потому что от «моей» Земли ничего не осталось.

Как и от моей семьи.

Родителей я лишилась не сразу. Зелёный дым не убил их, и пока мы прятались, скитаясь от одного маленького городка к другому, земная кора начала двигаться. Моря и океаны выходили из берегов, вулканическая лава хоронила под собой всё, до чего могла дотянуться. Повсюду появлялись трещины, словно земля разевала множество ртов, с наслаждением пожирая всё, что принадлежало человечеству — стирая следы существования обречённой на исчезновение расы. Целые города уходили под землю... А спустя три недели всё резко прекратилось, оставив после себя поганое послевкусие и перевёрнутый с ног на голову мир.

Но не могу не отметить, как быстро адаптировались люди. Сначала я ими даже восхищалась, гордилась ими. Выжившие собирались в наименее пострадавших городах, хоть таких было и не много, и придумывали, как жить дальше. Те, у кого голова всё ещё оставалась на плечах пытались сплотить народ, предлагая здравые решения для всеобщего блага. Очень быстро вокруг городов были возведены стены, огибающие меньше четверти среднего по размерам городка. Люди работали днями и ночами, создавая баррикады из развалин домов и машин, столбов и различного металлолома. Стены росли на глазах практически из ничего. После чего их укрепляли: балочными перекрытиями, цементом, всем, что выглядело достаточно крепко. С годами стены достигли приличных высот, а в их стойкости можно было не сомневаться — ни одну атаку тварей они вынесли с достоинством. По периметру были установлены дозорные вышки и контрольно-пропускной пункт на выезде из города, там всегда много охраны с оружием. Но всё это прижилось лишь в наиболее цивилизованных по нынешним меркам городах. Многие, так или иначе, были разрушены.

На этом человеческая сплочённость и остатки разума закончились. Вандализм, насилие, воровство, убийства — всё это, уже спустя несколько лет стало едва ли не обыденностью. Убить человека ради куска сухого хлеба и пойти дальше стало сродни обычной потасовки на улице — никто даже не посмотрит в твою сторону. Одним ртом меньше, чем плохо?

Так что Скала ещё вполне ничего себе город. В нём четыре района и каждым управляет банда. Их и можно назвать блюстителями покоя горожан. Члены банд по очереди стоят на вышках, отслеживая любые перемещения за периметром, ездят на разведку, стерегут ворота и, конечно же, берут дань с народа. Дань — это кровь. После сдачи её собирают в контейнеры и в определённое время вывозят за периметр. Что происходит потом я не в курсе. Знаю лишь, что таким образом банды сдерживают нападения тварей, хотя судя по событиям последних двух лет — не очень-то у них это и получается. Обманная уловка в виде кровавых подарочков разбросанных за много километров от населённого пункта, по крайней мере, раньше точно позволяла жителям Скалы спать спокойно. Какое-то время. И только тем, кто не умирал от голода. Но что делают с кровью теперь, когда твари нападают едва ли не каждый месяц, понятия не имею.

Территория между близлежащими городами поделена, они как-то выходят друг с другом на связь — банды. Знаю, что таких городов, как Скала, где царит относительный порядок, большинство среди существующих, но для меня это всё равно гадюшник, я никогда не смирюсь с новыми мерками цивилизованности. Для меня это слишком.

Даже страшно представить, что есть места и похуже, где в скором времени люди сами же и избавятся друг от друга. Да и твари помогают им в этом гораздо чаще, чем Скале и ему подобным. В тех городах, их называют просто ущербными, нет банд, нет сдачи крови, нет торговцев и нет покупателей, там нет баров, подобных тому, в котором я работала, там не осталось еды, там есть только стены, но и те рано или поздно рухнут, потому что их никто не укрепляет. Там все обречены и мне их не жаль — они сам выбрали такой путь. Путь деградации и самоуничтожения.

Только и мне хвастаться особо нечем — в Скале не намного лучше.

Однако есть и другие города. Слухи о них давно распространяются по здешним улицам. Говорят, что там есть цивилизация. Там есть еда, потому что люди сами её выращивают, там есть скот и хозяйство. Там дома похожи на дома, а не на бараки. Там не сдают кровь и не убивают на улицах, а если и убивают, то получают за это наказание. Там нет борделей, в отличие от Скалы, где они на каждом шагу. Там есть законы — нормальные, человеческие. И местная власть не зовётся бандой. Жаль, что я так мало знаю о тех городах, но по слухам, там действительно можно жить хорошо. И там есть то, что я ищу.

Глава 3

— Как звать-то?

Я впилась в торговца размытым взглядом. Задумавшись, совсем забыла о его присутствии.

— Что, нет имени? — обнажил жёлтые зубы в ехидной улыбочке.

Раздражённо вздохнула, застёгивая металлическую молнию на чёрной кожаной куртке.

— Зеркала не найдётся?

— Ну... за определённую плату.

— Забудь.

Торговец хмыкнул и, скрестив руки на груди, подпёр спиной стену железного контейнера, в котором находился его склад.

— Ну, так что, хороша вещь, а?

В полумраке разглядеть сложно, но дыр почти нет и размерчик мой.

Понюхала рукав:

— Натуральная кожа?

— Обижаешь, красotka... У меня лучший товар!

Пахнет кожей. Свинной, или телячьей — не важно, главное, чтобы тварям меня в ней было сложнее унюхать, а так чёрта с два я бы попёрлась сюда за этой курткой. Да и желания знать с какого тела он её стащил нет никакого.

Торговец таращился на меня во все глаза, даже не пытаясь скрыть противной ухмылки на роже.

— Бельишко примерить точно не желаешь? — поинтересовался сипло.

— Тебе напомнить про гарантию? Или ты бессмертный?

Торговец вскинул руки ладонями вперёд и выпрямился:

— Молчу-молчу, забудь. Толкну другой красотке.

Сдача крови ещё не закончилась, об этом свидетельствовали пустые улицы района Семи роз, обычно на них куча бомжей и попрошайек.

— Ну и у какой банды мы будем угонять мотоцикл? — поинтересовалась, оборачиваясь по сторонам.

— У той, что сегодня дежурит.

Нахмурилась:

— Байк у ворот?

— Дура, что ли? — Торговец хрипло усмехнулся. — На кой чёрт он им там сдался? Он рядом с задней вышкой. Каждые три часа постовой седлает железного зверя и совершает объезд по периметру с внутренней стороны. Типа контроль у них такой, вникаешь? Может, пристукнули где кого, надо труп убрать.

— Знаю я про этот их контроль... Трупы неделями лежат.

Перекинула сползающий рюкзак на другое плечо. Настроение — мрачнее некуда. Дурное предчувствие у меня по поводу всей этой затеи. А ведь всего пару часов назад я разливала по стаканам жёлтое пойло для компании из трёх вонючих мужиков и требовала, чтобы за него мне отдали обещанный бактерицидный пластырь.

— Не бойся, красотка, всё пройдёт в лучшем виде! — игриво подмигнул торговец.

— Для тебя же лучше.

Через час мы были на месте. Спрятались в тени деревьев рядом с помятым трейлером, где, несомненно, кто-то жил. Или умер и сейчас разлагается.

— Вон вышка, — торговец кивнул вдаль на высокое металлическое сооружение. Даже не знаю, чем эта конструкция была раньше; похоже на подъёмный кран. — Каждые семь часов они меняются — те двое наверху, а каждые три часа один из них производит объезд. Мотоцикл вон за тем ограждением.

Я кивнула, прикидывая, как быстро смогу добежать до металлического сооружения, напоминающего клетку с раздвижными дверьми.

— Не заперта?

— Нет, — отрезал торговец, ковыряясь в зубе оторванной с дерева веточкой, и игриво дёрнул бровями. — Кому придёт в голову угонять байк под самым дулом винтовки?

Только спустя полминуты понял, что сказал:

— Эй-эй, красотка, ты же не думаешь...

— Пойдёшь со мной, — сообщила я. — Ты говорил опасность минимальная, верно? Так что пойдёшь со мной. И если надо отвлечёшь внимание на себя, пока я буду заниматься угоном.

Торговец побледнел и нервно задёргал ртом.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я решила будто бы ты отправляешь меня на верную смерть? Сделка есть сделка, — добавила жестко, испепеляя его взглядом.

— Хм. Кажется, я начинаю понимать, за что ты получила свою метку. Любишь пожестче, ага?

Я честно пыталась сдержаться, но мой локоть по собственной воле со свистом полетел в лицо торговца и тот рухнул на землю, сплёвывая кровь с разбитой губы.

— Я предупреждала.

— Справедливо, — скривился он.

В укрытии было принято оставаться до сумерек. Меня это не особо радовало, так как сматываться от тварей за периметром в темноте, самое жуткое из всего, что можно представить, а ещё надо понять куда ехать, сориентироваться, ведь я понятия не имею, что творится там — за ограждением. Но если у меня будут фары и колёса, возможно всё будет не так уж и плохо.

— Смотри-смотри, они меняются, — торговец пхнул меня в бок. От долгого сидения на корточках затекли ноги, и я плюхнулась в пожухлую траву.

— Ой, прости. Не такая уж неуязвимая, да? — смеха сдерживать не стал. Слегка откашлялся. — Осталось дождаться пока один из бритоголовых совершит объезд и сразу выдвигаемся.

Бритоголовые? Банда Синеголовых — вот у кого сегодня дежурство. Это не те, кто отвечает за метку на руке, но и не те, кто убивает без разбирательств, так что если меня схватят ещё можно рассчитывать, что перед смертью отведут на что-то вроде допроса.

— Как долго ты в Скале, девушка без имени? — Торговец принял расслабленную позу, прислонившись к стволу дерева, и внимательно посмотрел на меня. — Тут таких авантюристов, как ты мало, в курсе? Что, поджилки совсем не трясутся? Откуда, такая смелая?

У меня совершенно не было желания обсуждать нечто подобное, так что претворилась, что оглохла.

Сняла с запястья резинку и стянула слишком длинные волосы в небрежный пучок на затылке. Как только доберусь до первых ножниц, обрежу. Болтаются почти на уровне задницы. Надо было ещё в баре их остричь, не знаю, как не сообразила.

— Эй, красотка, слышишь вообще, нет?

— Чего тебе?

— Сколько ты здесь? — повторил торговец.

Вздыхнула, уперев локти в колени и отведя взгляд в сторону вышки:

— С двенадцати лет, если тебе интересно.

— Скала закалила тебя, судя по всему. — Громко фыркнул. — Надо же... Скала закалила женщину! Прямо феномен для этого вонючего города!

— Как и тебя, — кивнула, взглянув на мужчину. — Скала сделала одного из своих отбросов нелегальным торговцем. Чем не феномен?

Мужчина цинично усмехнулся:

— Ну да. И мы всё ещё не жрём друг друга. О, Скала! Чудесный городок!

Картинка перед глазами возникла, как вспышка небесной молнии: я и мама, держащиеся за руки стоим перед воротами Скалы и просим мужланов с дробовиками впустить нас внутрь. Мы бежали из города, на который твари напали два дня назад, а Скала была единственным близким городом в округе. Постовые отвели маму в крохотный трейлер, больше похожий на кабину туалета, их не было минут двадцать, а затем она вернулась в разодранной одежде и с кровоподтёком на лице; после чего нас и пропустили в Скалу. Вот сколько стоил билет сюда.

Девять лет я живу в Скале. Девять гиблых лет. Я ненавижу это место каждой клеточкой своего тела. И я собираюсь убраться отсюда.

— Так куда собралась? Поделиться не надумала? — прервал размышление торговец. — Не уж-то на поиски лучшей жизни?

Я взглянула на него исподлобья.

Мужчина сипло рассмеялся:

— О, только не надо пугать меня своими прекрасными синими глазками, ты совсем не страшная.

— Я должна найти кое-кого.

«Какого чёрта я ему это сказала?»

— Ого, кажется, наш разговор заладился! — воодушевился торговец.

Уже собиралась ответить что-нибудь гаденькое, как внезапно вечернюю тишину разрезал звук ревущего мотора. Грязный чёрный мотоцикл выезжал из клетки, как хищник из загона.

Звучит неплохо, фары работают. Осталось угнать.

— Сколько в баке бензина?

— Понятия не имею, — торговец пожал плечами, — знаю, что он всегда заправленный тут стоит, они не пропускают ни одного патрулирования. Скверна их шёлковыми сделала.

Я недовольно сдвинула брови:

— Ты говорил полный бак.

— Говорил, — уклончиво протянул торговец, — я и сейчас так думаю, если тебе от этого полегчает. Чувствую, вникаешь? Да и тут недалеко есть заброшенный городишка в южном направлении, всего минут сорок езды; до него точно докатишь. А повезёт, так и топливо найдёшь!

Сомнительная перспектива.

— Патрульного не будет в среднем минут тридцать, — продолжал торговец, — потом твой ход, красotka.

— Джей, — я снова плюхнулась в траву.

— Джей... — довольно закивал торговец. — Сдаётся мне, Джей, мы определённо станем друзьями.

Я мрачно улыбнулась:

— Я не завожу друзей.

— Но ты ведь ищешь кого-то, — мужчина выразительно поиграл бровями. — Не другая ли?

— Брось, — усмехнулась, — ты ведь не думаешь, что я отвечу.

Мотоцикл вернулся быстрее, чем мы ожидали, к этому времени я уже сполна ощутила всю нервозность ситуации. Ладони потели, так что я старательно вытирала их о поношенные джинсы. Дыхание стало тяжёлым и, судя по всему, моё состояние было сильно заметно.

— Ну, слава Богу, — вздохнул торговец, — а я-то было подумал, что ты из стали.

К клетке подкралась незаметно. Солнце уже касалось кромки горизонта, а тени деревьев укрывали от глаз двух с оружием на вышке.

— Они заняты, играют в карты, — нервно прошипел сбоку торговец. — Давай патроны и лезь в клетку за байком. Я своё дело сделал.

— Ещё нет, — шепнула в ответ. — Разве видишь подо мной мотоцикл?

Одна из дверей была не задвинута и это не могло не вызвать подозрений. Скользнула в клетку и внутри всё похолодело. Чёрт возьми, а на что рассчитывала? Всё не могло быть так просто! Мотоцикл пристёгнут к решетке огромным амбарным замком на толстенной цепи покрытой ржавчиной...

Просто отлично.

Тихо выругалась, пытаюсь соображать на ходу. Выход есть, но тогда моя спина

непрерывно словит пулю.

— Давай патроны! — раздалось шипение из-за решётки.

— Здесь замок. Байк пристёгнут.

Торговец тоже владел набором отменного мата.

У меня нет другого выбора. Или сейчас, или никогда.

Достала из рюкзака полупустую коробку патронов и второй пистолет.

— Держи и убирайся отсюда, — протянула коробку торговцу через решётку.

Тот помедлил, но взял оплату.

— Они убьют тебя. Один твой выстрел и пули тех ребят, тут же полетят тебе в голову.

— Ты ещё здесь? — нервно кусая губы, нацелилась на замок. Пот струился со лба ручьями, напряжение в руках росло. Если с одного выстрела не отвалится, второго шанса уже не будет.

И я почти нажала на курок...

— Эй...

— О Боже, свали уже отсюда! — зашипела на торговца, чьё лицо в сумерках казалось призрачно-белым.

Тот криво ухмыльнулся:

— Если выживешь и ещё разок решишь навестить Скалу, спроси Бетховена, помогу, чем смогу. И помни: у меня всегда самый лучший товар.

Фыркнула:

— Это ты-то, Бетховен? Все помешались, что ли на псевдонимах знаменитостей?

— Это наша история, Джей, — вздохнул Бетховен и раздались его быстрые отдаляющиеся шаги.

Я выстрелила.

С вышки донеслись крики, но мне повезло — амбарный замок уже валялся на земле. Оседлав байк, вцепилась пальцами в руль и под оглушительный рёв мотора вырвалась из клетки. Сзади раздалась стрельба, пули свистели над головой, и я не понимала, почему всё ещё жива. Но я жива! Жива!

Мчалась по тёмным улицам, разрывая байком воздух пополам. Резинка слетела с волос, превратив их в хвост кометы. Первые бабочки свободы запорхали в груди, адреналин внушал уверенность, что всё получится, но это был ещё не конец, самое сложное впереди — мне предстояло прорваться через ворота.

Не сомневалась — тревогу поднимут быстро. Только не зря я выбрала сегодняшней день для побега. 5 октября — двенадцатая годовщина Конца света. Сегодня этот день отмечают все: от нищих до главарей банд. Точнее заливают горе отвратительным жёлтым пойлом. Шанс того, что сегодняшние постовые на пропускном пункте будут пьяны довольно высок. В этом городе пьют все, если у них, конечно, есть чем расплатиться за спиртное, причём пьют в самые обычные дни, так что даже не сомневаюсь — сегодня будет пьян каждый! А если нет — я труп, однозначно.

Заглушив мотор недалеко от городских ворот, связала волосы в узел без использования резинки и натянула на голову капюшон от кофты так, чтобы было сложнее догадаться, к какому полу принадлежу. Если постовые с вышки ещё не успели поднять тревогу, а судя по тише у ворот — не успели, меня могут принять за своего и, по крайней мере, палить из винтовок начнут не сразу. Только времени вот от силы минуты две-три, после чего можно будет отказаться от идеи попроситься с этой дырой.

Раздался громкий смех, за ним свист — постовые привлекали внимание проходящих мимо девушек довольно потрёпанной внешности. И это был мой шанс. Завела мотор и помчалась прямо к воротам.

Люди опешили, не понимая, кто на мотоцикле. Выставили оружие, но стрелять не спешили. Я притянула подбородок к груди, чтобы разглядеть лицо было сложнее, сейчас даже радуясь тому, что наступили сумерки.

Ворота не были укреплены так же сильно, как остальные стены, потому что день и ночь у них дежурили постовые, их никогда не оставались без присмотра, так что шанс, что деревянная подъёмная решётка с годами прогнила, и протаранить её большого труда не составит, был достаточно высок. Да и к чёрту всё! Лучше я подохну прямо здесь и сейчас, чем буду жить, как жила!

Мотоцикл набирал скорость, я выжимала из него всё, на что он был способен.

— Разве объезда не было?! — закричал постовой.

— Эй, стоять!!! — заорал второй. — Стоять я сказал, или я тебе башку прострелю! Мозги с асфальта соскребать будешь!

Я мчалась на всей скорости. И всё произошло за считанные секунды.

Постовые открыли огонь в небо. Неужто решили, что это розыгрыш товарищей по банде и я остановлюсь? Обычно они не стесняются стрелять в упор. И всё-таки я до безумия везучая! Всегда такой была!

Ветер завывал в ушах, капюшон слетел, расплескав волосы. Подняла голову, и деревянная решётка оказалась близко, как никогда. От удара мотоцикла гнилое дерево рассыпалось на куски, задев мою голову и плечи. Шины засвистели по утопанному песку, байк занесло, и я пролетела через руль, проехавшись левым боком по земле.

Острая боль пронзила тело. С трудом подавила крик, рвущийся из груди, вскочила на ноги и, уже спустя секунду мотоцикл вновь ревел подо мной.

Пули свистели над головой, но я-то знаю — долгопалить не станут. Какой смысл, если меня всё равно сожрут твари, а мотоцикл они потом найдут и вернут? Твари не ездят на мотоциклах. Только вот в моей голове был совершенно иной расклад — я не собиралась сдаваться.

Рёв мотора и жгучая боль в левом плече зародили в моём сердце совершенно новые яркие эмоции. Кажется, я никогда в жизни не испытывала их прежде. Я улыбнулась. Это свобода.

Успела отъехать от Скалы километров десять, не больше, когда последние лучи осеннего солнца скрылись за горизонтом.

Глава 4

Мать продала меня.

Мы прожили в Скале чуть больше года, а затем она продала меня.

Мне было тринадцать.

Всё время ломаю голову, почему она плакала, когда прощалась, если добровольно выменяла дочь на право быть поварихой на кухне одной из банд в соседнем городе. Позже этот город был уничтожен после массового нападения тварей. Всё по стандартной схеме:

люди перестали укреплять стены и пустили всё на самотёк. Даже не знаю, выжила ли мама.

Банду, которой она продала меня называют Скверна. Думаю, не стоит объяснять, что значит это слово?.. В Скале, это малокультурное общество головорезов считается самым опасным, сильным и властным. Изначально банд было пять, но вскоре появилась Скверна, как следствие слияния двух больших группировок, которые не могли поделить лидерство и, в итоге, решили объединиться.

О да, их альянс принёс плоды!

Это стала воистину самая сильная банда, а ещё самая гнусная, мерзкая и жестокая. Они прогнули под себя весь город. Остальные три группировки продолжают своё существование лишь ради духа соперничества в Скале, ну и ради того, чтобы было с кем меняться на дежурство.

Поначалу у Скверны было два предводителя, но разве кто-то станет честно делить это место? Разумеется, нет. Не прошло и трёх месяцев с момента слияния, как одного из них не стало. Людям просто сообщили эту новость. Как факт. Что конкретно произошло с тем человеком, никто не знает. Да и если честно... кого это вообще заботит?

В тот год, когда мать продала меня, Скверна как раз открывала несколько элитных борделей. Элитных по нынешним меркам. До сих пор считается, что эта банда содержит лучших женщин. Да и женщины эти тоже неплохо устроились: их кормят, одевают, содержат. Их редко избивают, а убивают ещё реже — они под покровительством Скверны.

Самым умелым и красивым из них на левое запястье ставят метку — круг с красным полумесяцем внутри. Среди своих их называют мечеными, при простом люде — элитными шлюхами. Они спят только с теми, кто поставил им метку — со своими покровителями. Это что-то вроде извращённой версии замужества. Некоторые даже рожают детей. Стоит притронуться к такой женщине и вскоре Скверна лишит обидчика головы. Остальные же женщины — без метки, — просто грязные шлюхи, дерьмо, пусто место.

Я говорила, что чертовски везучая? О, и это правда! Однажды мне сказали, что любое везение рано или поздно заканчивается, но пока что не жалуюсь. Мне двадцать один и если бы не моё везение, возможно сейчас я даже была бы тварью. Или мертва.

Знаю, что мама, по всей видимости, хотела как лучше, обрекая родную дочь на судьбу шлюхи под покровительством лучшей городской банды. Только в голове всё равно не укладывается, как она могла так поступить. Это дико и неправильно. Ведь я её дочь. Я думала, она любит меня по-настоящему...

Только с годами я поняла, что в людях уже не осталось ничего прежнего. Даже в маме. Все мы теперь больше напоминаем диких животных следующих инстинктам самосохранения. Это мама и сделала — следовала инстинктам ради нас обоих.

Те ребята из Скверны, что проводили отбор для нового борделя, выкупили меня у матери и отправили на демонстрацию перед боссом. Я была самой младшей в группе и постоянно плакала.

Главного звали Завир, что означает «новый дом». Это был псевдоним, настоящего его имени я так и не узнала.

Никогда не забуду, как он смотрел на меня, пронзая насквозь тёмными, как ночь глазами, изучая моё лицо, моё тело, волосы... Так страшно, как тогда мне не было ни разу в жизни. Меня трясло с головы до пят, сухие всхлипы выпархивали изо рта, ворот рубашки был насквозь мокрым от слёз.

Этот мужчина был не старым, но и не молодым — около сорока, может чуть больше. У

него были густые тёмные волосы зачёсанные назад, широкие скулы и мощный квадратный подбородок обрамлённый редкой щетиной. А ещё, он всем своим существом источал страх и ужас, заражая им каждого, кто осмеливался лишь взглянуть в его сторону.

Он долго смотрел на меня, затем схватил за руку и увёл прочь из зала. Я оказалась в комнате с кроватью; судя по всему, это была его спальня. Я рыдала пуще прежнего, сотрясаясь всем телом. И ждала ужасного. Того, после чего моё желание жить явно перестанет быть таким сильным.

Но ничего не происходило, Завир просто смотрел на меня: долго, изучающе, слегка склонив голову на бок.

— Вытри слёзы, — сухо произнёс он, скорее даже приказал и я поперхнулась всхлипом. — Слёзы удел слабых.

Эти слова я никогда не забуду. С того дня я не пролила ни слезинки. Клянусь.

Завир ничего со мной не сделал. Он накормил меня больше, чем того требовалось моему иссохшему детскому организму. Дал мне чистую одежду и велел вымыться. А я всё ждала подвоха.

Но летели дни, затем недели, а подвоха всё не было. Завир был удивительно добр ко мне. Никто не касался меня, не причинял вреда и не пытался изнасиловать. Меня поселили в отдельной комнате по соседству с Завиром и даже приставили ко мнекого-товроде няни.

Надо сказать, я была вполне счастлива. После того что пришлось пережить и увидеть за последние четыре года то, что происходило сейчас, казалось настоящим раем.

Завир часто приходил ко мне в комнату по вечерам и рассказывал слегка жутковатые истории. Спать после них было страшно, но мне нравилось, что я была единственной к кому он относился с такой теплотой. Остальные боялись его, как самого дьявола. В прочем, кем-то вроде дьявола во плоти Завир и был.

Однажды мне удосужилось видеть, как он собственноручно убил человека, задушив его голыми руками. Спустя месяц этот инцидент повторился. Завир был жестоким, это знали все, но я была единственной, к кому он относился иначе. И я не понимала почему.

Спустя полгода я узнала причину. На помощь мне пришла фотография в рамке в спальне Завира, с изображением маленькой девочки, моей ровесницы. У неё были ясные синие глаза, длинные каштановые волосы, маленький аккуратный носик и пухлые алые губки. Девочка улыбалась и казалась счастливой. Это была дочь Завира. Она погибла от зелёного дыма, а точнее стала... тварью. Он сам это видел.

Причина его доброты ко мне стала ясна. Я напоминала её. И это правда — я была безумно, просто до сумасшествия на неё похожа. Если бы мне сказали, что мы сёстры я бы ни на миг не усомнилась, но это не могло быть правдой. Завир знал это, но по понятным причинам стал относиться ко мне, как к родной дочери; я буквально стала её заменой и, если честно, в то время я была рада стечению таких обстоятельств. Тогда и поняла, что чертовски везучая.

Со временем я привыкла к существованию в самой сердцевине Скверны. Все со мной нянчились и можно сказать любили. Конечно же, моё нахождение рядом с Завиром не могло не зародить множество слухов о том, кем я прихожусь этому человеку; многие считали, что ему просто нравятся маленькие девочки, но мне было всё равно, я знала правду — Завир никогда бы не причинил мне вред. Он даже звал меня именем дочери — Дженни. Поначалу мне это не нравилось, ведь у меня было собственное имя. Тогда я ещё держалась за него, как и за своё прошлое. Мои родители назвали меня Сэйен, что с индийского означает

«прекрасная».

Не такой уж и прекрасной я оказалась, после всего, что совершила за свою недолгую жизнь.

Имя «Дженни» мне радости не прибавляло, но я ничего не смела возразить и, только после того, как Завир умер, стала называть себя Джей. Удачное имя для того, кто хочет скрыть свой пол, да и созвучно с именем, что подарила мне Скверна. Я пришла к выводу, что Сэйен умерла в тот день, когда родная мать продала её. Сэйен больше не было. На замену ей пришла Дженни, а со смертью Завира родилась Джей.

Пока я жила под защитой Скверны и её предводителя толком не знала, что происходит в Скале. В большей степени это стало интересовать меня только спустя несколько лет. Я общалась с головорезами банд, расспрашивала няню, но каждый из них советовал не совать нос ни в своё дело. Я в неопасности и мне совсем незачем думать о том, как за стенами моего убежища с голоду мрут люди, сдают кровь за еду... Мне не за чем знать, как выносятся новые законы, как укрепляются стены, как на них нападают твари. Всё это мне не нужно. Но я-то знала, что ничто не вечно. Однажды моя беспечная жизнь лопнет, как мыльный пузырь и на смену ей придёт нечто другое, а другое, вовсе не значит — хорошее. Я, была уверена и уверена до сих пор, что моя жизнь закончится где угодно, только не в Скале. И однажды попросила Завира научить меня всему, чего Скверна требует от новобранцев. Сперва он долго смеялся, искренне и заливисто, затем обнял, поцеловал в макушку и тихо сказал:

— Кажется, моя девочка выросла. Я ждал этого.

Моё обучение началось, когда мне было чуть больше четырнадцати. Это была настоящая армия, просто пытка, но я и не думала отступать. Знала, что рано, или поздно моё невероятное везение даст сбой, наступят суровые дни и я должна быть готова!

Меня тренировали, как настоящего солдата. Мышцы укреплялись, тело подтягивалось, и даже кожа становилась жёстче. Вечером, раз в неделю, Завир лично уделял мне время и учил обращаться с оружием. Патроны нынче были дороже золота, но однажды, после метания ножей, он позволил мне один раз выстрелить, и я попала точно в центр мишени. Готова поклясться, что его глаза увлажнились.

После чего он ещё раз обнял меня и тихо произнёс:

— Я горжусь тобой, Дженни, звёздочка моя. Ты единственное счастье, что осталось у меня в этой жизни. И теперь я волнуюсь за тебя на капельку меньше. Ты вся в меня.

Противоречивые чувства я испытывала к этому человеку. С одной стороны он спас мне жизнь, обеспечил всем, что в Новом мире имеют лишь единицы, стал мне почти отцом. Чего скрывать — я привязалась к нему. Но с другой стороны, он был жестоким убийцей, особо справедливым тоже ни был, да, он умел подчинять себе народ, вёл его за собой, но какими способами этого добивался? Путём запугивания? Избиения? Уничтожения? Разве можно считать хорошим человека, который содержит притоны и бойцовские ямы по всему городу, а трупы тех, кого в них убивают закапывает в общей могиле на заднем дворе своего дома, а некоторые отвозит тварям? А однажды я видела, как он перерезал горло человеку просто за то, что он попросил у него воды. Возможно не очень вежливо, но это была вода! Так это ли не верх жестокости?

Завир верил, что я такая же. Думал, я иду по его стопам. Вот только это не так. Я чертовски хорошо притворялась. Каждый раз, когда Завир совершал нечто ужасное, я ставила для себя галочку никогда в жизни не повторять этого. Тогда решила, что если однажды и буду вынуждена убить, то совершу это только из крайней необходимости, но

никак не из-за глотка воды. Так я думала раньше.

Однажды, когда мне стукнуло почти шестнадцать, Завир привёл меня в мрачный кабинет, где за столом сидел человек с телом почти на сто процентов покрытым татуировками, и рассказал про метки.

Раньше я уже слышала о них, но никак не могла понять, зачем мне её делать. Всё было просто — для моей безопасности. Завир сказал, что однажды его не окажется рядом и ему будет спокойней, если моё тело будет под покровительством Скверны. В банде чтут законы и традиции, и даже если однажды их предводитель сменится, никто и никогда в Скале и подобных ему городах не причинит мне вред. Потому что Скверну бояться все.

Это была татуировка шлюхи на моём левом запястье — чёрный круг с красным полумесяцем внутри. Это был знак моей личной защиты и неприкосновенности, это была моя особая система безопасности.

Завир предупредил, кем будут считать меня окружающие вне круга банды, и я это хорошо понимала, но жизнь научила меня во всём искать плюсы. Ведь теперь к моему телу сможет прикоснуться лишь тот, кому жизнь совсем не дорога.

Я ненавидела эту метку за то, что она превратила меня в падшую женщину, но мне вновь безумно повезло, ведь только благодаря ей моё тело до сих пор остаётся невинным. Не тронутым одним из этих мерзких похотливых ублюдков, коими кишит весь город. Я знала, в случае чего Скверна защитит меня. Завир убьёт любого, стоит только свиснуть и всё потому, что я чертовски похожа на девочку, которая однажды стала тварью.

Через год предводителя Скверны не стало — сердечный приступ. Это казалось даже смешным. Более нелепой причины, чтобы прийти за Завиром смерть и придумать не могла!

Я была рядом с ним. В последние минуты жизни его разум окончательно помутился: он посчитал, что перед ним сидит его родная дочь. Не просто похожая на неё девушка, а самая настоящая Дженни. Говорил, как сильно любит меня и благодарил Бога за то, что он не забрал меня у него в тот день, когда мир сошёл с ума. А я? А я послушно кивала. Мне было жаль его, но не настолько, чтобы лить слёзы. Мне просто было грустно. Жизнь продолжается, моя жизнь изменится, на смену одному тирану придёт другой, а мир, как гнил, так и продолжит гнить дальше.

Завир спросил у меня об одном желании, и я попросила отпустить меня из Скверны. Больше мне здесь было нечего делать. И скрепя сердце он дал мне свободу. Позволил самой решать, как жить дальше, только не отречься от покровительства Скверны — это было единственное условие. Моя безопасность должна оставаться превыше всего. Я знала, что банда так или иначе будет следовать по моим пятам и что уже задолго до его смерти им были выданы указания на мой счёт, но, по крайней мере, петля на моей шее была немного ослаблена, замкнутый круг разрушен.

Мне дали свободу. Весьма ограниченную, но свободу. Моё тело по-прежнему было неприкосновенно, банда чтит свои законы, но вот работать меня заставили, и я даже думаю — отрабатывать, за все годы «райской» жизни.

Тогда я и познакомилась со Скалой по-настоящему, впервые за всё время нахождения здесь. И это было ужасно до отвращения.

Это был не город, это был ад.

Моё левое плечо настолько сильно болело, что я уже было подумывала остановиться и проверить нет ли перелома? Но ночь по обе стороны разбитой ухабистой дороги, по которой мчался мой байк приказывала ехать дальше.

Я была в пути часа полтора. Количество бензина в баке оставалось загадкой. Сколько ещё смогу проехать, прежде чем мотоцикл заглохнет и из леса появятся твари?.. Вот тебе и задачка на дорогу скоротать досуг.

Не чувствовала своего лица и кистей рук — ветер был до отвращения промозглым. Второй месяц осени, чего тут хотеть? Несмотря на то, что природа и сдвинула времена года на два-три месяца вперёд и, судя по тому, как было в предыдущие годы уже должен валить снег, в этом году его ещё не было.

Дорога с выбоинами закончилась, и я свернула на песчаную, в два раза уже предыдущей. Лес по обе стороны зажал меня давящими стенами. Стало тесно и жутко. Но я ехала в правильном направлении. Если конечно те, кто рассказывал мне про эту дорогу не лгали. А расспрашивала я много кого, отвечивая за информацию то банку консервов, то поношенные ботинки, то кусок мыла — всё, что тихонько заимствовала у владельца бара. У меня даже есть карта, но чтобы свериться с ней, нужно остановиться, а на этой дороге подобное — смертельный риск.

Он появился перед мотоциклом настолько быстро, что я автоматически ударила по тормозам, и байк с громким свистом остановился. Его бледно-салатовая кожа на открытых участках тела светилась в темноте, как фосфор. Глаза хищника налиты кровью, а то, что когда-то являлось одеждой, было разодрано на множество грязных лоскутов.

Почти не чувствуя кисти правой руки вытянула из-за пояса джинсов пистолет. Выстрел и тело твари с глухим звуком упало на землю. Ну вот и всё, меня обнаружили. Теперь начнётся охота.

Деревья по обе стороны дороги неестественно затрещали: те, кто проламывал себе путь через них, двигался проворно и явно был не один.

Я поехала дальше, быстро набирая скорость. Нужно оторваться от них и чем раньше, тем лучше.

Город, в который я ехала, называли Крест. Понятия не имею почему. Возможно люди, что живут там, по-прежнему верят в Бога и это что-то вроде церковного суеверия. Я на самом деле не знаю; когда доберусь, обязательно поинтересуюсь. Если доберусь.

Знаю, что многие из Скалы отправлялись на поиски этого поселения, их легко выпускали за ворота, конечно без того, что называется транспортом — на двух своих. Постовые провожали их смехом, каждый знал, что до мифического Креста им не добраться — твари ни за что не позволят. Покинуть Скалу так же легко как им мне мешала татуировка — меченых выпускают только с особого разрешения. У меня такого разрешения не было, да и получить его той, кто когда-то жил в самом сердце Скверны, той, кто знает её тайны изнутри, шансов не было никаких. От меня бы просто избавились, если бы хоть раз заикнулась, что хочу уйти из города. Поэтому пришлось прорываться.

Возможно кому-то из отчаянных смельчаков (или глупцов) и удалось добраться до Креста, но учитывая то, что большинство из них были слишком слабыми, безоружными и изголодавшимися, шансы были весьма малы. Понятия не имею, как бы всё сложилось, если бы не встреча с торговцем. Тогда бы я придержививалась начального плана, но не уверена, что удалось бы реализовать его с первой попытки. А сейчас подо мной байк и это просто

фантастика! Это ли не моё невероятнейшее везение?.. О, да — оно самое!

Больше ехать не могла. Три часа подпрыгивания на жёстком сидении мотоцикла, обдуваемая морозным ветром, превратили меня в стучащую зубами мумию. И о Боже, как же болело плечо.

Достигнув широкой дороги, где асфальт напоминал огромные вздувшиеся волдыри от ожогов, припарковала байк у большой груды камней, так чтобы в поле зрения была сплошная открытая местность, и скинула со спины рюкзак.

Плечо сильно ушиблено, но двигать им могу, так что возможно ничего серьёзного. Возможно просто выбит сустав. Ссадин нет, кожаная куртка смягчила падение, но вот нога... Нижняя часть правой калошины джинсов разодрана и пропитана кровью; колено разбито и сильно саднит. Как же я раньше не чувствовала боли? Адреналин, судя по всему, стал хорошим обезболивающим. И не удивительно, что твари меня обнаружили на скорости сто двадцать километров в час.

С тяжёлым вздохом устремила лицо к звёздам. Ночь была лунной. «Большой фонарь» в небе вполне прилично освещал местность и это была ещё одна причина по которой мой побег был назначен на сегодняшний день. Вообще-то я планировала добраться до Креста до глубокой ночи, но обстоятельства сложились иначе. Так что я заранее предусмотрела такой вариант и определила, когда луна будет в полной фазе.

С новым резким вздохом, безжалостно рванула вниз половину джинсовой калошины, захватив место пропитанное кровью. Оторвала от неё сухую часть, рванула по шву, затем один раз по всей длине и связала концы — получилась полоска ткани. Пропитанный кровью кусок завернула в старую газету и отложила в сторону.

Достав антисептик (украденный из аптечки Дориана), у которого срок годности прошёл много лет назад, щедро полила им рану, смыв остатки крови и перевязала колено подготовленным куском ткани. Тот, что был в газете пришлось сжечь, потратив на это две спички и немного жёлтого пойла из фляги. На вкус оно отвратительное, но горит неплохо.

Это был риск, но запах дыма лучше запаха крови, который твари чувствуют за много километров.

С плечом пока что сделать ничего не могла, придётся терпеть боль.

Воды с собой мало. Так что позволила себе сделать ровно два глотка, закинула в рот кусочек вяленого мяса зайца и оседлала мотоцикл. Мясо я не крала, это была моя зарплата за месяц, но в баре оно стоит огромных денег, точнее, какой-нибудь безделушкой в виде пластиковой ложки за него не расплатишься.

Проверить количество бензина в баке не могла — у мотоцикла не было датчика. Потёртая, но красивая надпись Indian с правого бока, говорила лишь о том, что этот мотоцикл американского производства. На этом мои знания в этой области заканчивались. На уроках по вождению организованных Завиром, о мотоциклах мало чего рассказывали. Но я точно знаю, что три часа уже проведённые в дороге очень и очень вряд ли удвоятся. Если резерв уже включился то, скорее всего мне осталось ехать не более часа. Но выбора то и нет.

Развернула дряхленькую карту. Чёрная точка, помеченная большим жёлтым кружком должна быть Крестом, но и в этом я не уверена, это лишь предположение одного охотника, который частенько подстреливал зайцев за периметром Скалы. Выменяла у него карту за несколько самокруток. Кому она принадлежала раньше, не имею понятия, возможно кому-нибудь из тех, кто отправлялся на поиски Креста, но так и не дошёл до города. Охотник нашёл карту в лесу. Она вся в засохших пятнах крови.

Скала помечена таким же кружочком, под которой стоит типографская надпись — Рокфорд. От бывшего Рокфордом города тянется толстая пунктирная линия — автомагистраль I-80W, к кружку под названием Де-мойн, штат Айова. Теперь у него другое название — Крест, если этот город действительно там. И если он вообще не миф. Судя по километражу ехать туда около четырёх с половиной часов. Три я уже проехала, полтора осталось. Хватил ли топлива — большой и жирный вопрос.

Мотоцикл заглох, когда по ощущениям было около часа ночи. Часы теперь несравнимая роскошь; те, что подарил мне на семнадцатилетие Завир, я давно выменяла на более необходимые вещи.

Мне повезло проехать последний участок автомагистрали до того, как топливо в баке закончилось и теперь, бросив Indian, я шагала по тому, что когда-то служило этому городу окружной дорогой. Точнее перелазила груды камней, поваленные столбы, обходила кратеры от каменного дождя, перепрыгивала щели и выбоины. Вокруг было глухо и пусто, по крайней мере, я на это надеялась.

И мне вновь повезло: ни одна из тварей так и не побеспокоила, пока я добиралась до въезда в город.

И вот я на месте. Остановилась, с надеждой обводя взглядом местность. Сердце издало три громких удара и безжизненно рухнуло вниз живота. Никакой надежды, можно забыть об этом. Де-мойн — это Де-мойн, это не тот город, о котором ходят слухи. Это не Крест.

Ноги подкосились, и я без сил упала на колени, почувствовав обжигающую боль в одном из них. Полуразрушенные высокие здания на фоне чёрного неба были мёртвыми, заброшенными. Запах смерти витал в воздухе, посылая желудку болезненные спазмы.

Это обычные развалины. Никто и никогда не возводил здесь стены, не укреплял город, не выставлял постовых. Здесь нет цивилизации. Здесь вообще... ничего нет. Обычный город-призрак. Это не Крест.

Горло сдавило от горького спазма, в груди появилась непосильная тяжесть, медленно вдавливающая тело в асфальт. Может быть это и есть самый подходящий момент, чтобы вспомнить, что такое слёзы?.. Интересно, что бы сказал Завир, узнав, какую жалкую свободу обрела его маленькая девочка? Мне ни за что не дойти обратно до Скалы, да и желания нет никакого. Наверное, это конец. Кажется, моё везение только что иссякло.

Идея пустить самой себе пулю в висок в итоге показалась абсолютно незаманчивой. Поэтому единственное, что подсказывала мне логика — идти в город. Скорее всего, твари уже успели сожрать в нём всё, что можно было сожрать и сейчас держатся вблизи других поселений, там, где есть люди. Так что я зашагала в Де-мойн, в надежде найти убежище хотя бы до утра.

Содрогалась всем телом, медленно продвигаясь по мрачным улицам, уничтоженным вдребезги. Картина была мне знакома с детства, ещё до прихода в Скалу, так что внешний вид разрушенного до мозга костей города не вселял особого страха. Больше пугала тишина. Зловещая, угнетающая. Де-мойн стал огромным кладбищем с жуткой вонью. Это и наводило жути.

Брошенных машин было не так уж много, видимо многие успели уехать, но вот далеко ли...

Остановилась перед помятым грузовиком и брови невольно сдвинулись — у автомобиля отсутствовали шины. Это означало лишь одно — кто-то и зачем-то их снял и вряд ли это был мертвец и уж точно не тварь. С несколькими машинами поблизости было проделано тоже

самое. Может, этот город не такой уж и призрак и иногда в него кто-то заглядывает?

Тугой узел в груди начал потихоньку развязываться. Если Де-мойн всё ещё обшаривают, то куда-то же они увозят эти шины. Где-то поблизости есть цивилизация и даже если она будет чем-то похожа на Скалу, это уже станет огромным подарком. Меня там не тронут, у меня есть метка, все города наподобие Скалы повязаны.

Остаётся ждать до утра и выбрать наиболее подходящее направление, в котором стоит двигаться, пока что даже луна не спасает положения, ничерта не видно.

Остановившись возле полуразрушенного здания, которое когда-то было огромной высоткой, пока благодаря «небесным» камнямне потеряло несколько уровней, скинула рюкзак и размяла плечи. Чёрт, как же больно.

Запасы воды становились мизерными, я позволила себе ещё два глотка и спрятала бутылку с глаз долой.

— Да, Джей, сегодня определённо не твой день, — вздохнула, ища глазами подходящее здание для ночлега.

Раздался громкий хлопок. Выхватила из-за пояса пистолет и, отрывисто дыша, прильнула к стене. Глаза были раскрыты настолько широко, насколько это вообще возможно. Шея двигалась так быстро и отрывисто, что был слышен хруст позвонков. Обшаривала взглядом каждый уголок здания через улицу, каждую щель и каждую дыру, которые когда-то были окнами. Ничего нет. Ничего не видно.

Кошка? Вряд ли.

Крыса? Вполне возможно.

Ещё один хлопок с другой стороны. Из груди вырвался судорожный выдох, и я тут же направила пистолет в ту сторону.

Много крыс?..

Новый хлопок, гораздо громче и ближе. Сглотнула, чувствуя, как по виску заскользили капельки пота.

Нет, всё это определённо плохо. Очень и очень плохо.

Они стали выпрыгивать с окон второго этажа. Один, два, три, четыре... Много... много тварей! Пуль в обойме на всех не хватит. На перезарядку не будет времени.

Подхватила с земли рюкзак и рванула вдоль по улице. Перепрыгивая через камни, ямы и стекло. Неслась сломя голову, проклиная день, когда решилась на эту вылазку. Это было самоубийство! С самого начала! Надо было придумать, что-нибудь другое вместо поисков города, которого никогда не существовало!

Их лица бледно-салатового цвета призрачно светились в темноте. Твари наступали со всех сторон, с каждого проулка, выпрыгивали из зданий. Их было так много, что всех боеприпасов Скалы наверняка не хватило бы, чтобы их перебить. И это была ловушка. Я сама загнала себя в неё.

Твари рычали, как самые настоящие хищники. Запах на улицах стал ещё более отвратным. Кажется, мой желудок вот-вот вывернет наизнанку.

Холодный воздух обжигал лёгкие. Несколько раз споткнулась и упала, разодрав ладони до крови. Теперь ещё больше дразню их запахом своей крови. Меня разорвут на части за считанные секунды.

Никогда в жизни я не бегала так быстро. Сердце колотилось где-то в горле, ноги отскакивали от асфальта, как две мощные пружины, а рюкзак больно лупил по спине, болтаясь на повреждённом плече.

Только мне всё равно не сбежать. Бежать-то некуда!

Раздался новый звук. Не рык и не топот бегущих ног. Это был... рёв мотора?! Но я даже не могла остановиться, чтобы понять, откуда он доносится.

Снова упала, тварь тут же схватила меня за щиколотку и потащила по асфальту. Я истошно закричала, отбиваясь свободной ногой, но быстро совладала с паникой и, развернувшись, прострелила твари башку. Когда-то это была обычная женщина средних лет.

В тот миг, когда я свернула на соседнюю улицу, раздались выстрелы — не мои. Твари не глупы, они соображают, поэтому их движение замедлилось. Они так же, как и я, выискивали источник шума, нарушивший их планы.

Из-за угла двухэтажного здания вырулил чёрный мотоцикл. Он неумолимо приближался ко мне и к огромной толпе моих преследователей.

На бегу, оборачивалась через каждые несколько шагов, не желая упустить байкера из поля зрения. Но мне пришлось остановиться. Это был тупик. Дальше бежать некуда, меня заключили в кольцо.

Рёв мотора становился громче. Я запалила из пистолета по тварям, что были ко мне ближе всех. Когда обернулась на звук мотоцикла, то разглядела блестящий в лунном свете шлем на голове владельца и вытянутую в бок руку.

«Он хочет, чтобы я запрыгнула на байк на ходу?! Серьёзно, что ли?!»

Принялась мочить по тварям, расчищая мотоциклисту дорогу. Его рука была уже совсем близко. Миг и я ухватилась за неё. Рывок, так что весь воздух со свистом вылетел из лёгких: человек подкинул меня в воздух, затем резко притянул к себе, и я оказалась за его спиной, сидя на твёрдом сидении байка.

Ветер свистел в ушах, протыкал кожу рук и лица ледяными иголами. Я вцепилась замёрзшими пальцами в край сидения между мной и незнакомцем, концентрируя всё внимание на том, чтобы не свалиться. Я не хотела прикасаться к человеку. И не потому что дело было во мне. Нет, я просто не хотела создавать ему лишних неудобств. Новый мир далёк от того, чтобы вот так вот запросто касаться незнакомца — за такое могут и убить. И всё же, он не оставил меня на растерзание тварям. Кем бы он ни был, его сердце всё ещё сохраняет остатки человечности. Если он сам, конечно, не планирует меня сожрать.

Мотоцикл катил по извилистым напоминаниям о дорогах уже около часа, когда начало казаться, что я теряю сознание. Лимит сил был на исходе. И я уже на полном серьёзе собиралась прокричать об этом незнакомцу, как вдруг, перед глазами открылось нереально потрясающее зрелище.

На фоне медленно белеющей полосы горизонта показался город и его мощные стены высотой с десятиэтажный дом! Это казалось невозможным... Ни у одного города нет таких стен — они из мира фантастики! Но я вижу их, они настоящие... Даже представить не могу из чего их сконструировали. С дали всё выглядит как огромная, тесно сплетённая железная паутина. Вышки расставлены по всему периметру и на каждой горит яркое пламя — факелы.

Даже дышать перестала, настолько невероятным было зрелище. Это точно не сон?

Мой спаситель внезапно зашевелился, выудив из нагрудного кармана джинсовой куртки рацию.

— Открыть главные ворота, я подъезжаю. — Голос был низким и слегка хриловатым, словно он долгое время кричал, но никак не старым. В тоже время в нём ясно слышались властные нотки, вероятно, этот человек не из последних в этом городе.

Проехав через двойные ворота с металлической решёткой, мы промчались по тёмному,

встроенному в стену тоннелю и миновали ещё одни ворота — толстые, как дверь огромного сейфа.

Незнакомец не стал останавливаться и покатил дальше по широкой мощёной гладким камнем дороге без единой выбоины, или трещины, словно соорудили её не так давно.

В тот миг, когда уже собралась оглядеться, чтобы понять, где нахожусь, мотоцикл резко остановился и запястье обожгла тугая боль от сильных вцепившихся в него пальцев. Ещё миг и незнакомец в шлеме швырнул меня на землю, так что травмированному плечу пришлось испытать новую пытку. Сильно зажмурилась и до солёного привкуса прикусила губу, подавляя стон, сквозь глаза-щёлочки наблюдая, как байкер возвращается к мотоциклу, отвязывает от него маленький кожаный мешочек и прячет под куртку.

Раздался топот ног. Я на автомате выхватила из-за пояса пистолет, но его тут же вырвали из моей руки. Схватили за искалеченное плечо и вздёрнули на ноги. И я понятия не имею, кто этот агрессор в шлеме, но он уже меня бесит. Сейчас в его действиях нет и капли доброжелательности!

Вокруг нас столпились люди в странных одеждах: половина в тряпье прошлых лет, половина в серых рубашках одинакового покроя, невзрачных, сшитых вручную. Многие держат факелы в руках, так что вокруг светло, как при полуденном солнце. Некоторые выглядят потерянными, помятыми, будто их выдернули с постели, а некоторые так, будто вообще не ложились.

Мой взгляд метался от одного лица к другому. Я пыталась определить, понять их намерения. А что если они гораздо хуже тех, кто живёт в Скале?..

Вновь уставилась на байкера, как раз в тот момент, когда он освобождал голову от шлема. И вдруг... внутри всё взорвалось, закрутилось огненным вихрем и больно ударило в голову пониманием, узнаванием, неверием... Это он! Он! Я узнала его. Не могла не узнать.

Большие ярко-зелёные глаза цвета первой травы по весне глядели с нескрываемым подозрением. Тёмно-каштановые густые локоны задевая кончики ушей обрамляли лицо в занимательном беспорядке, непослушно торча в стороны, то ли по своей природе, то ли благодаря шлему, однозначно — это выглядело, как надо. Высокие скулы добавляли остроты и властности, волевой подбородок с лёгкой небритостью играл желваками, так крепко этот парень сжимал челюсти. Пропорциональный ровный нос, чьей идеальности в Промышленном мире легко можно было позавидовать, пухлые, будто налитые кровью губы то и дело приковывали взгляд, а гладкую загорелую кожу, мерцающую в свете факелов, больше нельзя было назвать бледной и невзрачной, какой эта кожа была раньше.

Кажется, везение меня не покидало.

Это был он — тот, кого я икала.

Я нашла его.

Глава 6

Бойцовские ямы. Там я проработала три года после смерти Завира. И это было неплохо, учитывая все нюансы по поводу обещанной свободы.

Мне разрешили жить в здании, отведённом под персонал работающий в бойцовском клубе. Ко мне больше не была приставлена охрана из двух головорезов. И мне платил зарплату. Обычно это была еда, одежда или средства личной гигиены. Скверна платила так

всем, кто на неё работал. Все бойцовские ямы в городе принадлежали ей. И Завир был тем, кто придумал для Скалы это развлечение.

Вид моей деятельности, конечно, оставлял желать лучшего, так как пять дней в неделю я передвигалась от одной ямы к другой (всего их было три) и лицезрела кровопролитную чертовщину, что там творилась. Иногда были турниры, иногда показательные бои, суть одна — один из бойцов превращал другого в мясо, на глазах у сотен озверевших от наслаждения наблюдателей.

Это было жестоко. К этому надо было привыкнуть.

Скверна содержала своих бойцов, превращала в рабов. Их натаскивали, как собак и выставляли на арену для зрелищ. Никогда не понимала: неужели произошло недостаточно плохого, раз людям всё равно необходимо лицезреть нечто настолько аморальное?.. Они жаждали крови. И, конечно же, платили за место вокруг ямы, делали ставки и выбирали себе любимчиков — бойцов, — обычных молодых парней и мужчин постарше, которых считали животными. Бои хотели видеть все. Довольно часто в Скалу даже приезжали из других городов.

Моя задача заключалась в том, чтобы принимать ставки — я была букмекером. Сидела в сторонке с блокнотом для записей и карандашом и помечала кто, что и на кого сегодня ставит. В рабочее время рядом была охрана, не для меня, а для барахла, что ставили на кон, и для Фокса — пухлого мужичка, который бил в гонг и по приказу выпускал собак в яму в случае неповиновения бойцов. Клетки с обезумевшими от голода и ярости животными были расставлены в четырёх местах по периметру от ямы. И надо сказать, их довольно часто открывали.

Спустя пару месяцев после такой «незаурядной» работы я увидела в яме его.

Скверна прозвала его Койот.

Что я знаю о койотах?.. Не много — хищники похожие на волков. Понятия не имею, почему Скверна прозвала его именно так, вряд ли они вообще над этим задумывались, но возможно... возможно потому, что этот парень был невероятно живуч — койоты были такими. Ели почти всё, легко приспосабливались к новой среде обитания, только вот койот скорее стайное животное, а этот парень... он был законченным одиночкой.

Когда я впервые увидела его в яме, самым большим, чем он выделялся среди остальных бойцов, так это своим ростом — Койот был под метр девяносто. Был ли он крупным и накаченным? Нет. Он был жилистым и очень худым.

Его волосы, точнее волосы всех бойцов, всегда были коротко острижены. У Койота они напоминали густой ёжик цвета шоколада. Ярко-зелёные глаза всегда были широко открыты, но не от страха, а скорее для того, чтобы не упустить из виду ни одной мелочи. Пухлые, будто налитые кровью губы ярким пятном выделялись на фоне бледной кожи. Волевой подбородок казался излишне напряжённым, словно он никогда не расслабляет сжатые челюсти, хотя... какое тут излишество, когда находишься в самом центре кровопролитных боёв?

На вид ему было лет восемнадцать, ещё совсем молодой парень. Не знаю почему я выделила его среди остальных бойцов, точно не по той же причине, по которой выделяли его остальные женщины. В отличие от них меня мужчины вообще не интересовали. Мужчины?.. О, нет, — вонючие похотливые мрази, для которых женщины вообще перестали людьми считаться. И я была уверена — Койот ни чем не лучше.

Но столько фанатов, сколько этот боец заполучил себе после первого появления в яме,

было рекордом. На первом же бою он избавился от противника ровно за минуту сорок секунд, нанеся один точный и проворный удар кулаком в щитовидный хрящ. Это конечно тоже привлекло моё внимание, но было не главным. Меня поражало его хладнокровие. Обычно, бойцы, особенно новички, пытались сбежать, молили о пощаде, отказывались драться и даже плакали, бывало и такое. Самые сильные и оборзевшие наоборот вели себя вызывающе: заводили толпу, раскрашивали лица грязью, осыпали противников угрозами. Эти бои приносили им такое же наслаждение, как и тем, кто пришёл посмотреть.

Но не Койот. Он был другим.

Каждый раз на его лице будто была маска из стали. Глаза казались ледяными и сосредоточенными, взгляд хладнокровным и глубокомысленным. Он был, как робот запрограммированный на убийства. Выходил на арену, избавлялся от противника и не секунды не медля уходил.

С каждым боем армия его фанатов росла. Стольких ставок, сколько я приняла на него за два года, не удостоился ни один боец. Хотя я, почему-то была уверена, что всё это его вообще не интересовало. Ведь на самом деле он был всего лишь рабом Скверны — их ручным убийцей.

Одиночка. Ни с кем не контактил. Ни с кем не спорил. Ни с кем не говорил. Вообще. Головорезы банд считали его немым.

Как-то раз я услышала разговор двоих из Скверны; те трепались, что если этого парня не прикончат на арене, то в ближайшее время ему перережут горло, когда он будет просто обедать, или качать пресс. Потому что его считают изгоем, не Скверна — другие бойцы. Другие бойцы его ненавидели. Жалкие трусы...

С каждым месяцем тело Койота менялось, приобретая твёрдые рельефы. Кубики пресса на животе и мускулы на руках росли со скоростью света, но было очевидно — он не собирается себя перекачивать, он должен оставаться проворным и лишние объёмы тела, пусть даже стальные, ему ни к чему.

С годами его тело стало идеальным, а удары ещё более отточенными, ещё более смертоносными. Его никто не мог сломить. Так все думали. Пока через два года Скверна не решила ввести в игру другого фаворита — молодого паренька, который внешне очень напоминал прежнего Койота. Паренька именовали Пандой. У Скверны была странная привычка называть бойцов в честь животных.

Панда быстро набирал популярность, а Койота в это время стравливали с самыми сильными бойцами из всех имеющихся. Тогда-то бои и стали длиться намного дольше. Помню, как изгрызла весь карандаш от нервов, наблюдая, как его убивают. Если честно, все думали, что это был последний бой для великого Койота. Но Койот вновь одержал победу. Уверена, у него было сломано не мало рёбер; лица из-под крови и гематом вообще не было видно, он сильно хромал, а левая рука болталась вдоль туловища словно бездушный хлыст.

И ему не дали время на восстановление.

Панда был его следующим противником. Разве это был не лучший шанс для молодого бойца заполучить на свою сторону всех фанатов, убив на дуэли самого Койота? Да, это был его шанс стать новым чемпионом.

Я искусала губы в кровь ещё до начала боя. Костяшки пальцев побелели — так сильно я сжимала кулаки. Ведь это было неправильно и ни разу не справедливо! Разве такой боец, как он, заслужил такого конца?!

Фанаты разделились на два лагеря. Одни неодобрительно свистели, другие довольно

рукоплескали. Ведь это был бой века!

Вот только он не спешил начинаться. Ни Койот, ни Панда не двигались с места. Они беспрерывно смотрели друг на друга и не шевелились. Что между ними происходило? Потом я ещё долго ломала над этим голову. Одно было ясно — ни один, ни второй, не хотят убивать. Неужели Койот обзавёлся другом?..

Их толкали палками в спины и угрожали спустить собак, но ни один из бойцов не двигался в сторону противника. Панда что-то прокричал головорезам и получил палкой в лицо. И Панда явно не был наделён самообладанием Койота, потому что тут же вскочил на ноги, вырвал палку из рук охранника и ударил тому по спине. В ответ Панде прилетело под дых и тот сложился пополам.

Всё это время Койот стоял неподвижно, но готова поклясться, за все два года, что я наблюдала за ним в яме, стальная маска на лице впервые дала сбой, обнаружив глубокую впадинку между густыми бровями. Его глаза больше не были двумя кусками льда — они светились от гнева, горели адским зелёным пламенем, предвещающим новый Конец света.

Мне кажется, Койот знал, на что идёт. Он был готов умереть на этом бою. Только иначе — не от рук Панды.

Койот схватился за палку своего охранника и, рванув на себя, перекинул головореза через голову, ударив спиной о твёрдую землю. Пистолет блеснул чёрным металлом, но уже спустя секунду оказался у Койота и он, не став долго думать, выстрелил верзиле прямо в сердце.

Новые головорезы Скверны вырвались на арену, Койот пустил по пуле в каждого, оставив валяться в лужах собственной крови.

Всё происходило настолько быстро, что я с трудом улавливала цепь событий. Помню, что все вскочили на ноги; началась самая настоящая давка. Головорезы Скверны вывалили на арену целой толпой, некоторые из них избивали сопротивляющегося Панду и тому удалось нейтрализовать двоих, прежде чем ему перерезали горло.

И это был первый раз, когда я услышала голос Койота.

Этот обезумевший рёв раненного медведя перекрыл весь шум вокруг. Он голыми руками скрутил шеи убийцам Панды, но больше ни на что не оказался способен. Ему заломили руки, опустили на колени и приставили пистолет к виску.

А дальше всё произошло за какие-то доли секунды, но мне казалось, что время остановилось, что Земля стала вращаться в несколько тысяч раз медленней.

Я пронзительно закричала, как будто это могло остановить ту секунду времени, когда Койоту выпустят мозги. Просто потеряла рассудок от несправедливости, от жгучей ярости, отравляющей кровь.

Отшвырнув с дороги пузатого Фокса, отвечающего за гонг и собак, опустила тяжёлый рычаг и в эту же секунду на арену вырвалось три десятка озверевших от голода, натасканных псов, каждый из которых был размером с волка.

Всю арену заполняли головорезы Скверны, а Койот находился в самом центре и был удачно зажат ими со всех боков. Лучшего положения для него и придумать было нельзя. Я точно знала, что делала. Ну или... это всё, что я могла сделать.

Таких криков я никогда не слышала. Головорезы пытались защищаться, но у них это плохо получалось: собаки были озверевшими монстрами, они раздирали их тела в клочья. Кровь и куски мяса были повсюду.

Судорожно дыша, я пыталась отыскать глазами Койота. Не убила ли я и его? Удалось ли

ему сбежать, воспользовавшись моментом? Или его всё же пристрелили?..

Наконец я увидела его спину: в этот момент Койот отшвыривал от себя пса, словно мягкую игрушку. Отбросил ещё одного и, хромающим, но очень проворным шагом направился к выходу. Не знаю, но в тот момент, когда его спина скрылась за занавесом, я ощутила горечь. Должна ли была? Ведь я только что спасла ему жизнь, но теперь уже вряд ли увижу этого человека снова... Этого бойца. Самого сильного человека на свете.

Больше в Скале о нём никто не слышал. Никто не знал, что с ним случилось. Говорят, что его видели возле городских ворот после побега с ямы, но вряд ли это было правдой — ни одна душа не выпустила бы Койота из города. Скверна не содержит предателей, да и ни один головорез не стал бы рисковать жизнью ради какого-то там раба.

На этом всё. Больше никаких слухов. Он будто исчез. Город переворачивали с ног на голову ни один раз, Скверна просто озверела после того происшествия, но Койота они так и не нашли. Сперва все думали, что он залёг на дно, а я почему-то не сомневалась, что в городе его нет, что ему удалось попасть за периметр, не знаю как, но удалось. В этом я была уверена.

Виноватым в спуске собак сделали Фокса, ему даже рта не дали раскрыть в своё оправдание, просто перерезали горло на месте.

Спустя несколько месяцев появились слухи о том, что Койота видели в штате Айова. Там, где также по слухам находился Крест. Члены банд, и не только Скверны, когда-то активно интересовались информацией об этом городе, в то время они даже частенько ездили в штат Айова на разведку. И говорят, что в одном из заброшенных городишек по дороге и видели Койота.

Это казалось полнейшей нелепостью. Что он один мог делать в заброшенном городе? Как ему удавалось выживать до сих пор? Всё это казалось слишком неправдоподобным, чтобы сойти за правду. Да и не много ли чести для какого-то там раба, чтобы о его побеге до сих пор вспоминали, ставя под сомнение репутацию Скверны?.. В общем, слухи про Койота быстро пресекли и похоронили. А ни одна из банд так и не добралась до Креста. После одной из вылазок, когда из десяти головорезов вернулись только двое все попытки было решено прекратить.

И больше про Койота слухов не было.

Я так и не поняла, что испытывала к этому парню. Очевидно, что он был мне не безразличен, только эти чувства были далеки от нежности. Поверьте, ничем подобным здесь и не пахло. Это Новый мир и слово «любовь» в нём давно забыто и проклято. Наверное, я восхищалась Койотом. Его стойкостью и борьбой за жизнь. Тем, как он смотрел на всех, тем, как двигался и как вёл себя перед публикой... Он казался непобедимым. Он был убийцей, но кто в Новом мире им не был? Он был смелым — это точно, и не таким уж бессердечным, как оказалось. Ведь возможно Панда всё-таки стал ему другом.

Я часто вспоминала Койота после того боя. И когда в моей жизни случилось нечто означающее, что одной мне с этим не справиться, я снова вспомнила его — самого сильного человека на свете. Теперь мне нужна его помощь, ведь однажды я спасла ему жизнь. Сам Койот передо мной в долгу.

Народу становилось всё больше. Складывалось ощущение, что моё появление в этом городе — событие мирового масштаба. У них что, так редко бывают гости?

Койот не сводил с меня недоверчивого взгляда и сейчас его глаза казались такими же ледяными, какими были во время боёв.

Смешанные чувства я испытывала. Не думала, что мне удастся отыскать его так легко. Ну... довольно легко.

Он казался таким знакомым, словно давно забытый приятель, который вновь ворвался в мою жизнь. Кажется, я по нему даже скучала, в каком-то понимании. Но ведь всё было совершенно не так! Я не могла улыбнуться ему и спросить «как дела»? Не могла сказать, что рада тому, что он до сих пор жив. Я вообще... ничего не могла! Я для него никто. Он не знает, кто я такая. Думаю, вряд ли Койот обращал внимание на девчонку с блокнотом в руках, принимающую на него ставки. Он вообще ни на кого не обращал внимания! Может это и хорошо. Может, если бы он узнал меня, то задушил бы на месте того, кто работал на Скверну. На тех, кто сделал из него раба. Животное.

Ко мне шагнул человек с факелом. Высокий и худощавый, с морщинистым болезненно-бледным лицом, с копной русых волос и горбатым заострённым носом. На вид ему было лет сорок и всем своим видом он кричал о недоверии. Суженные глазёнки серого мышинного цвета пронзали взглядом насквозь точно два острых кинжала.

Он долго осматривал меня с ног до головы, словно нечто инопланетное, или заразное и наконец, повернулся к Койоту.

— Где ты подобрал её, Чейз? — Его голос был сиплым, но властным. А ещё я только что узнала настоящее имя Койота. Если и оно настоящее.

— В Де-мойне, спасалась от тварей, — безразличноотозвался Кой... Чейз, сурово глядя на мужчину с факелом, точно недолюбливая его.

На несколько секунд я просто зависла, потому что услышала его голос. Он был как... был как... шум волн... Ох, дьявол, похоже я действительно стала его фанаткой. Почти уверена, что если бы мир был прежним, я бы не постеснялась попросить у него автограф! И внешность Аполлона здесь совершенно ни при чём, ведь этот человек — само воплощение силы и выносливости!

— И что? — голос сиплого вывел меня из оцепенения. — Напомнить тебе правила? — Громко сплюнул на землю. — С некоторых пор мы не подбираем людей, Чейз! И уж точно не привозим их в Крест!

Взгляд Чейза стал ещё более ледяным и свирепым; этому парню явно не нравится, когда его отчитывают. Кадык дёрнулся, но голос остался прежним, сухим и даже скучающим:

— Могу прямо сейчас выбросить её за ворота.

Я сглотнула, мысленно придумывая план. Мне нельзя за ворота. Там твари. А где-то в грудимимолётным сквознякомпролетела обида на того, кто был обязан мне жизнью. Но даже на это я не имела права, ведь он знать не знает, что это я помогла ему выбраться из ямы живым.

Чейз сделал шаг ко мне и схватил за левое запястье, вывернув руку. Я застонала и вновьприкусила губу, почувствовав на языке вкус металла от колечка. Кажется, моему плечу конец.

— Что у неё с рукой? — произнёс сиплый, явно с большим интересом, чем заслуживала моя персона. — Твари... они её...

— Не знаю, — перебил Чейз. В каждой нотке голоса читалось абсолютное безразличие.

Сиплый сделал шаг к Чейзу, глаза стали ещё уже:

— Не знаешь? Ты, мать твою, не знаешь, контактировала ли она с тварями и привёз её сюда? Башкой стукнулся?!

Чейз скучающе вздохнул:

— Так мне вышвырнуть её, или как?

— О-о, будь добр!!! — проревел сиплый.

Я не могла поверить — Чейз потащил меня в сторону ворот.

— Эй! — закричала я, севшим голосом. — Что значит, ты вышвырнешь меня?!

Он не отвечал, просто тащил за собой, ухватившись за руку с повреждённым плечом.

— Ты не можешь меня вышвырнуть! Какого хрена тогда спасал?!

Молчание. Толпа послушно расступалась перед нами.

— Эй, я знаю, что ты умеешь говорить!

Чейз бросил на меня короткий многозначительный взгляд.

— Удивлён?! — мой голос набирал обороты, злость закипала в венах. — Дал бы тварям сожрать меня, нечего было затаскивать на байк!

Но Чейз продолжал тянуть меня к выходу, абсолютно игнорируя.

— Если вы не спасаете людей, тогда откуда они все здесь? — заорала я ещё громче. — И почему тебя они не вышвырнули?!!

Чейз так резко остановился, что я едва ли не впечаталась в его широкую спину. Обернулся. Поглядел вниз. Вниз, потому что моя макушка с трудом доставала до его подбородка. Два изумрудных куска льда на уровне его глаз не говорили ничего хорошего, густые пряди волос слегка прикрывали брови злобно сдвинутые к переносице, по челюсти метались желваки. О, как же это было знакомо... Что теперь? Хук справа?

Я не сводила с него глаз, глядя не менее жёстко. Ему не запугать меня, не дождётся! И даже учитывая мою осведомлённость о способностях этого парня, я не сдвинусь с этого места, даже если начнётся второй Конец света!

Ещё немного и посыпаться искры — ни один не желает отводить глаз, видимо этот парень не привык, что кто-то настолько открыто и бесстрашно осмеливается на него тарашиться. Уверена — не привык!

В какую-то секунду его челюсти перестали быть такими сжатыми, губы расслабились, вновь налившись кровью, а в следующую секунду он потащил меня дальше.

— Стой! — Этот голос был новым. Басистым, но приятным. — Ты не станешь этого делать!

Чейз устало вздохнул, словно эта возня ему порядком надоела, и развернул меня обратно.

— Определитесь уже, а? — бросил раздражённо.

Рядом с сиплым стоял темнокожий мужчина, размеры его тела даже превышали размеры Чейза. Голова брита под ноль, карие глаза миндалевидной формы, широкий нос и выступающий подбородок. Думаю, что они с сиплым приблизительно одного возраста.

Темнокожий осмотрел меня с головы до ног, строгим, но вовсе не брезгливым взглядом и негромко спросил:

— Как твоё имя?

— Какое именно тебя интересует? — поинтересовалась с горькой усмешкой. — То, что дали мне родители, имя, которое сейчас носит одна из тварей, или то, которым я назвала себя сама?

На удивление, губы мужчины растянулись в мягкой улыбке.

— Которое тебе самой нравится, — кивнул он.

— Джей, — ответила не раздумывая.

— Джей... — медленно повторил темнокожий. — Очень хорошо. И откуда ты, Джей? — Видимо опять ожидал услышать что-нибудь гаденькое, потому как продолжал едва заметно улыбаться, но на этот раз я ответила прямо:

— Из Скалы.

По толпе пробежал шумок. Сиплый раздражённо фыркнул и даже не взглянул в мою сторону. А Чейз... Чейз скрестив руки на груди смотрел на белеющую полосу горизонта, где осеннее солнце пробуждалось, зевая, вытягивая длинные лучи в приветствии умирающего мира и поблескивая в каштановых волосах Чейза медными прядями.

— Слушай, Дакир, прекращай возню, а? — скучающе протянул сиплый. — Пусть твой парнишка вышвыривает её и дело с концом. — Недовольно оглядел толпу и подгоняюще замахал руками. — И давайте, расходитесь уже, если не хотите прямо сейчас по рабочим местам отправиться. Не на что здесь смотреть!

Дакир шумно вздохнул и одарил сиплого тяжёлым укоризненным взглядом.

— Что?! — возмутился сиплый, дёрнув плечами и указал на меня пальцем. — Она может быть заражена!

Дакир плавно перевёл взгляд на меня:

— Ты заражена?

— Нет, — ответила более резко, чем следовало бы.

Дакир снова повернулся к сиплому:

— Она не заражена. Так что повода вышвыривать её я не вижу.

Глаза сиплого полезли на морщинистый лоб:

— А если скажет, что она твоя мамаша, тоже поверишь?!

— Иди спать, Блейк, — посоветовал ему Дакир. — Я сам с ней разберусь.

— Разберёшься? Ты забыл о договоре? Крест переполнен! Скоро зима! Мы больше не можем подбирать людей, пока не расширим границы и не пополним запасы!

— Я буду делиться с ней своей порцией ужина, — глаза Дакиравеселосверкнули, словно весь этот разговор — сущая забава и он уже давно всё решил.

Блейк был в бешенстве. Ноздри раздувались как парашюты, кулаки сжимались и разжимались, рот то открывался, то закрывался снова, не находя нужных слов.

— Чейз привёз её, верно? — терпеливо добавил Дакир. — Значит она — наша проблема.

— Вот именно, она — проблема!!! — яростно прошипел сквозь зубы Блейк, тыча в меня пальцем.

— Не переживай, мы проверим её. Если она заражена, то уже к полудню её здесь не будет.

— К утру!

— К утру. Но если нет... то она сама будет вольна решать оставаться ей в Кресте, или нет.

— Но...

— Это точка! — прогремел Дакир и вокруг повисла поразительная тишина. Устало вздохнул и заговорил спокойно: — Я знаю правила, Блейк. В них и говорится о том, что мы должны помогать себе подобным. Мы не должны и не можем становиться чёрствыми

безжалостными созданиями, вроде тех, кто обитает в Скале и подобных ему городах. Большинство из них переступило черту — утратило свою человечность. Но мы... мы всё ещё люди. У нас есть душа, а сердца всё ещё бьются и полны сострадания. И ежели мы станем отказываться от таких, как сами и обрекать их на смерть, то почему бы и нам... не назваться «тварями»?

Заметила, что некоторые из толпы активно закивали головами, но Блейк молчал. Некоторое время раздражённым видом почёсывал намокший лоб, затем приблизился к Дакиру и прошептал едва слышно:

— Но она из Скалы...

— Верно, — кивнул Дакир. — И если она является кем-то большим, чем обычной сбежавшей девушкой, я даю тебе слово, что самолично от неё избавлюсь.

— О да, надеюсь, ты всё тщательно проверишь.

Наблюдала за ними едва ли не с абсурдом.

Да что с этим городом? Эти двое... выглядят так, будто усердно что-то скрывают. У них проблемы со Скалой? Что за проблемы, если в Скале их считают мифом? И кем я могу оказаться? А что если окажусь?..

Толпа начала расходиться и из-за того, что факелов становилось всё меньше, полумрак вновь окутывал улицы.

— Завяжи ей глаза и отведи в камеру временного содержания, как того требуют правила, — обратился к Чейзу Дакир. — Затем собери комиссию для осмотра и... и дай ей чего-нибудь поесть, — бросил на меня уставший взгляд, — выглядит совсем бледной.

Чейз нахмурился:

— Слушай...

— Ты привез её сюда! — Дакир ткнул пальцем в грудь Чейза. — Так что будь добр, сделай, что я сказал, не задавая вопросов и не отлынивая от обязательств! Выполняй.

Чейз принялся завязывать мне глаза, явно раздражённый этим действием. Я не проронила ни звука, потому что сейчас звёзды были не на моей стороне, так что пришлось заставить себя молчать и подчиняться.

С силой толкнул меня в спину, так что ноги заплелись, и я с трудом удержала равновесие.

— О, да ты прям джентльмен! — Не знаю, чего я ожидала от Койота, но мнение о нём портилось с каждым его жестом.

Чейз толкнул меня ещё раз.

— Предлагаю связать мне руки, потому что ещё раз толкнёшь меня, и я вырву тебе кадык, — угрожающе прорычала я.

— Закрой рот и иди.

Я невесело усмехнулась:

— Видишь, ты всё-таки способен вести диалог!

— Надо было оставить тебя на вечеринке у тварей, — прошипел Чейз, подталкивая меня в спину. — Твоим языком они бы даже не подавились.

Я показала ему средний палец, о чём тут же пожалела: он скрутил мне руку, заведя за спину и с силой прижал к себе. Чёрт. Надо было хотя бы палец другой руки показывать. Моё плечо... Сдержатъ стон боли оказалась не в силах.

— Сейчас не так весело, да? — прозвучал голос Чейза над самым ухом, и он резко отшвырнул меня на землю, так что даже повязка слетела с глаз и теперь болталась на шее.

Новый стон боли вырвался изо рта. Вот козёл... Теперь я точно вычёркиваю своё имя из списка его фанатов.

— Ещё раз увижу этот жест, сломаю тебе все три фаланги в пальце, так что всё, что с ним останется сделать, это отрезать. Ясно?

Я фыркнула и поднялась на ноги, глядя с вызовом:

— Ясно. Но да будет тебе известно: я тоже неплохо ломаю кости.

О, камера временного содержания бесподобна! Серые стены с облупившейся краской, покрытый пятнами пол, приколоченная к стенке деревянная скамья и маленькое круглое окошко вмонтированное настолько высоко, что даже когда залезла на скамейку, не увидела ничего, кроме кусочка белеющего неба. И главная изюминка — железное ведро, — туалет, как я понимаю.

— Миленько, — плюхнулась на деревянное ложе, зафиксировав руку так, чтобы не тревожить плечо и обнаружила свой рюкзак у противоположной стены. Просто поразительно, что его не забрали. В Скале дальше ворот меня бы с ним ни за что не пропустили.

Спустя минут тридцать моего заточения в «городе-мифе», деревянная покошенная дверь открылась и на пороге камеры появился Чейз. Под яркими зелёными глазами виднелись тёмные круги, но во всём остальном внешний вид напоминал каменное изваяние. Идеальное каменное изваяние. Интересно, его лицевые мышцы не болят от вечного напряжения?

Поставил передо мной железную миску с куском серого хлеба и кружку с водой, молча прошёл к моему рюкзаку и, присев на корточки, принялся выворачивать его содержимое на пол. Абсолютно безжалостно.

— Эм... я тебе не мешаю? — поинтересовалась, наблюдая за сие благородным действием.

Чейз не отвечал. Небрежно осматривал каждую вещь на... на что? На наличие взрывчатки? Яда? Чего?.. Крутил вещи в руках, нюхал их. Моя запасная футболка, кстати, была не первой свежести.

Достал флакончик с антисептиком и долго его нюхал.

Я раздражённо закатила глаза:

— Эта такая штука, как бы тебе объяснить... В общем, она раны дезинфицирует. Ах, да-а...раны... Ну это такие штуки, которые...

Чейз метнул в меня убийственный взгляд, и я язвительно скривилась. Ещё чуть-чуть и он меня точно прикончит. Сколько раз я видела, как он это делает? Сотни?..

Наконец поставил флакон на пол и поднял квадратную белую упаковку.

— О, а это тампоны! — воодушевилась я, сверля его затылок взглядом. — Можешь открыть и посмотреть, если хочешь. Обычно я прячу в них мышьяк.

С протяжным вздохом Чейз поднялся на ноги и швырнул упаковку в меня.

Я сжала зубами металлическое колечко в губе, чтобы не сказать чего-нибудь ещё сверх язвительного. В глазах этого парня полыхало пламя открытой неприязни. Представляю, сколько раз он уже пожалел, что спас меня.

Ещё несколько секунд он вдавливал меня взглядом в стену, затем подобрал с пола мой складной ножик, две коробки с патронами и, не произнеся не звука, вышел вон.

— О, что ты, не стоит беспокоиться! Я сама сложу всё обратно! — воскликнула вдогонку и плюхнулась на спину.

Надо поспать, или при осмотре просто-напросто упаду в обморок.

Комиссия состояла из женщин, ну что ж, и на этом спасибо. Меня привели в просторную комнату, напоминающую больничную палату и заставили раздеться догола. Три женщины осматривали моё тело минут двадцать, а по ощущениям целую вечность, так что я конкретно успела замёрзнуть. Я-то после ночной поездки ещё не отошла, так что меня в прямом смысле слова колотило.

Одна из женщин, в идеально круглых очках в роговой оправе, уделила особое внимание моему левому запястью, а точнее татуировке и быстренько начирикала что-то в своём блокноте.

Обратно в камеру меня снова вели с повязкой на глазах. Похоже, Крест сверх засекреченное место.

Съела оставленный мне кусок хлеба и запила водой. Свои припасы тоже имелись, но зачем их тратить, если предлагают чужие? Я не настолько глупа, чтобы отказываться от бесплатной еды. Тем более от хлеба. Похоже, в Кресте даже пекарня есть.

Мне снова удалось уснуть. На этот раз разбудил голос Дакира:

— Вставай, Джей, надо идти на допрос.

Приподнялась на локте:

— И какие у меня шансы?

Дакир, сложив руки на широкой груди, подпёр плечом дверной косяк:

— По крайней мере, ты не заражена.

— Но?..

— Но есть другие нюансы.

И, представьте себе, я догадывалась какие!

На этот раз по коридору меня вели без повязки на лице. Не понимаю, что здесь можно скрывать? Обычные мрачные коридоры, кое-где освещённые факелами.

Спустились на один этаж и вошли в огромное квадратное помещение со странной конструкцией на полу. Не сразу поняла, что это такое, дошло только тогда, когда я оказалась в самом центре огромного креста, окружённая деревянными стенками конструкции высотой до колена.

В помещении было полно людей и все разделены на группы таким образом, что каждая занимала по одному из четырёх отсеков креста, то есть по одному углу помещения. А я была ровно между ними всеми — по центру. В каждом отсеке по пять-шесть человек, и все глядят на меня с таким неодобрением, словно я действительно оказалась заражённой.

— Всё в порядке, Джей, не волнуйся, — услышала я подбадривающий голос Дакира: выглядел он ещё более уставшим, чем на рассвете.

— Действительно, всё просто замечательно! — а это был воодушевлённый сиплый голос Блейка!

Глубоко вздохнула, игнорируя гулко стучащее в груди сердце. Надо срочно взять себя в руки, успокоиться, но сделать это сложно, потому как вроде бы осмотр и закончен, а я вновь чувствую себя раздетой. Эти их взгляды... словно я подопытный образец на лабораторном столе, который все эти люди собираются растащить на органы. Я не привыкла к такому вниманию. Мне оно не нравилось.

Твёрдо взглянула на Дакира:

— Кажется, ты должен был сам меня допросить.

Дакир измученно вздохнул, потеряв ладонью блестящий лоб:

— Кое-что изменилось, Джей. Тебя было решено допросить при полном Совете.

Огляделась. Почему они поделены на четыре группы? Здесь что-то вроде общин?

— Разъяснения будут даны позже, — произнёс Дакир, обращаясь ко мне. — После допроса.

— Может быть... будут даны, — поправил его Блейк.

— Давайте уже начинать! — пропыхтел мужчина в секции между Блейком и Дакиром; выглядит так, словно его минуту назад вытащили из тёплой постели. Полноватый, с усиками под носом и лысеющей головой с сальными чёрными волосами.

— Можешь начинать, Феликс, — кивнул ему Блейк.

— О, нет, спасибо, я сегодня не в настроении, — отозвался полный мужчина. — Давайте кто-нибудь другой.

— Хорошо, тогда я его проведу, — воодушевился Блейк и сделал шаг вперёд. Всё что нас с ним разделяло это перегородка крестообразного сооружения.

Я с вызовов посмотрела ему в лицо, так что его губы дёрнулись в отвращении.

— Итак. Джей... Джей... как твоя фамилия?

— У меня нет фамилии, — отрезала я, вкладывая в голос всю жёсткость на какую была способна.

— Нет?.. Ах да, низшие из городов типа Скалы отказались от фамилий.

Низшие? Это что, он только что оскорбил меня?

— Чем ты занималась в Скале? — губы Блейка тронула язвительная ухмылка.

— Работала в баре.

— Кем?

— Барменом, официантом, посудомойкой, вышибалой, бухгалтером... — Стиснула зубы.

— Всё? — сузил глаза Блейк.

— Всё. Ах, нет, уборщицей тоже.

Блейк протяжно выдохнул.

Парень за его спиной негромко усмехнулся. Я не стала его разглядывать, мне это было неинтересно, единственное, что само по себе бросалось в глаза так это его волосы — насыщенного цвета кленового сиропа.

— Хорошо, — продолжал Блейк. — Почему ты ушла из Скалы?

— Ну... мне там надоело.

Блейк многозначительно вскинул бровь.

Я терпеливо вздохнула:

— Это гиблое место. Думаю, ты бы тоже решил оттуда свалить.

— И как же тебе это удалось? Тебя просто выпустили за ворота? — Его взгляд едва заметно скользнул вниз моей руки.

Вот как. Получил отчёт? Знает про метку. И видимо точно знает, к чему она обязывает.

— Нет, я протаранила их мотоциклом, — сказала правду.

По залу пробежал шумок.

— Мотоциклом? — помедлив, переспросил Блейк с нескрываемым недоверием. — Где же ты его взяла?

— Угнала, — ответила, пожав плечами, сузила глаза и саркастично добавила: — Постой, дай угадаю. Сейчас ты спросишь: «У кого»? Я отвечу: «У постовых на вышке». А потом ты спросишь: «И они тебя не пристрелили»? А я отвечу: «Ну как видишь, во мне нет дыр». Да, вот так-то, а потом я протаранила ворота, упала с байка, повредила плечо и

колени, села и поехала дальше. И представь себе, они не стали за мной гнаться, потому что, как и любой бы на их месте, были уверены, что меня сожрут твари. Вот. Как-то так. Банды, знаешь ли, не сильно пекутся о... НИЗШИХ.

Улыбка испарилась с лица Блейка, зато появилась на уставшем лице Дакира, и он даже не пытался её скрыть. За его спиной я увидела Чейза, он выглядел задумчивым и смотрел в стену. Нет — будто сквозь стену. Кажется, не слышал и половины из того, что я сказала.

Блейк откашлялся:

— И что потом? Как ты добралась до Де-мойна?

— У меня была карта, выкупила её за парочку отменных самокруток.

— И Крест был отмечен на ней?

— Был, но вообще-то его там не оказалось.

— И ты, наверное, сильно расстроилась? — ухмыльнулся Блейк.

Коротко вздохнула и задумчиво возвела глаза к потолку:

— Ну... не то что бы очень. Ночь, луна, вонючий город. Обожаю романтику!

— И твари, — добавил Блейк.

Перевела на него тяжёлый взгляд:

— Это ведь не вопрос? Я могу не отвечать?

Лицо Блейка побагровело:

— Ты хоть понимаешь, что привела их в Де-мойн за собой?!

Мои брови непонимающе сдвинулись:

— Разве их там не было раньше?

— Не было! Разведгруппы регулярно посещают Де-мойн и твари, чтоб ты знала, давно из него ушли. — Презренно взглянул на моё колено. — И я даже знаю, что именно их туда привело.

Это вполне возможно. Твари отменно чувствуют запах крови.

— Тогда почему они не напали раньше? — поинтересовалась я. — Мотоцикл заглох, и я минут двадцать тащилась пешком.

— Видимо рассчитывали, что ты приведёшь их к другим людям. Твари умеют соображать, знаешь ли.

— Не понимаю, какая вам разница? Де-мойн снова пуст, есть там нечего, они уйдут обратно! Может уже ушли...

— Ты даёшь гарантии?

— Нет, но если ты немножко пошевелишь извилинами, то возможно поймёшь, что это так.

Блейк поджал губы. По толпе вновь пробежал шумок. Видимо я не имела права на такой тон с одним из главных Креста. Но мне плевать, я не умею лицемерить, уж извините.

Дакир едва заметно помотал головой. Даже Чейз удостоил меня своим божественным вниманием: как раз пропаливал взглядом дыру в моём лице.

— Хорошо, — медленно закивал Блейк, вернув себе самообладание, — значит, ты работала в баре. Сколько лет?

— Разве это уже не личная информация?

— Ты должна отвечать на все вопросы, что я задаю. Таковы правила Креста.

Дурацкие правила.

— Я работала там больше года.

Блейк в ухмылке обнажил зубы:

— А до бара? Сколько лет ты прожила в Скале?

— Девять лет, — ответила коротко.

Историю про Завира рассказывать не собиралась. И так было ясно, что Крест недолюбливает Скалу, значит, недолюбливает банды, а значит, знать о том, что я была названной дочерью бывшего предводителя Скверны им совсем ни к чему. Мне это на пользу точно не пойдёт.

— Так чем ты занималась до бара?

Сжала зубами колечко в губе, проклиная Блейка одним своим взглядом. Я не могла сейчас рассказывать про работу в бойцовском клубе. Одно моё слово и Чейз на месте скрутит мне шею. Вот в таком вот уязвимом положении я оказалась.

— Молчишь? — Блейк оскалился, серые глаза недобро блестели. — Есть что скрывать, Джей из Скалы?

«Да что не так с этим мужиком? За что он меня так возненавидел?»

— Довольно, Блейк, — прозвучал строгий голос Дакира.

— Нет! — повысил тон Блейк. — Мы ведь должны это знать, не так ли? Если она хочет остаться здесь, у неё не должно быть секретов. Так что, кем ты была до бара?

Сплотнула. Мысли путались; пыталась выделить хоть одну подходящую для ответа. И мне не было стыдно за правду, ничего ужасного и распутного я не совершала, метка была поставлена лишь для моей защиты, только вот сейчас я не могу сказать об этом. Блейк точно придумает что-нибудь сверх жестокое для «дочери» Завира, не говоря уже о том, что сделает со мной Чейз... Ведь именно Завир придумал ямы!

Блейк хищно улыбался, и я понимала, что моё оправдание может быть только одним. Таким, каким оно было всегда.

— Да ладно тебе, Блейк! — воскликнул парень с волосами цвета кленового сиропа. — Ты не выдавишь из неё это. Все и так знают, что своим присутствием нас почтила одна из элитных шлюх банды! Шваль, одним словом.

Прежде чем этот парень успел сделать следующий вздох и прежде чем Блейк успел повернуть голову на его голос, я скользнула тазом по перегородке между нами и ещё до того, как ноги коснулись пола, кулак с глухим стуком обрушился о лицо того, кто посмел назвать меня швалью. Парня отбросило к дальней стенке. Из носа брызнула кровь, верхняя губа разбита. Но уже спустя пару секунд он пришёл в чувства, набросился на меня и с силой ударил спиной о каменный пол. Придавил мои плечи коленями и схватил обеими руками за горло.

Это был предел. Боль в плече достигла своего апогея, и я истошно закричала. Над нами появилась огромная тёмная фигура и сквозь адскую боль белой пеленой застилающую глаза, я разглядела лицо Чейза. Пришёл добить меня. Ну, точно! Кто знает, может быть это будет один из его коронных смертельных ударов, и я не почувствую боли?..

Но Чейз не стал меня убивать. Схватил парня, что вдавливал меня в пол за плечи и отшвырнул в стену, точно пуховую подушку.

— Остынь, — прозвучал угрожающий голос Чейза, когда парень вновь попытался прорваться ко мне.

В следующую секунду чьи-то руки подняли меня с пола и вернули в центр креста. Только кое-что изменилось — теперь к моей спине приставлено дуло пистолета.

— Вот оно как... Совершенно не умеем сдерживать эмоции. Этому Скверна тебя не научила, — явно не без удовольствия, просипел Блейк и цокнул языком. — От судьбы не

убежишь, Джей из Скалы. Я ведь прав?.. Ты ведь девица этой банды? Скверна тебя... м-м... клеймила?

Я молчала, крепко стиснув зубы и глядя на Блейка со всем омерзением.

Даже названия банд Кресту известны. Это уже не шутки. Этот город явно не безразличен к Скале.

— Мы осведомлены о том, что значит твоя татуировка на запястье, — продолжал Блейк будничным тоном. — Мы о многом осведомлены. Ты собственность банды. Поэтому пришлось прорываться за периметр, верно? Ты их женщина... ну или, кого-то одного. Игрушка для сексуальных утех, которая по каким-то причинам решила пойти против правил. Так ведь? — Шагнул ближе и «воткнул» в меня свои глаза-кинжалы. — Ты ведь не станешь отрицать, что являешься... м-м... доступной женщиной?

Как мило.

Хотелось плюнуть ему в лицо, и я бы с удовольствием это сделала, если бы не пистолет за спиной.

— Так да, или нет?

Сглотнула, чувствуя, как от напряжения по вискам побежали капельки пота.

— ДА, ИЛИ НЕТ?! — проревел Блейк мне в лицо.

— Да, — ответила тихо. Это было моё алиби.

Он расслабился.

— Ну вот и закончилось твоё остроумие, Джей из Скалы. — Блейк оглядел всех присутствующих, задержав взгляд на Дакире, и снова повернулся ко мне. — За проявление насилия над одним из моих подопечных ты получишь наказание по законам Креста. Тебе ведь не надо объяснять, что такое... насилие?

Я сжала челюсти настолько сильно, насколько вообще была способна.

«Ну ты и мразь».

— Совет не имеет возражений? — Блейк снова оглядел зал. — Таковы правила, господа. — Посмотрел на кого-то поверх моего плеча. — Отведи её в камеру временного содержания. Эта женщина будет находиться там, пока Совет не вынесет вердикт.

Меня толкнули в спину и повели к выходу. Гордо смотрела прямо перед собой, подавляя желание встретиться взглядом с Дакиром; не позволю себе превратиться в кучку дерма окончательно, хоть и чувствую себя сейчас именно так.

В зале оживлённо переговаривались:

— Как она могла тебе так врезать?!

— Не просто врезать, она разбила ему всё лицо!

— Заткнитесь!

— Как эта шлюха вообще может быть такой быстрой?

— И сильной!

— И сильной.

— Заткнитесь!

Глава 8

Это была моя вторая неделя работы в баре Дориана. Меня всё устраивало. Между нами всё было обговорено, и он знал, кто я такая. Ну или почти знал. Никогда не пользовалась

положением названной дочери бывшего предводителя Скверны, хотя это определённо добавило бы мне уважения.

Я была собой. Для самой себя.

Для всех других я была обычной элитной шлюхой, которую никто и пальцем тронуть не мог, иначе Скверна убила бы обидчика на месте. Я всегда старалась считать это плюсом и не думать, насколько плохого мнения обо мне окружающие. Метка помогала мне выживать. Да и сами они были ничем не лучше.

Однажды я сравнивала свою метку с татуировкой другой девушки. Метки были одинаковыми. На первый взгляд. Моя всё же немного отличалась. Видимо парень, что набивал татуировку, случайно капнул краской в острый уголок месяца и там появилась маленькая, едва заметная глазу, красная звёздочка. А возможно это была и не случайность. Быть может Зафир так хотел меня выделить. Он часто так называл меня — «моя звёздочка».

Плевать. Главное, что невооружённым взглядом этого почти не видно, иначе могли бы возникнуть сомнения в её подлинности.

Я уже собиралась закрывать бар, но компания из трёх пьяных мужиков всё никак не могла свалить. Когда моё терпение и вежливые слова закончились, я подошла к их столику, с пистолетом в опущенной руке и потребовала выметаться. Это Новый мир. Здесь по-другому никак.

Мужчины заржали. Мой внешний вид никак не соответствовал моей физической подготовке, и они не могли знать об этом. И хоть я и была натаскана, как один из лучших головорезов Скверны, моё миловидное лицо говорило об обратном. А мешковатые вещи на два размера больше, скрывали все имеющиеся мышцы.

Они глумились надо мной и приставали. Не отстали даже тогда, когда я показала метку. Они были слишком пьяны и видимо поэтому совершенно не боялись лишиться голов. Так, как называли меня в тот вечер они, не называл никто и никогда. Я даже не осмелюсь повторить эти мерзкие пропитанные гнилью слова. Они даже упомянули мою мать, приравняв её к тому же падшему существу, в которое превратили меня. И хоть я была равнодушна к своей матери, после того, как она продала меня, это было последней каплей.

Я пустила пулю в лоб тому, что был ближе всех и пытался распускать руки. Второму в горло врезался нож, которым мужики резали мясо. А третий успел сбежать. И если бы он этого не сделал, я бы убила и его.

Видимо он и разнёс про меня всей округе, потому что в баре ко мне больше никто не приставал.

Это были мои первые убийства.

Да, я чудовище.

Зафир убил человека за то, что тот попросил у него глоток воды, а я за то, что эти двое меня оскорбили. Так может я, всё-таки пошла по стопам своего названного папаша?..

В тот вечер я чуть не наложила на себя руки.

Глава 9

Я лежала на твёрдой деревянной скамье своей камеры и разглядывала грязные разводы на потолке.

Сколько времени прошло? Два часа? Три? Пыталась ещё поспать, но так и не смогла

даже задремать. Там, в зале с крестом на полу, меня в очередной раз унизили, выставили грязной и потасканной девкой. Второсортной. Низшей. А это, знаете ли, надоедает. Терпение лопнуло. И не в самый удачный момент в моей жизни. Думала, привыкла. Оказывается, нет.

Меня до сих пор трясло. Но помимо этого усталость за всю ночь свалилась на голову, как снежный ком. Я была убита не только морально, но и физически. Ссадина на коленке противно пульсировала. Плечо и вовсе горело пламенем! Я немного разбираюсь в медицине, но всё же хотелось бы, чтобы его осмотрел кто-нибудь знающий. Только вот помощи никто не предлагал и, кажется, не собирается. Даже Дакир. Быть может ему просто нельзя этого делать. Да и кто я для него такая? С чего ради он должен вступаться за чужака в своём городе, пусть и пытается казаться таким правильным и справедливым?..

О... как же мне сейчас паршиво. Бежала из одного гиблого места, но судя по всему попала в ничем не лучшее; которым управляет толпа фанатиков помешанных на своих же дебильных правилах. Но даже не это было хуже всего — ведь мой план окончательно провалился после того, как Чейз спас меня в Де-мойне. И сейчас, сняв с меня того парня, которому я нос разбила. Всё. Про долг можно забыть. Он сполна вернул мне его! Хотя сам этого даже не подозревает. Зато я теперь точно знаю, что он ни за что не станет мне помогать. О, только не он. Он сейчас на втором месте в топе людей, которые меня ненавидят. Первое место занимает Блейк.

Как, говорится, вспомнишь...

Чейз стоял на пороге моей камеры с тарелкой в руках. Села, пристально вглядываясь в его лицо.

— Ты тут кем вообще работаешь? — поинтересовалась прищурившись. — Разносчиком пищи по камерам, где сидят ущербные типа меня?

Конечно же. Он ни за что мне не ответит!

Выглядел Чейз ещё более угрюмо, чем раньше. Поражаюсь, что такое вообще возможно! На нём были потёртые джинсы с вытянутыми коленями и футболка цвета хаки, плотно обтягивающая рельефный торс. На вид ей было лет двадцать: кое-где дырки, кое-где выцветшие на солнце пятна. Но даже во всём этом он выглядел потрясающе. Пусть меня никогда прежде и не интересовали мужчины, всё же спорить о его привлекательности просто глупо. Только слепая может этого не заметить.

— А нет, кажется, поняла. — Устало вздохнула, чувствуя себя опустошённой в ноль, и прильнула спиной к прохладной стене. — Тебя наказали, да? Поэтому выполняешь грязную работу?

Он сделал два больших шага и с грохотом поставил тарелку с жидкой кашей на скамейку возле меня. Бросила короткий взгляд на угощение и сомнительно уставилась в мраморное лицо Чейза.

— Разве ты не сказал им, что у меня есть свой паёк? — издала короткий смешок. — Зачем тратить запасы на такую, как я?

Лицо Чейза ни на грамм не изменилось. И, кажется, он больше никогда не удостоит мою персону парочкой слов в ответ. Неужели и он согласен с Блейком? Тоже считает меня куском вонючего дерьма из-за этой метки? Не думала, что Койот такой.

Взглянув на круглое отверстие в стене, сквозь которое слабо проникали солнечные лучи, я измученно вздохнула.

— Так значит, теперь это будет моя комната? Знаешь, она не сильно отличается от той,

в которой я жила раньше, так что всё не так уж плохо.

Ожидала, что дверь хлопнет прямо сейчас, но Чейз не сдвинулся с места, и я отчётливо чувствовала на себе его взгляд.

— Забавно получилось. Сбежав из Скалы, я мечтала обрести свободу, а в итоге снова оказалась в клетке. Эти ваши законы... чёрт бы вас побрал. Похоже, что мир окончательно спятил. Судить о человеке по какой-то идиотской отметине просто не может быть правильным. — С вызовом взглянула на Чейза. — И можешь прямо сейчас сломать мне любую конечность, но я не заберу слова обратно: ваш Совет — просто сборище идиотов. Я понимаю, что мир изменился, что теперь в нём всё по-другому и то, что раньше считалось аморальным, сейчас вполне ничего себе прижилось... Но этот ваш сиплый полный придурок, раз считает, что может вот так вот взять и унижить человека на глазах у якобы цивилизованной толпы лишь за то, что он просто пытался выжить. Как будто его одного Конец света обошёл стороной!

Чейз продолжал смотреть на меня. Лицо по-прежнему ничего не выражало. Маска из стали была на месте. И не знаю, показалось мне или нет, но в его насыщенно-зелёных глазах появилось что-то новое. Нет, не сочувствие и даже не жалость. Скорее нечто похожее на... понимание. Ох, чёрт! Кажется, я и сама не поняла, что сказала. Конечно же! Ведь всех своих бойцов Скверна клеймила, как стадо скота. Только это были не татуировки... Каждому из них за ухом выжигали номер... Порядковый номер бойца. Или раба.

У Чейза тоже была метка... Нет — у Койота была метка, и я только что ему о ней напомнила. Быть может в тот день, когда он появился в Кресте, его тоже заперли в камере подобной этой? Ведь если моя татуировка для здешних поселенцев означает стыд и позор, что означала отметина за его ухом?

Я не могла об этом спросить. Я даже не хотела. Напоминать ему о прошлом, сейчас, это уже слишком.

Не выдержала взгляд и отвернулась, после чего дверь моей камеры хлопнула.

Я начинала сходиться с ума. Это просто невыносимо — сидеть в этой крохотной комнатке и ждать пока какие-то самопровозглашённые правители этого города вынесут мне приговор! Да я даже не собиралась здесь оставаться! Возможно потом, когда решу все свои проблемы я и планировала вернуться, при условии, что этот город мне понравится, но пока что, мне этого явно не хочется.

Когда по ощущениям был уже вечер, на пороге моей камеры вновь появился Чейз. Его лоб и места на майке под подмышками были мокрыми, словно он только что вернулся с утомительной работы, или с пробежки. Но дыхание было ровным, а лицо... в прочем, можно больше не говорить о его лице. Оно всегда было каменным.

— Пошли, — произнёс он командным тоном.

Я вздёрнула брови и изобразила подобие улыбки:

— С ума сойти. Ты и вправду со мной говоришь?

Он с силой поднял меня за предплечье здоровой руки и потянул к выходу.

— И куда мы? — спросила я, шагая перед ним по мрачным коридорам. — Получать наказание от душки Блейка?

Была уверена, что в этот же миг Чейз толкнёт меня или врежет в спину, но ничего не случилось.

Бросила на него удивлённый взгляд:

— Что, даже не попытаешься меня убить?

— Не сегодня.

— Ого, кажется, мой рейтинг и впрямь растёт!

Остановились напротив кабинета, где сегодня утром проводился осмотр. Внутри ждала знакомая женщина в очках с круглой роговой оправой. Тёмные волосы были собраны в тугий пучок на затылке, а губы окрашены в ярко-розовый. Сегодня утром всего этого марафета не было.

Она устало вздохнула при виде меня и жестом пригласила войти.

— Снимай куртку и кофту. Я осмотрю твоё плечо. — Голос был совсем не радушным; кажется, моя метка ей тоже не нравится.

— Вы здешний врач? — я не сдвинулась с места.

Она взглянула на меня поверх очков:

— Ты раздеваешься, или как?

— Заметьте, вы просите меня об этом уже второй раз за день.

Женщина утомлённо вздохнула:

— Я уже наслышана про твой острый язычок, но если продолжишь в том же духе со мной, можешь забыть, что я стану осматривать твоё плечо.

— А я об этом и не просила.

Женщина снова вздохнула, сняла очки и с усталым видом потёрла переносицу:

— Джей, или как там тебя, я знаю, что в этой вашей Скале давно забыли, что такое быть вежливым и приветливым и все вы там разговариваете друг с другом, как озлобленные животные, но здесь, лично я, к такому не привыкла. Так что если тебе не нужна моя помощь, возвращайся обратно в камеру и справляйся с этим как-нибудь сама.

В её словах была истина — не помню, когда в последний раз вспоминала, что такое вежливость, но думаю меня можно понять. Я росла не в Кресте, а в Скале. Меня учили жестокости и тому, что поможет выжить. Никак не приветливости.

Развернулась к двери и столкнулась взглядом с Чейзом. Он всё это время стоял позади меня. Тёмные локоны падали на глаза, породив под ними тени и придав лицу ещё более зловещий вид. Он сурово глядел на меня из-под длинных ресниц. Накачанные руки были скрещены на груди, казалось, что футболка вот-вот лопнет в тех местах, где находились бицепсы. И он был сердит. Очень.

Чейз перевёл взгляд в сторону и приказным тоном произнёс:

— Осмотри её плечо.

Мои брови поползли вверх одновременно с бровями доктора.

— Приказ Дакира, — добавил он и вновь смерил меня взглядом. — Не заставляй меня раздеть тебя силой.

Я хмыкнула:

— Я ведь именно к этому привыкла, да?

Он медленно приблизился ко мне, практически коснувшись носом моего лба, взирая сверху-вниз. Челюсти крепко сжимались, в уголках глаз пролегли тонюсенькие морщинки; он смотрел с придишкой... или с отвращением. Дыхание обожгло моё лицо, когда он тихо произнёс:

— Побереги свой яд для «сиплого». А мне плевать, к чему ты там привыкла, кем была раньше, кто ты сейчас и что с тобой станет потом. Если сдохнешь, то всем здесь будет плевать, а я, наконец, буду свободен и перестану быть твоей сиделкой. Так что заткнись и делай, что тебе говорят. — Развернулся и направился к двери.

— Сомневаюсь, что моя смерть вернёт тебе свободу, — бросила ему в спину и Чейз, на несколько секунд замерев на пороге, хлопнул дверью позади себя.

— Кажется, с твоим языком будут существенные проблемы, — протянула женщина-врач, притопывая ногой. — Раздевайся и давай сюда своё плечо!

Травма оказалась куда серьёзней, чем я думала. Да, это был простой ушиб, только очень сильный. Плечо распухло до самого локтя и постоянно болело, даже в спокойном положении.

Доктора звали Кира, и это было единственным, что она сочла нужным о себе рассказать. Она долго и внимательно осматривала травму, так и не произнося ни звука.

— Рука распухла, как медвежья лапа, — сказала я, кривясь от боли. — Кровь скопилась, к доктору не ходи. Ничего личного. Суставы, скорее всего, повреждены и если кровоизлияние в них нет, то пустяк, через пару недель плечо придёт в порядок.

Только спустя минуту я заметила, что рот Киры приоткрыт и она сверлит меня любопытным взглядом.

— Ты врач? — поинтересовалась она.

— Нет. Просто немного знаю.

— Немного? — Кира сложила руки на пышной груди. — И какое лечение?

— Никакого... — фыркнула я. — Зафиксировать на несколько дней, подвязать, потом начать разрабатывать сквозь боль, чтобы кровь разгонялась. Ну и... всё. Наверное. Противовоспалительных ведь у вас нет? Обезболивающих?.. Или есть, но мне их всё равно никто не даст. Так что подвяжи мне руку на какую-нибудь тряпку и я пошла... м-м... пожалуйста.

Кира поджала губы, на высоком лбу показались тоненькие морщинки, она явно над чем-то усердно размышляла.

Я терпеливо вздохнула:

— Повторю ещё раз: я не врач и не знаю даже малой части того, что знаешь ты.

— Откуда знаешь, сколько я знаю?

— Ну ты ведь здесь врач.

— И зачем вообще пошла на осмотр, если сама знала, что с твоим плечом?

— А я и не знала.

Кира неодобрительно помотала головой:

— Ну всё понятно, с тобой любые разговоры бесполезны.

— Ладно. Подвяжи руку и я пошла.

— Куда пошла? Давай показывай колено! Посмотрим, что ты мне и об этом расскажешь.

В коридоре Чейза не оказалось, поэтому сопроводить меня до камеры пришлось Кире. Убегать я не собиралась — смысла никакого. Протаранить ворота Креста можно только с помощью какого-нибудь танка. А прыгать со стены без парашюта я, пожалуй, не рискну.

— Если действительно хочешь здесь остаться, Джей, — сказала мне Кира напоследок, — лучше не пререкайся ни с кем из Совета. Особенно с Блейком. — Понижила голос. — Он тот ещё урод.

— Да уж, этого у него не отнять, — буркнула я. — А Чейз?

Кира нахмурилась:

— Что, Чейз?.. Мой тебе совет: этого парня, лучше вообще не трогай, даже не смей смотреть в его сторону!

— Настолько опасный?

— Настолько скрытный.

На самом деле Скверна учила терпеть боль. Так что травма плеча — не самое страшное, что мне приходилось испытывать за всю свою жизнь; на тренировках были травмы и похуже. И в моём рюкзаке, в потайном кармашке, спрятано кое-что ещё из лекарств, в том числе несколько таблеток жаропонижающего и пара баночек новокаина, вот только это не тот случай, что бы их использовать.

Подвязанная рука покоилась на вафельном полотенце, но плечо всё равно нещадно болело. Легла на скамью и попыталась уснуть — с этим у меня явно возникли проблемы.

И оказывается, у заключённых бывает много посетителей. Следующим был Дакир. Он даже постучал прежде чем войти. Неловко попросил посмотреть на мою татуировку и, вздохнув, присел рядом на скамью.

— Не думала от неё избавиться? — спросил он, внимательно глядя мне в глаза. Его лицо казалось участливым, так что мне даже расхотелось злиться.

— Думала, — призналась, глядя на стену перед собой. — Но пока я была в Скверне, глупо было так поступать.

— Позволь ещё раз взглянуть?

— За последние три минуты она не изменилась, можешь поверить.

— И всё же? — улыбнулся Дакир. И что-то было в его улыбке, что-то чертовски располагающее!

Протянула руку. Он провёл по татуировке шершавыми пальцами, на доли секунды задержавшись на том месте, где была нарисована маленькая звёздочка...Заметил её?.. Нет. Вряд ли.

Затем опустил руки на свои колени и долго и пристально всматривался мне в лицо, даже как-то по-отцовски, что ли.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила я, не скрывая подозрения.

— Разве я тебе помогаю? — уголок его рта дёрнулся в улыбке.

— Ну... ты сравнительно добр ко мне.

Дакир поднялся на ноги и направился к двери.

— Я ведь уже сказал, что не намерен отворачиваться от тех, кто нуждается в помощи. Тем более от людей.

— О-о... то есть ты и к тварям можешь быть добр?

Дакир снова улыбнулся:

— Но ведь они тоже когда-то были людьми.

— В прошлой жизни, сейчас мы — их еда, — напомнила я. Дакир хмыкнул и открыл дверь. — Постой, приходил-то зачем?

— Сказать, что Совет вынес вердикт. На рассвете за тобой придут, подготовься морально и... и постарайся не убить никого, ладно?

И он ушёл.

Кажется, он всё-таки слегка чокнутый.

Спала плохо: скамья деревянная, плечо постоянно ныло, болело, потом опять ныло, и снова болело. Чувствовала себя отвратно. Хотелось смыть с себя весь пот и вымыть волосы, а в идеале — остричь их. Ночь была холодной, но они постоянно липли к шее. Похоже, у меня жар — воспаление от плеча начало распространяться по всему организму. Это не опасно, точнее вполне нормально, в случае если у тебя есть жаропонижающее, и у меня оно было, но жизнь в Скале научила использовать припасы только при крайней необходимости. Тем более медикаменты. Так что да, я собиралась терпеть.

Моё состояние не критическое, это я точно знала. Сколько раз перечитывала и заучивала симптомы различных болезней и их лечение, способы оказаний первой помощи при ушибах и переломах?.. Сотни! Если не тысячи.

Пока жила в доме Завира моими любимыми книгами были книги по медицине. Изучая их, будучи маленькой девочкой, я часто воображала себя первоклассным врачом. Наверное, если бы мир не сошёл с ума, когда-нибудь я бы даже поступила в медицинский университет. Это занятие мне действительно нравилось.

Когда в камеру вошёл Чейз, я с трудом заставила себя сесть. Совершенно не хотелось, чтобы он поднимал меня силой.

Он поставил рядом тарелку с кашей и куском хлеба. Надо же, видимо наказание не смертельное, раз они продолжают переводить на меня продукты.

Чейз прислонился к дальней стене и, сложив руки на груди, ждал пока я поем. Выглядел он великолепно. Влажные волосы создавали на голове идеальный беспорядок; сейчас они казались почти чёрными. Несколько прядей упали на бровь и по виску сбежали блестящие капельки влаги. Джинсы были всё те же, а вот футболка сменилась на плотную полинявшую рубашку, рукава которой закатаны по локоть, обнажая крепкие руки с выступающими от напряжения венами.

Сглотнула. Только что внутри меня промчалась волна чего-то необъяснимого. И понимание того, почему мне вдруг стало так жизненно необходимо посмотреть на него снова, казалось ещё более необъяснимым. С трудом себя пересилила и продолжила есть, едва удерживая ложку в руке: слабость была просто невероятной. Похоже, всё-таки стоило принять таблетки.

Взглянула из-под ресниц: Чейз не смотрел на меня, разглядывал круглое окошко в стене с проникающими в камеру первыми лучами солнца. Что же не так с этим парнем? Почему он такой... какой? А каким я хотела его увидеть? Добрым? Милосердным? П-ф-ф... Похоже жар действует на меня слишком сильно. Плавит мозг, потому что сейчас и правду захотелось, чтобы этот суровый парень был чуточку мягче со мной. Наверное, я схожу с ума.

Поставила пустую миску рядом с собой и осушила кружку с водой.

— Благодарю, — сказала и сама не ожидала, что голос окажется таким безжизненным.

Между бровями Чейза на какое-то мгновение пролегла тоненькая морщинка. Затем он достал из заднего кармана джинсов верёвку и шагнул ко мне. Я догадывалась, зачем это и без пререканий выставила перед собой руки. В ближайшее время моему плечу предстоит пережить незабываемые ощущения.

Готова поклясться — Чейз помедлил! Видимо я его слегка обескуражила своим послушным поведением.

— Я потом наверстаю, когда буду чувствовать себя лучше, — еле слышно выдавила и облизала пересохшие губы.

Чейз принялся связывать мне руки. И вовсе не агрессивно. Обычно. Просто делая то, что должен был... или ему велели. Выражение лица было как всегда каменным.

Его пальцы случайно коснулись моей кожи на запястье, и кровь резко прилила к голове, щёки буквально вспыхнули. Что это? Что со мной не так?

Подняла глаза, рассматривая длинные чёрные ресницы, похожие на крылья. Переместила взгляд на нос и заметила, что он не такой уж идеальный: только сблизил видно, что носовую перегородку не раз ломали. На подбородке в лёгкой щетине заметен шрам серповидной формы. И ещё один на брови, короткий, белый, как клык тигра, явно принёсший когда-то немало хлопот.

Словно вспышкой перед глазами возникла картинка того боя, когда его избивали до полусмерти. Тогда все думали, что это его последнее появление в яме. Кажется, что это было сто лет назад. На Койоте живого места не было. Просто не верится, что сейчас я стою к тому отчаянному бойцу настолько близко, что ощущаю жар от его тела. Или это жар от меня?..

Вдруг воздух в тесной камере стал настолько тяжёлым, что стало трудно дышать. Пульс стучал со скоростью света, мощным насосом разгоняя кровь по венам, а сердце трепыхалось в груди, как большая бабочка, что только-только учится летать. Что со мной не так?

Кажется, лихорадка выходит на новый уровень.

Чейз завязал последний узел на верёвке и взглянул мне в лицо. Господи, почему я сейчас выгляжу, как помойная кошка? Господи, почему я вообще хочу выглядеть иначе?!

Ничего нового в его лице не увидела: стальная маска, ледяные глаза, сжатые челюсти, словно унижительнее того, что он делает сейчас, он не делал никогда в жизни и его это уже порядком достало — нянчиться со мной. Но кое-что всё же изменилось. Пусть глаза и были двумя холодными звёздами, они смотрели на меня дольше, чем обычно. Намного дольше.

Неожиданный поток свежести хлынул в лицо и я застыла. Это... это он. Его запах...

— Чейз... — мой голос был хриплым и слабым.

Чейз вздрогнул. На мгновение его глаза расширились, словно я только что больно ущипнула его. А затем взгляд его стал прежним: смотрел с осуждением, словно я не имела никакого права называть его по имени и это страшный грех!

Мне было всё равно. Меня лихорадило. Язык заплетался. В голове плавилась ртуть. А Чейз не казался таким монстром — что самое странное.

— На улице дождь? — прошептала я. — Ты... ты пахнешь... дождём.

Его лицо не изменилось. Он просто смотрел на меня, как любитель смотрит на картину неизвестного художника. Смотрит и идёт дальше, не находя ничего стоящего его внимания.

Вот и Чейз поступил также: зашёл за мою спину и толкнул к выходу. Но кое-что он всё же сделал напоследок — вернул мою повязку на место, зафиксировав руку с больным плечом, так что благодаря верёвке на запястьях, теперь они обе оказались в подвешенном положении.

И вот я снова стою в центре крестообразного сооружения. Помещение быстро заполняется людьми, каждый занимает отведённый ему участок креста.

На этот раз в мою спину не был направлен пистолет: решили, что связанные руки — это достаточная страховка для них. И если бы у меня не было жара, я бы с радостью доказала, что это не так. Даже со связанными руками можно сделать ещё много чего интересного. Но не с лихорадкой. Нет.

Блейк выглядел угрюмо, когда появился в зале. Однако завидев меня заметно оживился. Скорее всего, наказание он придумал отменное!

Дакир тоже был здесь. Он дружественно подмигнул мне и одними губами произнёс: «Всё будет нормально». И если честно, из всей собравшейся компании именно мотивации Дакира оставались для меня самой большой загадкой. Неужели он подбадривает меня действительно только в силу своих убеждений?..

Парень с волосами цвета сиропа тоже появился в дверях. Нос распух на пол лица, а под глазами выступили огромные синяки, но вёл он себя так, словно вчера ничего и не произошло и лицо его — самое прекрасное в мире зрелище. Умеет держаться. Придурок.

— Раз все здесь, начнём! — объявил Блейк, шагнув в мою сторону. Сегодня он был при параде! Даже зализал свои три волосины на бок, и видимо с использованием какого-то средства, раз они так блестят, что смотреть больно. Его глаза сузились. — Тебе нехорошо?

Сейчас только слепой этого не заметит.

— Нет, всё отлично. Всего-то чувствую себя объектом для сектантского жертвоприношения.

Блейк поджал тонкие губы, и его глаза недобро сверкнули.

— Что ж, — хлопнул в ладоши, — у всех этих людей и без тебя дел хватает, Джей из Скалы, поэтому перейдём сразу к сути. Твоё наказание, за то, что ты ударила моего подопечного на глазах у всего Совета... — выждал несколько мучительно долгих секунд, — три удара плетью.

По залу пробежал шумок. Я не шелохнулась. Даже не моргнула. Мои ноги намертво приросли к полу, а и без того воспалённый мозг вопил, что мне послышалось.

— И поверь, за проявление насилия такого вида, это ещё лёгкое наказание.

Попыталась сконцентрироваться, чтобы избежать обморока. Всё оставшееся сознание, кричало о том, что это не может быть правдой! Нет, этот город ведь должен был оказаться лучше Скалы! Разве они могут так жестоко наказать меня за то, что я всего лишь ответила на оскорбление? Хотя да... для них это ведь не было оскорблением — всего-то констатация факта.

— Завтра утром на центральной площади твоё наказание будет осуществлено перед всеми жителями, — продолжал Блейк с таким видом, будто вершит правосудие века. — После чего, если ты всё же решишь остаться в Кресте, мы обсудим это. В таком случае, твою татуировку придётся выжечь, чтобы у живущих здесь граждан не возникало дискомфорта, живя бок о бок с... той, кем ты была в Скале.

— Со шлюхой, — помогла я, процедив слова сквозь зубы. — И с высеченной на площади девкой. Ты прав, думаю, обо мне очень скоро забудут.

Блейк улыбнулся:

— Ты станешь... нормальной.

Я не собиралась избавляться от метки, по крайней мере, сейчас и уж никак не таким способом! Мне нужно попасть в ещё один город наподобие Скалы, и там моя метка будет снова работать мне на пользу в случае чего. Я не могу сейчас лишиться своей защиты.

Ох, чёрт. Этот город... Крест. Не надо было вообще сюда ехать. Они больны.

Мне надо бежать отсюда до рассвета. Три удара кнутом вынудят меня остаться очень и очень надолго!

Попыталась встретиться взглядом с Дакиром, но в это время он прожигал глазами Блейка. Чейз. Вот кто смотрел на меня. Беспристрастно, спокойно, но не так жестоко, как

всегда.

— А если я решу уйти из города? — с вызовом поинтересовалась я у Блейка.

— Тогда мы с радостью предоставим тебе эту возможность. Сразу после наказания.

Захотелось смеяться. И я даже не смогла сопротивляться этому порыву! Я смеялась. Громко и невесело. Все присутствующие глядели на меня, как на сумасшедшую. С большим трудом смогла заставить себя замолчать.

— А почему бы сразу не отрубить мне голову, а? Или повестить? Или отравить? Как тебе такой расклад? Или ещё можно запереть в камере лишив воды и ждать пока я не сдохну от обезвоживания! Всяко будет лучше, чем выпускать за ворота кровавый кусок мяса, который и десяти метров пройти не сможет без сопровождения тварей!!!

Я кричала, тяжело дыша. Грудь высоко вздымалась от злости и возмущения. И, кажется, я вложила в это все оставшиеся силы. Ноги подкосились, и я едва не рухнула на пол, зацепившись локтями за стенку конструкции. Плечо прострелила боль.

Подняла голову и с ненавистью взглянула Блейку в лицо. Хотелось вцепиться ногтями в его шею и рвать пока тот не захлебнётся в собственной крови.

— Лучше бы тебе успокоиться... — с интонацией священника произнёс он.

— Или что?! — проревела я. — Ты не придумашь ничего более изощрённого, чем уже придумал! Можешь собой гордиться!

Блейк покладисто сцепил ладони в замок:

— Если ты решишь остаться, то тебе будут предложены все необходимые медицинские услуги. Тебя определят в один из четырёх секторов города и дадут работу. Разумеется, после того как ты полностью восстановишься. А затем...

— А затем, вы выжжете мне кусок кожи на руке, — с омерзением закончила я и выпрямилась. — Чем же ты лучше?!

— Прости... в каком смысле? — Блейк неуверенно улыбнулся.

— В каком?.. Ты такой же, как и предводители банд в Скале. Ты и весь твой Совет!!!

В горле саднило от крика, голова кружилась от жара, но напоследок я выскажу этому сиплону всё, что должна:

— Строите новый мир, да? Ха! И каким же путём? Боретесь против насилия, но сами же его и пропагандируете?! Я никого из вас не убила, ни у кого не украла и никому ничего не должна, так какого дьявола я должна буду истекать кровью за то, что просто отстаивала свою честь?! Да, представь себе, у меня есть честь! Почему ты не накажешь своего... подопечного, за то, что он оскорбил меня?! А-а, это не против правил? Да, Блейк?! Это же не против правил?!!

Издавала ядовитый смешок и слегка перегнулась через перегородку, поближе к Блейку:

— Ты знаешь, а это забавно. Получается, что исходя из ваших же правил, я могу оскорблять, кого угодно и мне ничего за это не будет? Чёрт! Ведь получается так! Да, Блейк?.. Ты! Ублюдок! Кто выбрал тебя главным в этом городе? Какую политику может вести самовлюблённый кретин с садистскими наклонностями? Или только я одна это вижу?.. Все вокруг слепые что ли? Кому люди доверили правление? Кем они тебя считают? А-а-а... Ты святоша! Никогда не совершал ничего дурного, что готов практически своими руками убить девчонку, у которой есть какая-то там идиотская метка?! Во имя справедливости? У тебя что, большего ума не хватает, как судить о человеке по какой-то

тагуировке? Но тебе ведь это только облегчает задачу, правда же? Моя метка — готовый приговор. Такой весь правильный, да? Может ты ещё и девственник? Чего измываешься над девчонкой, что в два раза мельче тебя? Это твой уровень? Или настолько обзлён на жизнь, что это единственное, что тебе остаётся — пользоваться сомнительной властью?! — Выпрямила спину и, тяжело дыша, заговорила тише, глядя в ошарашенное лицо сиплого: — Готова поспорить, что если бы не это твоё положение, ты бы и сам был не прочь поиметь меня. Но всё что ты можешь, это срывать злость, за то, что даже со шлюхой этого сделать не можешь. Ты ведь чёртов святоша!

В зале уже не просто перешёптывались, а кричали во весь голос, требуя жесткого наказания. Но ведь если они накажут меня ещё больше, разве сами же не нарушат собственные законы? Разве я не была права? Меня оскорбили — я оскорбила, по-моему, придраться не к чему! Всё идеально, чтоб их!

Пока меня с силой тащили прочь из помещения, омываемую со всех сторон криками возмущения, во всём этом балагане отчётливо звучал чей-то смех. Громкий и басистый. Настоящий, искренний, как будто этот человек сто лет не смеялся. Я нашла глазами Дакира. Конечно же, это был его смех. Но вдруг мой взгляд упал на ещё одного человека и внутри всё замерло. Загрепетало. И оборвалось. Чейз улыбался. Едва заметно, уголками рта и глядя себе под ноги, но он улыбался.

Ночь проходила ужасно. Я всё-таки решила, что момент настал и выпила две таблетки жаропонижающего, благодаря чему, моя и без того потная одежда пропиталась потом ещё больше.

Не знаю во сколько мне удалось уснуть, но план я так и не придумала. Понятия не имею, как сбежать из этого города, до тех пор, пока моя спина не превратилась в кровавое месиво. Думаю, даже Дакир ничего не способен сделать, потому что в итоге сам может пострадать. Законы, идиотские законы и правила.

Проснувшись от внезапного шума и, сквозь прикрытые веки, разглядела на пороге камеры потёртые чёрные ботинки военного образца. Подняла глаза выше и увидела растрёпанные тёмные волосы и ничего не выражающие глаза.

Чейз.

— Вставай, — скомандовал он. — Дакир позволил тебе принять душ.

— Сколько времени? — прохрипела, пялясь в окошко, пытаюсь определить, наступил рассвет, или нет. Темно.

— Время принять душ, — отрезал Чейз.

— М-м... а мы значит снова разговариваем? Прелестно.

— Бери что нужно и иди за мной, — кивнул на мой рюкзак. — И без глупостей, или мне придётся сходить за верёвкой.

Чейз вёл меня по мрачным коридорам, кое-где освещённым факелами, до тех пор, пока мы не оказались на заднем дворе здания, где я была заключена.

Звёзды усыпали небо плотными скоплениями созвездий, они казались такими близкими и такими холодными... прямо как глаза Чейза. Горячую кожу остудил прохладный ветер, и я вдохнула полной грудью, устремив лицо к небу. Как же мне этого не хватало; нахождение в тесной камере слишком плохо на мне сказывается.

Свет луны проникал сквозь закрытые веки, пропитывая сиянием каждую клеточку кожи. Ветер трепал волосы и скользил по разгоряченной шее...

Распахнула глаза, чувствуя себя почти живой. Чейз наблюдал за мной, словно понимая, что ближайший месяц я могу провести на койке с бинтами вокруг торса.

Мы столкнулись взглядами, и он тут же отвернулся, прочистил горло и зашагал дальше. Я молча зашагала следом.

Мы продвигались по узкой мощённой камешками дорожке, между одноэтажными постройками напоминающими миветхие сараи из полусгнившего дерева; только соломенной крыши не хватает. Вскоре остановились возле железных контейнеров с большими бочками вместо крыш и Чейз удостоил меня взгляда:

— У тебя десять минут.

— Вот блин, правда, душ? — разочарованно вздохнула. — А-я то думала Дакир решил помочь мне свалить отсюда. Подогнал машину и всё такое.

Лицо Чейза было непроницаемым.

— Ладно, это шутка такая, — скривилась я. — Никогда не слышал о таком?

Так вот почему от Чейза пахло дождём! Вода в бочке над головой была дождевой. И дико холодной. А в моём лихорадочном состоянии этот душ мог сказаться плачевными последствиями. Но я просто не могла и дальше ходить настолько грязной!

Мылась до тех пор, пока стук зубов не стал громче шума воды. Наспех обтёрлась выданным мне потрёпанным полотенцем и оделась в практически чистые вещи: чёрную майку, плотную мужскую рубашку, тёмные эластичные штаны из термоткани — это была моя лучшая вещь; кожаная куртка и поношенные ботинки остались прежними. Почистила зубы, зафиксировала руку на повязке, забрала всё грязное барахло и вышла из контейнера. Чейз ждал меня сидя на большом камне, подперев кулаками подбородок. В лунном свете он выглядел, как произведение искусства. Уж я-то готова была вечно смотреть на эту картину.

Что же со мной?.. Таблетки подействовали, жара нет. Что происходит с моим идеально выстроенным внутренним миром? Почему каждая клеточка организма реагирует на этого человека так странно? словно внутри разгорается пожар. И мне не нравится этот пожар. Очень не нравится.

Он поднялся на ноги и остановился в метре от меня. Его лицо выглядело уставшим, будто не спал несколько ночей подряд. Казалось, он здесь и в то же время где-то ещё, где-то далеко.

Верхние пуговицы рубашки были расстёгнуты, выставляя напоказ твёрдые мышцы груди и ключицу. Я не смогла уговорить свои глаза не смотреть туда, как не пыталась. И Чейз не оставил это без внимания:

— Впервые вижу такую дуру.

Резко подняла на него глаза:

— Немой разговорился? Сегодня праздник? — Пусть он и заставлял моё тело реагировать на него странным, новым для меня образом, но на разум это не действует! Им я владею безусловно, как и своим языком.

— Ты добавила своей спине ещё два удара.

Моё сердце перестало биться. Чёртов ублюдок. Блейк!!!

Судорожно сглотнула, подавляя панику. Пять ударов мне не пережить. Я буду восстанавливаться месяцами, если и это позволят.

— Жаль, я думала, ему понравилось прозвище, что я для него придумала. — Голос дрожал, глаза рыскали по округе, выискивая дыру, или щель — путь к свободе.

Связала мокрые волосы в тугий узел на затылке и уже прикидывала, смогу ли перебраться через ограждение. Быть может воспользоваться одной из вышек, там полюбому должна быть верёвочная лестница, как пожарный выход. Вырублю охрану, заберу оружие и спущусь по лестнице. А если её там не будет...

— Ты первая, кто позволил себе разговаривать с ним в таком тоне, — прервал размышления голос Чейза, как раз в тот момент, когда я уже вроде бы нашла глазами проход между двумя тесно стоящими зданиями. — Забудь. Пока ты будешь туда бежать я пушу тебе пулю в затылок.

Стрельнула в Чейза глазами не говорящими ничего хорошего. А что если попытаться забрать пистолет у него? Ха. У самого сильного человека из всех, что я видела?

— Ты не выстрелишь. Не станешь переводить пулю, когда можешь раздавить меня одной рукой.

Чейз оказался ещё ближе, взирая на меня сверху-вниз. Глаза сверкали при свете луны и казались острее, чем обычно. Когда он заговорил, ощутила покалывание на коже от его тёплого дыхания.

— Ошибаешься, не рукой, — тихо произнёс он, — я смогу раздавить тебя одним пальцем. И очень быстро.

— Видишь, ты всё же не станешь переводить пулю. — Я даже смогла гаденько улыбнуться, Несмотря на сковывающий меня ужас. — Почему рассказал? Разве это не было сюрпризом Блейка, чтобы напугать меня ещё больше?

Бровь Чейза выгнулась. Отходить он не спешил. Ему явно нравилось чувствовать себя большим и грозным рядом с такой букашкой, как я.

— Разве тебе страшно? — спросил он низким голосом.

— А тебе бы не было?

Глаза Чейза потускнели, словно на какие-то мгновения он оказался в своих давно забытых воспоминаниях.

Он молчал.

— На сегодня лимит красноречия исчерпан? — поинтересовалась я.

Внезапно Чейз наклонился к моему лицу настолько близко, что его кончик носа практически дотронулся до моего. От неожиданности вздрогнула. Его глаза сузились, в то время как мои напоминали два теннисных шарика.

— Что ты искала? Свободу? От чего бежала? — произнёс вкрадчиво. — Ты что, с другой планеты свалилась? Тебе жизнь совсем не дорога, раз ведёшь себя, как пустоголовая кукла? Ты сама выкопала себе яму. Свобода — миф. Больше её нет. Нигде. Весь мир — большая арена для выживания. И выживет лишь тот, кто будет соблюдать правила. То есть, точно не ты.

Я цинично усмехнулась, от чего брови Чейза и вовсе взлетели на лоб.

— Да что ты! Сампридумал, или услышал от кого? — Стёрла с лица улыбку. — Может тебе это и не сильно интересно, но я всё же скажу... Я буду свободна до тех пор, пока моё жалкое тело низшей ещё способно дышать. Пока моё разочарование в людях настолько сильно, как сейчас, я никогда не преклоню ни перед одним из них колени. Моя кожа может быть изуродована сотнями меток, только это всего лишь кожа, всего лишь обложка. И пусть моё сердце полно ненависти, пусть оно почерствело с годами, но на нём метки всё ещё нет.

Ни одной. И никогда не будет. Потому что никогда и ни за что, ни одно подобие человеческой особи вроде Блейка не подчинит меня своим правилам. Я сама по себе. Ясно?

Ещё какое-то время мы молча испепеляли друг друга взглядами, прокладывая дорожки искр между нашими телами. А потом Чейз развернулся и повёл меня в камеру. Но прежде чем захлопнуть дверь, швырнул мне в руки что-то мягкое — одеяло?..

— Подарок от Дакира? — фыркнула я.

— Нет, — отрезал Чейз и захлопнул за собою дверь.

Глава 11

Однажды я попыталась сбежать от Завира. От Скверны. Это случилось спустя год после начала моего обучения. Я сочла, что уже вполне готова, чтобы стать одиночкой и могу покинуть это чёртово логово банды. Как же наивна я была...

Долго подготавливалась. Собрала с собой всё необходимое и планировала угнать грузовик. У меня не было чёткого плана, я не знала куда поеду, где буду скрываться, как буду жить дальше. Я вообще ничего не знала. Мне просто хотелось сбежать. Сбежать от всего. От постоянного контроля, он насмешек, что я любимая игрушка Завира, от клетки, которой стала моя комната, от давящих стен дома, за пределами которого текла жизнь, о которой я ничего не знала. Я была птицей в золотой клетке и мне мучительно не хватало свободы.

Завир самолично поймал меня, когда я с рюкзаком за плечами пряталась в районе банды Синеголовых. Это были мои пятые сутки на воле. Я была грязная, голодная, замёрзшая и несколько раз чуть не изнасилованная. Тогда у меня ещё не было метки. Зато был пистолет, который я тихонько выкрала у приставленного ко мне охранника, пока тот спал на посту. К слову, больше я никогда не видела того человека.

Тогда я была ещё не готова к такой жизни.

Завир не стал меня жалеть. Избил до потери сознания. После этого я ещё несколько дней провела в отключке, а потом долго-долго восстанавливалась. А Завир вёл себя, как ни в чём не бывало: он снова был моим добрым папочкой.

Я принадлежала ему, была его собственностью. Я не имела права убежать. Он сказал, что в следующий раз убьёт меня, затем обнял и поцеловал в висок. В тот момент я и решила, что могу притворяться, могу казаться послушной, могу соглашаться со всеми решениями Завира, при этом выглядя вполне искренней, но я никогда не стану его собственностью. Никогда. И пока я буду так думать, пока буду знать, что моя жизнь принадлежит лишь мне одной, это и будет моя личная свобода. Свобода взаперти.

Когда Завира не стало, я перестала притворяться. Я стала самой собой. Той, кто никогда не станет лицемерить, никогда не станет выполнять чьи-либо приказы и никогда не станет одевать маску на лицо, чтобы защититься. С тех пор я живу именно так.

Глава 12

Кажется, только ленивый в Кресте не пришёл посмотреть на моё наказание. Это напомнило мне бойцовскую яму — такой же галдёж и свист. Люди жаждут зрелищ!

Всё-таки человечество неисправимо. Нигде. Даже там, где вроде бы живут лучшие из

худших. Только здесь они, таким образом, якобы вершат правосудие! Тьфу.

Солнце ещё касалось горизонта, когда меня посадили в грузовик и повезли на центральную площадь. Этот город оказался не таким уж и маленьким, как я думала. По крайней мере, по ощущению времени проведённому в машине; на глазах снова была повязка. Руки тоже связаны. Словно я серийный маньяк какой-то.

И у меня снова был жар. Во рту раскалённая пустыня, губы пересохли. Струйки пота стекали по лбу и шее, рисовали дорожки по спине под майкой. Ладони взмокли, но уже от нервов. Через считанные минуты мне нанесут пять ударов плетью. И я уже ничего не могу изменить.

Под всеобщие крики меня подняли по ступеням и наконец, сняли с глаз полоску ткани. Меня окатило волной ужаса... Мою спину изуродуют на глазах у... сколько же здесь людей? Сколько сотен?! А может... тысяч?

Я находилась на деревянном невысоком помосте, в центр которого был воткнут толстый столб. По обе стороны от меня стояли мужчины с оружием. Да это не наказание, это самая настоящая казнь!

Губы задрожали, и я вцепилась зубами в колечко. Я не должна показывать страх, не могу доставить Блейку такое удовольствие!

Совет был здесь. Восседал на деревянных стульях у самого подножья помоста. Но один стул всё же пустовал — Дакир отсутствовал... Как и Чейз. Не знаю, зачем и что бы это изменило, но я всё же пыталась найти его в толпе. Все приближённые к Совету стояли за их спинами, в том числе и парень с «разукрашенной» физиономией, но Чейза и там не было.

Блейк поднялся со стула и, обращаясь к толпе, принялся толкать какую-то речь. Я её не слышала. Моё сердце слишком громко стучало в ушах, чтобы я могла разобрать хотя бы слово. Дыхание стало резким и коротким, в глазах внезапно задвоилось, и я их с силой зажмурила.

«Держись, Джей. Это не самое страшное, что тебе предстоит испытать. Наверняка это сущий пустяк, по сравнению с тем, что ещё готовит для тебя жизнь. Мелочи. Всего лишь пять ударов! Мне предоставят медицинскую помощь (надеюсь), я восстановлюсь, а затем голыми руками вырву сердце из груди Блейка.»

Дьявол. Нет, это неправильно! Почему я не борюсь? Я должна сражаться! Должна валить отсюда! Слабость? Плевать. Жар, травма плеча? Справлюсь. Чёрт... нет, не справлюсь.

— Джей из Скалы! — сиплый голос Блейка ворвался в моё сознание. — Твоё наказание за проявление агрессии и насилия над одним из жителей города, а также за проявление неуважения перед одним из лидеров Креста составляет пять ударов плетью.

Блейк источал из себя волны удовольствия. Наслаждался происходящим, как ребенок, которого впервые вывезли в Диснейленд. Неужели жители Креста не видят истинную сущность одного из своих лидеров? Он ведь питается жестокостью. Это так очевидно.

Сиплый развернул бумажку грязно-желтого цвета и принялся зачитывать мне официальную версию приговора.

До ушей долетали лишь отрывки:

— Статья двенадцатая уголовного кодекса Креста... Граждане, не следующие правилам установленным Советом Креста должны принять наказание в соответствии... Нарушающие общественный порядок... Выражающие неуважение по отношению к обществу и его лидерам... Нецензурная брань в общественном месте... Оскорбительные действия в

отношении лидера социально-управленческого сектора... Проявление агрессии и насилия над гражданином входящим в состав городского управления... Совет вынес приговор — пять ударов плетью.

Я почти не дышала. Горло сдавило с такой силой, что я не могла сглотнуть. Хотелось разодрать его руками, чтобы впустить в лёгкие хотя бы крупицу воздуха. Даже пошевелиться не могла. Сейчас было по-настоящему страшно. Сейчас моя кожа затрещит по швам и никто... никто уже ничего не изменит. Это Крест. Это его правила. И мне действительно страшно. Только этого никто не увидит. Я поломаю себя, буду претворяться, что мне плевать на наказание, но я не подарю этому городу последние частички собственного достоинства.

Мой подбородок вздёрнут, глаза прожигают Блейка насквозь, челюсти сжаты. Пусть все подавятся. Я выстою. Вынесу все пять ударов и не пророню ни звука. Пусть узнают из чего сделана шлюха, которой меня все считают.

Блейк кивнул кому-то в сторону, и на помост поднялся ещё человек: на три голове выше меня, бритый налысо, на лице оскал.

— Это наш лучший палач, — улыбаясь, воскликнул Блейк.

— Я и не сомневаюсь.

Не без труда, приказав мышцам двигаться, сняла куртку и рубашку, чтобы те не пострадали (сейчас не время раскидываться ценностями) и бесстрашно взглянула на здоровяка.

Палач грубо толкнул меня к столбу в центре «сцены» и привязал руки к толстой верёвке, закреплённой вверху конструкции. Получилось так, что я обнимаю столб. Майка на мне была слишком короткой, обнажающей половину спины, и вся в дырках. Я специально одела самую негодную вещь из всех, что у меня имелись — зачем надевать что-то целое, если оно всё равно превратится в клочья?.. Завир научил меня быть предусмотрительной в любых ситуациях.

А затем я увидела плеть: три толстых кожаных «хвоста» сплетающихся в общую рукоятку. Упёрлась лбом в деревянную поверхность столба, прикусила губу, чтобы не закричать и крепко зажмурилась, молясь, чтобы всё поскорее закончилось.

— Тебе есть что сказать напоследок? — Блейк наслаждался процессом. Чёртов садист.

— Мне жаль тебя...

— Что-что прости?

— Мне жаль тебя, — повторила ещё тише и беззвучно добавила: — Потому что я убью тебя, клянусь.

— Ладно, начинай! — воскликнул Блейк и через секунду в мою спину будто врезался товарный поезд.

Впечаталась в столб, прикусив губу до крови. Боль разбила тело на тысячи острых кусочков. Я хотела орать так громко, как только могла, но вместо этого молча терпела.

Словно кожу заживо сдирали, при этом щедро поливая обнажённую плоть ядом. В глазах троилось, и я не сразу поняла, что не дышу. Попыталась сделать вдох, но не получалось. Боль была настолько сильной, что тело совсем забыло, что значит дышать. Каждая клеточка меня была сосредоточена в том месте, где разверзлась бездна.

Толпа молчала. Не было слышно ни одного свиста, или это мои уши тоже отказали?

— Один! — раздался голос Блейка.

Второй молниеносный удар и мои колени подогнулись. Я повисла на верёвке, как тряпичная кукла. Боль в травмированном плече, которому сейчас тоже приходилось не

сладко из-за вытянутых над головой рук, стала ничем, по сравнению с тем, что испытывала моя спина... нет — всё моё тело. словно вулканическая лава вырывалась из тех мест, где оставались глубокие порезы от плети с тремя «хвостами» и умывала кипящей жидкостью каждый миллиметр кожи.

Мир перед глазами перевернулся. Я вновь приказывала себе дышать. Мозг бился в лихорадке и буквально орал, сотрясая черепную коробку: «Дыши! Дыши! ДЫШИ!»! Я пыталась концентрировать всё своё внимание на этом процессе, игнорируя боль, только ничерта не получалось — я умирала.

Ещё три удара. Подумав об этом, ощутила острый приступ тошноты. Поразительно, что я могу испытывать ещё хоть что-то кроме сумасшедшей боли.

— Два! — воскликнул Блейк.

Подобрала ноги с пола и выпрямилась. Никто и никогда не узнает, каких усилий мне это стоило. Чувствовала, как по подбородку стекает кровь — губы искусаны до мяса. И всё ради того, чтобы не закричать.

Приготовилась к третьему удару. Раздался выстрел, и я упала вбок, врезавшись большим плечом в деревянный пол. Не знаю зачем, но сразу перевернулась на изуродованную спину, ощутив новую волну боли. Но теперь я видела небо. Наверное, это именно то, что захотелось увидеть перед смертью.

Облака кружились перед глазами, превращаясь в абстрактные фигуры. Свист в ушах — мой собственный свист, не свист толпы, — был такой силы, что я ничего не слышала. Вообще ничего. Я не знала, что происходит. Не знала, что сейчас делает Блейк, Совет и публика. Мой мир... мир вокруг меня, просто застыл, словно кто-то нажал на паузу, решив подарить мне тихую смерть. Глаза были широко распахнуты, я даже не моргала. Может, уже умерла? Или это просто шок, потому что я почти не чувствую боли... И в какую часть моего тела попала пуля?.. Это Блейк стрелял?..

Шея всё же подчинилась и я повернула голову, скользнув глазами по столбу, к которому была привязана и, к своему удивлению, обнаружила, что верёвка, связывающая мои руки, превратилась в дряхлый клочок ниток. Похоже, стреляли всё-таки не в меня. Или в меня, но не попали... Понятно лишь то, что во мне всё-таки нет пулевых отверстий.

«Надо прийти в себя, ну же, Джей, скорее, нужно понять, что происходит.»

Но я не могла пошевелиться.

Рядом с моей головой оказались большие чёрные ботинки военного образца и тут, раздался шум волн... Это был первый звук, что прорвался в моё сознание, перекрыв собою свист. Это был голос Чейза.

— Свалил. Быстро. — Похоже, это было приказано моему палачу.

И тут мир начал наполняться звуками. Медленно, словно всасывая в себя звук через трубочку. Я услышала рёв негодующей толпы. Чьё-то пыхтение возле трибуны. И разъярённый голос Блейка.

— Ты хоть понимаешь, что только что совершил?! — орал он. Его самого я не видела. — Это нарушение статьи двадцать седьмой. Это измена! Отклонение от правил!

Ботинки Чейза отделились от меня, теперь он стоял на ступеньках.

Я видела его широкую спину, плотно обтянутую рубашкой в чёрно-красную клетку. В его руках были какие-то бумаги. И он швырнул их в Блейка.

— На, почитай. Страница пятая, сверху.

Я повернула голову в бок и теперь видела весь Совет. Кажется, они в ярости. Даже

красивая женщина, которая была четвёртым лидером, тяжело дышала и покрывалась пунцовыми пятнами.

Блейк принялся листать... что это, кодекс?

— Объяснения нужны? — сухим голосом, поинтересовался Чейз. — Я скоро еду в Демойн, Блейк. Хочешь, поищу там тебе очки, чтобы в следующий раз ты читал свои же законы внимательней?

Лицо Блейка стало багровым. Он бегал глазами по страницам кодекса и его челюсти сжимались всё сильнее.

— И что?! — проревел он во всю глотку. — Ты прерываешь наказание, используя при этом оружие, и тыкаешь мне в лицо кодексом, который я читал тысячи раз?! Ты знаешь, что тебе за это будет?! Кто угодно мог пострадать от твоей пули, сопляк!!!

Чейз выждал короткую паузу.

— От моей пули, могла пострадать только она, — его голос превратился в лёд, — но если бы это случилось, ты бы совсем не расстроился.

— Ты... ты... нарушитель...

— Он выполнял приказ! — прогремел голос Дакира, и я увидела, как он вышел из толпы, остановившись напротив Блейка. Весь в чёрном. Только галстука не хатает.

— Ты тоже, Дакир? — выплюнул Блейк.

— Тебе зачитать? — поинтересовался Дакир. — Закон, зачитать?

Он сделал два больших шага в направлении Совета.

— Получается, господа... и дама, — коротко кивнул женщине, — что написать кодекс мы написали, а вот запомнить никто так и не осилил? Так ведь?

Женщина и пухлый мужик, кажется, его зовут Феликс, нервно переглянулись.

Дакир стоял боком, но я видела, что по его губам скользит улыбка. Только вот глаза... сейчас они казались намного опаснее глаз Чейза. Если бы взглядом можно было убить, тех двоих из Совета уже бы не стало.

— Разве не в нашем же кодексе есть отдельная глава со статьями о том, что мы делаем с людьми, которые только оказались в городе и ещё не были причислены к горожанам? Нет? Не в нашем?.. А разве не в нашем кодексе говорится о том, что мы не имеем права причинять вред человеку, который не относится к жителям Креста?.. Чужак, кем сейчас и является эта девушка, должна была судиться, как и все чужаки, — хотя в большинстве случаев эта процедура была обычным допросом, — но она никак не могла получить наказание, которое может получить только гражданин Креста!

— Т-тогда, что же мы должны были сделать с ней, за то, что при допросе... точнее на суде, она напала на Тайлера? — нервно прокудахтал Феликс, тряся пухлыми щеками.

— Что? — удивился Дакир и сделал шаг к нему. — Значит, кодекс ты точно не читал. — Терпеливо вздохнул. — Мы должны были беспощадно выставить её за ворота, или предложить остаться в Кресте и, уже потом, наказывать, как горожанина.

— П-ф, а если бы она убила Тайлера? — фыркнула женщина.

— Вы вообще слышали, что такое кодекс? Или Блейк его один написал? — Голос Дакира набирал обороты. Он резко повернулся к Блейку. — Что скажешь? Что мы должны были бы с ней сделать, за более тяжкое преступление? Там есть отдельная глава посвящённая этому. Пробегись глазами, если хочешь.

Казалось, багровое лицо Блейка вот-вот взорвётся, как переспелый помидор.

— За более тяжкое преступление мы имели право назначить ей смертную казнь без

наличия свидетельства горожанки Креста, — процедил Блейк сквозь зубы.

— Здесь имеются в виду убийства, так ведь? А за те, якобы преступления, что совершила она?... — подталкивал Дакир.

— Ты уже сказал... — выплюнул Блейк.

— А ты повтори. Ведь эта девушка получила свои удары плетью незаконно. Кто-то же должен теперь за это ответить.

Блейк поджал тонкие губы. Его ноздри раздувались, как ноздри быка.

— За то, что совершила она, мы должны были без разбирательств отправить её за ворота, или предложить стать горожанкой Креста и уже тогда судить по закону. Другого не дано.

— Но кажется, ты сумел придумать третий вариант.

— Она совершила преступление против кодекса! И получила за это по счетам!

— Тогда и ты только что совершил преступление против своего же кодекса, Блейк! — прогремел Дакир. — Но вот получишь ли ты по счетам?!

— Я лидер города!

— А она обычный беглец из Скалы! Ничего угрожающего благополучию Креста за ней не было обнаружено!

— Это пока... не было обнаружено! Или ты забыл про её метку? Может Скверна сама её сюда отправила шпионить. А? Посмотри на неё! — Блейк ткнул пальцем в мою сторону. — Она всего-то девчонка! Ты действительно веришь во всю эту историю с угоном мотоцикла?

Дакир хмыкнул.

— Эта девчонка, мать твою, не издала ни звука, в тот момент, когда её кожа на спине трещала по швам.

Блейк громко сплюнул и сделал шаг навстречу Дакиру, уперев руки в бока:

— Это было ей уроком! Если она действительно собиралась здесь остаться, то должна была быстро усвоить, где её место!

— Она не скот, чтобы указывать ей место!

Блейк снова сплюнул:

— И что теперь, чёрт возьми?! Что ты хочешь, чтобы я сделал?!

Дакир выдержал недолгую паузу.

— Я хочу, чтобы ты оставил её в покое и нашёл себе другую зверушку для развлечений.

Я видела, как у Блейка открылся рот, чтобы что-то ответить, но он так и не успел ничего сказать. Внезапно толпа завизжала и волнами двинулась в разные стороны, а следом раздалась громкая нарастающая сирена.

Люди вопили:

— ОНИ ПРОВАЛИСЬ!

— ТВАРИ В ГОРОДЕ!

— В УКРЫТИЕ! БЫСТРО!

Началась паника. Люди кричали и толкали друг друга, пытаясь выбраться с площади.

— Спокойствие! Сохраняйте спокойствие! — орал Блейк, поднявшись на ступени. — Отправляйтесь в укрытие и сохраняйте спокойствие!.. Дакир! Где твои люди?!

— В пути! — бросил Дакир между тем, как говорил по рации. — Второй и третий отряды в центр, защищать граждан! Первый, четвёртый отряды прочёсывать периметр, найдите место прорыва! Пятый отряд в нападение к восточной вышке! Не дать им прорваться в жилые районы!

Площадь быстро пустела. Блейк, подталкивая Феликса и женщину из Совета, семенил к грузовику.

Я попыталась снова найти Дакира, но того уже не было на месте. Он ушёл.

«Ну вот, Джей, до тебя как обычно никому нет дела», — подумала и с огромными усилиями перевернулась на живот.

Подо мной была лужа крови. Нет — океан крови! И очень и очень плохо. Сейчас я как красная тряпка для быка. Куда двинутся твари в первую очередь? Разумеется за кровоточащим куском мяса. И вряд ли кто-то ещё в Кресте его так сильно напоминает, как я.

Перекатилась с края помоста и рухнула спиной на утопанную землю. Из рта вырвался громкий стон, теперь я могла себе его позволить. Мне просто адски, мучительно, невыносимо больно! Но хуже всего, что в таком состоянии я вряд ли смогу передвигаться. Кажется, воспаление в организме достигает высшей точки; удары кнутом, безжалостным образом сказались на моём ослабленном теле.

Перевернулась на живот, привстала на локтях и смогла принять сидячее положение, кряхтя и постанывая. Топот ног доносился отовсюду, были слышны выстрелы, крики. Какая-то женщина пронзительно завопила и резко стихла, слишком резко... Кажется твари уже рядом с площадью.

Выстрелов стало больше, и они звучали гораздо ближе. Кричали мужчины, вроде бы отдавая друг другу приказы. Тяжело дыша, повернула голову влево и увидела огромную стену из пыли, внутри которой явно не происходило ничего хорошего.

Мне надо уходить. Не знаю как, но надо уходить. Или я труп.

Шатаясь, поднялась на ноги, но тут же с криком боли рухнула на колени, уперев ладони в твёрдую землю, с силой вонзив в неё ногти.

{«Будь ты проклят, Блейк. Будь проклят!»}

Ещё одна попытка. Поднялась, схватилась за край помоста и опустила голову, подавляя новый приступ боли. И, кажется, меня сейчас вырвет...

Вырвало. Прямо себе под ноги.

В глазах двоилось, ноги заплетались, но собрав последние силы воедино потащила своё слабо подчиняющееся разуму тело в противоположную от стены пыли сторону. Добрела до угла одноэтажного кирпичного здания и если обоняние не обманывало, то от него исходил аромат печеного хлеба. Раньше этот запах мог бы свести меня с ума, но сейчас он не вызывал ничего кроме тошноты.

Прислонившись к стене пекарни одним лишь затылком — большего себе позволить не могла, — стала мучительно ждать момента, когда эта долбаная сирена стихнет. Ведь это будет означать, что опасность миновала и тогда я перестану быть аппетитной закуской для тварей. Что касается сирены — в Скале при нападениях было именно так.

У моего отца был GPS-навигатор. Помню, что часто любила с ним баловаться. На нём горел красный маячок. Он охватывал огромные территории, но всегда беспрекословно показывал пункт назначения. Так вот, сейчас я была таким же самым маячком для тварей, пунктом назначения. Запах моей крови ведёт их ко мне, как навигатор.

Ноги совсем не держали. Чувствовала, что отключаюсь.

Не знаю, сколько уже времени прошло, но сирена не стихала.

Я была на пределе.

Слева раздался треск, и я даже не сомневалась в том, что стало ему причиной. Ограждение, служившее пекарне забором, разлетелось в щепки и из-за него показались

твари.

Вроде бы трое, но в силу того, что в глазах плыло, казалось, что их гораздо больше. А ведь у меня даже нет никакого оружия.

Их бледные лица при дневном свете лишь слегка отдавали зелёным. Больше они напоминали кусок белой простыни с красными дырками на уровне глаз. Твари были грязными, в лохмотьях и от них жутко воняло — гнилью с мускусным приторным запахом. Во всём остальном, они ничем не отличались от людей. Их походка была ровной — не дёрганной, а в руках что-то напоминающее палки с гвоздями. Отлично. Сейчас к плети добавятся ещё и гвозди.

Попятилась, умоляя ослабевшие ноги двигаться, как можно быстрее. На том месте, где стояла образовалась лужа крови. Уверена, её запах сейчас сводит их с ума.

И твари рванули в мою сторону, как стая саранчи.

Я пыталась бежать, правда, но у меня получалось лишь уныло вилять из стороны в сторону. Повалилась на землю с громким криком и перевернулась на спину, выставив руки перед собой, словно это действительно поможет их остановить.

Трое тварей оказались надо мной молниеносно быстро, вот-вот готовые вцепиться острыми жёлтыми зубами в живую плоть.

— Стойте! — воскликнула охрипшим голосом. И в чём смысл? Как-будто моя просьба способна произвести на них впечатление.

Но что-то произошло. Твари замерли в полуметре от моего тела. Внимательно разглядывали, как научный экспонат, нависая надо мной, источая невыносимую вонь. Их глаза казались настолько же разумными, насколько могут казаться глаза обычного здорового человека — не съеденного вирусом, — не считая белков налитых кровью.

Сердце билось где-то в горле, песок подо мной забивался в раны на спине, работая, как тёрка. Страшно. Больно.

— Не надо. Не трогайте меня, — судорожно произнесла, вглядываясь то в одно бледное лицо, то в другое.

Глаза застилал пот. Губы с трудом шевелились, голос вибрировал.

Знаю, глупо просить пощады, но это единственное, что мне остаётся. Кто угодно на моём месте поступил бы так же.

Секунды становились вечностью. Не понимаю, чего они ждут, но даже если твари и надумали бы меня пощадить, то явно не в том состоянии, в котором я нахожусь сейчас. Их инстинкты слишком сильны. Они не могут сопротивляться запаху крови.

И они бросились на меня.

Ударила одному ногой в челюсть и тот отлетел назад, но двое других... их бы я ни за что не успела остановить.

Раздался выстрел. Пуля просвистела над моей головой и ударила в зеленоватый лоб женщины. Ещё секунда и третью тварь сокрушил мощный удар с ноги в спину. Прозвучал ещё один выстрел, и тварь, которая когда-то была молодым высоким парнем замерла, приняв смерть.

Моё сознание больше не могло бороться с темнотой. В глазах вспышки: чёрная, белая, чёрная, белая...

Подо мной оказались чьи-то руки, подняв искалеченное тело с земли. Я уловила запах дождя... Это был Чейз.

Прижалась щекой к его груди и позволила себе закрыть глаза. Его шаги стали

быстрыми, почти бегущими. Я слышала его тяжёлое дыхание.

— Нет, ты не просто дура! — Услышала сквозь сон его запыхавшийся голос. — Ты ещё и самая настоящая заноза в заднице!

Глава 13

Надо мной — грязно-белый потолок.

Подо мной — жёсткая скрипучая кровать.

Темно. Только где-то в конце комнаты на покосившемся столе горит толстая свеча. Глазам больно на неё смотреть, поэтому отвернулась.

Это невыносимо... как же всё болит... Моя спина... Кажется её перебинтовали. Потому что всё, что на мне есть, кроме тонкого одеяла и трусов, эта куча бинтов намотанных на торс.

— Проснулась? — Кто-то вошёл в комнату.

Кира остановилась возле моей кровати. На её усталом лице не было очков, а тёмные волосы торчали во все стороны, как после марафона. Сложно представить, сколько ей лет. Иногда она выглядит моей ровесницей, а иногда — как сейчас, — лет на пятьдесят.

— Я зашла потушить свечу. Сейчас ночь, так что спи, — сказала она, но с места не сдвинулась.

Я лежала на боку и смотрела на неё сонными глазами.

— На спину не ложись. Сомневаюсь, что обезболивающих даже до утра хватит, так что не тревожь её лишней раз. Больше на тебя лекарство никто не выдаст.

О, так это ещё боль не на полную катушку?..

— Ты не накладывала швы? — проскрипела я, полумёртвым голосом.

Кира издала невеселый смешок:

— Думаешь у нас тут целые склады медицинской нити? Нет уж, прости, такую роскошь на твою красоту переводить запретили.

— И как всё ужасно? — Я тщетно попыталась улечься поудобней.

Кира прищёлкнула языком.

— Меньше движений, детка, у тебя там всё ещё открытые раны. Этот кретин, Лари, бил в полную силу, да ещё и плетью с тремя концами; у тебя будет шесть прекрасных шрамов на пол спины. — Она вздохнула и опустила руки в карманы халата. — Спи. Утром поговорим.

— Утром? А разве по вашим законам меня не должны вышвырнуть за ворота?

— Должны, но не вышвырнут. Дакир поручился за тебя.

— Что?..

— Поручился за тебя.

— Я поняла. Почему?

— Ну, — Кира пожала плечами, — такой он человек.

— Это и странно...

— Послушай, не думай сейчас об этом, ладно? Благодаря Дакиру, до полного твоего выздоровления тебя никто тут и пальцем больше не тронет. Да и... после всего... думаю, на какое-то время, о тебе вообще забудут.

— Что произошло?

Теперь Кира стала выглядеть совсем измученной, добавив своему лицу ещё десяток лет.

— Много жертв? — догадалась я.

— Много. Больше пятидесяти человек и все мертвы. Твари их даже обращать не стали, просто убивали... ели... Некоторых утащили... Подсчёт всё ещё ведётся. Думаю, в конечном счете, выйдет около сотни.

Я не знала, что ответить.

— Надеюсь, Блейк не собирается повесить на меня и это...

Кира дёрнула плечами, на её устах появилась ухмылка.

— О, уж можешь поверить, Дакир поставил его на место за нарушение собственных правил. Ты вне подозрений. Потому что подкоп под стену длился месяцами. Из-за густого кустарника по ту сторону патрульные ничего не замечали. Твари действовали слишком хитро и осмотрительно. Они давно планировали это нападение... А ты здесь всего-ничего. Да и... разве может человек быть уличён в заговоре с тварями? Расслабься. Блейку сейчас до тебя вообще дела нет.

— Значит, мою татуировку не станут пока выжигать? — фыркнула я.

— Не станут. И горожанкой Креста тебя тоже пока делать никто не собирается. Дакир выбил для тебя лучшие условия, ты здесь на временных правах. Так что веди себя если не хорошо то, хотя бы терпимо, Дакир ради тебя головой рискует.

— Зачем я ему сдалась? Не понимаю.

Кира протяжно выдохнула.

— Поймёшь. Он хороший человек, в этом можешь не сомневаться. А теперь — спи.

Она потушила свечу и вышла, а я снова провалилась в сон.

Сначала мне снились бойцовские ямы. Чейз умывающийся кровью, а потом... потом мне приснилась Кристина. Как напоминание о том, каким треплом я оказалась, привязав себя к койке на время заживления ран на спине.

Кристина. Маленькая девочка, которую также как и меня выкупила Скверна для работы в одном из борделей. Только вот Кристине не повезло так же, как мне — она ни на кого не оказалась похожа.

Я увидела её в плотном ряду других девушек. Она была на две-три головы ниже всех. Худая, с белыми, как снег волосами, молочной кожей и огромными серыми глазами, которые казались почти прозрачными. Она была прекрасна. Можно было только представить, какая красавица из неё вырастет через несколько лет и как банда будет на этом наживаться. А может, через какое-то время она тоже получит метку и станет принадлежать кому-то одному.

Кристине тогда было одиннадцать. Она была совсем ребёнком. Маленькой напуганной девочкой. Её розовые губки дрожали, и она крепко сжимала в кулаках низ своей грязной кофточки.

Определённо, у Скверны был вкус. Вот только я не могла допустить, чтобы этого невинного ребёнка обрекли на такую судьбу. Мне было слишком жаль её. Ведь, когда-то, я была такой же, как она. Детей редко приводили для отбора, но я была рада, что оказалась на нём в тот день, когда привели Кристину.

Мне было пятнадцать с половиной; не на много я была старше. Прошло всего полгода с моего побега и с того зверского избиения моим «папашей». Всё это время я вела себя идеально, безукоризненно. Завир вновь гордился мной, считая, что я наконец-таки поняла, кем должна быть, что тот побег вставил мне мозги на место и его маленькая Дженни больше

никогда не выкинет ничего подобного. Да. Я хорошо притворялась. И поэтому осмелилась на настолько безумную просьбу, ведь я целые полгода была хорошей девочкой. Хорошей девочкой, которая практически сутками истязала своё тело до крови и пота на тренировках. Завир долго смеялся, услышав от меня просьбу о том, чтобы Кристину оставили со мной. И, кажется, он всё не правильно понял.

— Моей маленькой звёздочке, захотелось получить новую красивую игрушку? — спросил он, поглаживая меня по волосам.

— Да, — ответила я. Должна была так ответить.

— Ну ладно, забирай её. — Он всё ещё продолжал смеяться. — Она полностью на твоём попечении, делай с ней, что хочешь, Дженни. Всё ради тебя.

Я была его слабостью. И я этим пользовалась.

С того для Кристина жила со мной в одной комнате. Ей поставили кровать. Я нашла для неё одежду, я кормила её, играла с ней и со временем Кристина осознала, что я ей не враг. Она стала доверять мне. Стала более разговорчивой и иногда даже улыбалась. С годами, она стала мне сестрой. А я для неё... наверное всем.

Мы проводили много времени вместе. Никто из Скалы не имел права к ней прикасаться, она была полностью под моей защитой, а значит — под защитой Завира.

Со временем она рассказала мне о себе. Её родителей убил зелёный дым. Её подобрала бродячая семья, и некоторое время она жила с ними... точнее пыталась выжить, как и все. Но эта семья пришла в Скалу, и Скверна, увидев Кристину, предложила им неплохое вознаграждение за девочку. Кристину продали. Так же, как и меня. У нас оказалось много общего.

Мы росли вместе. И роднее её у меня никого не было. Завира я никогда по-настоящему не любила. Он не заслуживал моей любви. После того, как он избил меня до полусмерти, я перестала считать себя ему обязанной.

Когда Завир умер и меня отправили работать в бойцовские ямы, я забрала Кристину с собой. Она ждала меня каждый день, ютясь в нашей маленькой комнате в общежитии для сотрудников бойцовского клуба. Ждала моего возвращения с работы. Ей было очень одиноко, я знала это, но я должна была работать, чтобы содержать нас.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

У Кристины не было метки, поэтому она даже на улице показаться не могла. Так и жила — взаперти. Как я когда-то... И исходя из собственного опыта, я прекрасно знала, что однажды чаша терпения переполнится и ей это надоест. Поэтому, предвидя события, я стала прятать белые волосы Кристины под грязный платок, одевать её в уродские лохмотья, пачкать лицо золой и выводить на улицу. Думала, моей метки хватит, чтобы защитить нас обоих. Ведь я поклялась её защищать. Всегда. Я дала ей слово. Не зря ведь в свободное от работы время я продолжала тренироваться. Закаляла своё тело, оттачивала удары и бросала камни в жестяные банки вырабатывая меткость. Люди Завира многому меня научили, но я не хотела на этом останавливаться. Я должна была стать ещё лучше. Потому что у меня была Кристина.

Физическая подготовка это конечно хорошо, но я всё ещё оставалась девчонкой. А в Новом мире женскому полу было конкретно указано место. Так, как пришлось выживать после смерти Завира, трудно было себе представить. Мне было чуть больше семнадцати, Кристине тринадцать. Она была моей заботой. И я хотела заботиться о ней. Мне было страшно представить, что со мной будет, если её не станет рядом. А что станет с ней...

Прошло ещё два года прежде чем Кристину забрали. Мне кажется, Скверна всё это время молча выжидала пока её красота выйдет на новый уровень. Ведь изо дня в день она превращалась в потрясающе красивую девушку. Меня это только пугало. Мне нужно было маскировать её лучше для наших вечерних вылазок в город. Во время одной из них головорезы Скверны и забрали её. Без объяснений. Сказали, что так надо. Что так требует их новый предводитель.

Если я попытаюсь описать, что чувствовала тогда, боюсь, у меня ничего не получится. Такие чувства невозможно выразить словами. Меня будто опустошили. Я будто умерла.

Первые два дня ломилась в ворота дома, где сама когда-то жила. Требовала вернуть Кристину, угрожала, избивала охранника, даже двоих. Я умоляла их отпустить её, заверяла, что убью каждого, кто к ней прикоснётся... Я стояла на коленях... Я не знала, что мне делать...

Кристину мне не вернули. После двух бессонных ночей мой мозг почти не соображал. Я пыталась заставить себя хотя бы поплакать, но мои глаза будто высохли, а в голове гремел голос Завира: «Слёзы — удел слабых». Я ничего не ела и не пила, поэтому приступы головокружения не застали врасплох. Я сама себе была противна.

Говорят, что после отрицания должно прийти смирение. Я ждала его на третьи и четвёртые сутки, но оно так и не приходило. Понимание того, что какой-нибудь мерзкий ублюдок прикасается к моей хрупкой невинной девочке, к моей маленькой сестрёнке, раздирало меня на части. Мне хотелось умереть... Я ждала, когда же придёт смирение, но вместо него пришла ярость. Сумасшедшая, безудержная и всепоглощающая.

Взяла себя в руки и привела в порядок разум и тело. Поела, вооружилась всем, что у меня было: двумя складными ножами и маникюрными ножницами, взяла целую сумку барахла, чтобы продать и отправилась получать информацию по своим каналам.

Кристину не просто отправили в бордель, её продали в другой город — в Ангел. За неё Скверна выручила целых два ящика оружия. Это просто сумасшествие: никогда и ни за кого столько не платили! Что касается города, раньше я слышала про Ангел. Он не многим отличался от Скалы, городок такого же уровня. Только заправляет там всего одна банда, да и по размерам Ангел в два раза меньше Скалы.

Мне удалось узнать по поводу его жителей и то, что я услышала, мне совсем не понравилось. Люди, которые населяют Ангел и те, кто туда идёт, представляют из себя свихнувшихся фанатиков, которые веруют, что виной Концу света стало ничто иное, как Божья кара! Ангел — большая секта. В которую так просто не попасть. Они принимают людей в город по какому-то строжайшему отбору. Один торговец рассказал, что они даже проводят жертвоприношения, поклоняются Новому Богу, только в абсолютно не нормальной, извращённой форме, и делают всё, чтобы спасти остатки человечества... своей тупой верой.

Мне стало дурно от того, в какое место попала Кристина. Однако не могу соврать и сказать, что некое облегчение всё же наступило. Какими бы фанатиками те, кто жил в Ангеле не были, возможно, там не используют женщин, как игрушки для сексуальных утех. За Кристину заплатили очень много и наверняка это был кто-то из главных в Ангеле. Соответственно, если этот человек помешан на вере в Нового Бога, возможно, он не станет делать из неё распутную девку?.. Но тогда зачем? Зачем она им?..

Знала одно: во что бы то ни стало я должна найти её. Должна вернуть.

Поэтому мне пришлось стихнуть, чтобы Скверна вдруг не решила от меня избавиться. Я

итак была на грани, ходила по острию ножа. Чувствовала, как за мной наблюдают. Ведь я знала о Скверне слишком много и могла стать большой проблемой.

Мне пришлось продолжить работу в бойцовских ямах. После того, как Кристину забрали, я проработала там ещё почти год. Потом ушла в бар Дориана, — Скверна позволила, видимо сочла, что моя отработка закончена. Там я и стала собирать информацию об Ангеле с двойным усилением... Хорошо питалась, накапливала силы, по ночам тренировалась до седьмого пота, расспрашивала всех, кого только можно, оплачивая не только полученную информацию, но и молчание. А ещё... я начинала себя ненавидеть. Каждый бесконечно долгий день и часа не проходило, чтобы я не думала о Кристине. Пока я отсиживалась, с ней могло происходить, что угодно... Мне было тошно от себя.

И я знала одно — мне не попасть в Ангел без помощи. Мне не прорваться туда и уж точно не спасти Кристину в одиночку. Мне нужен был кто-то. Кто-то сильный и бесстрашный. И, безусловно, тот, кто согласится помочь. Ведь и о Кресте я узнавала не просто так. По слухам, именно там находился человек, который был у меня в долгу. Человек, который, как я думала, будет обязан помочь мне найти Кристину. Кажется, тогда мой мозг сильно пострадал от стресса, раз я действительно на это рассчитывала. И пусть я нашла его, большое он мне ничего не должен. Чейз уже несколько раз спас мне жизнь. Вот такая вот ирония. Его долг был списан со счетов ещё до моего появления в Кресте.

Глава 14

Кто-то шумел в комнате, и это заставило меня проснуться.

Кира была облачена в белый халат и возилась с медикаментами, разложенными по столу.

За окном было пасмурно, но светло.

Я облизала пересохшие и искусаные в кровь губы и попыталась перевернуться с живота на бок. Голова разлетелась на тысячи острых осколков одновременно с тем месивом, в которое превратили мою спину. О да, Кира была права, вот она — настоящая боль!

— Доброе утро, — не оборачиваясь, поздоровалась Кира.

— Ты что, вообще не спишь? — просипела едва слышно, приказывая себе терпеть боль — не стонать.

Кира измученно улыбнулась. Выглядела она по-прежнему неважно.

— Не в такое время, как это... — Подошла к моей кровати с железной кружкой в руках. — Сама выпьешь, или помочь?

Я протянула руку и сумела сделать пару глотков воды:

— Я думала, это что-то типа обезболивающего...

— Жаль тебя разочаровывать, но обезболивающих больше не будет. Твой лимит исчерпан. Придётся терпеть. — Она выглядела почти сочувственно. — В полдень обработаю и перевяжу раны, дам противовоспалительное и если понадобится жаропонижающее. Травма плеча всё ещё плохо сказывается на организме, а тут ещё и эти... раны.

Я, наконец, смогла улечься на бок, крехтя и постанывая:

— И как надолго я здесь?

— Ты мне скажи, — Кира вскинула брови. — Насколько ты здесь?

— Опять играем в доктора? Чего ты добиваешься?

Кира вздохнула:

— Просто здесь мало медработников.

Я хмыкнула:

— О, поверь, я не собираюсь пополнять ваши самоотверженные ряды.

Кира продолжала многозначительно взирать на меня своими тёмными глазами из-под круглых очков. Сейчас она выглядела на лет тридцать.

— Нет, — повторила я, — можешь забыть.

— Хорошо. — Она пожала плечами и вернулась к столу с медикаментами. — Будешь какое-то время находиться здесь. Постельный режим и таблетки по расписанию, хотя на тебя их выдали исключительно мало, так как ты не житель Креста. Когда восстановишься, Совет будет думать, что с тобой делать дальше.

— Где я вообще нахожусь? — Господи, какой же хриплый у меня голос.

— В медицинском корпусе сектора обороны.

— М-м... в секторе Дакира?

— Ты бы хотела оказаться в секторе Блейка? — Кира бросила на меня взгляд через плечо.

Я вздохнула:

— Не уверена, что вообще хотела бы находиться в Кресте.

— Да, ты теперь занимаешь вторую строчку в рейтинге популярных новостей. На первом месте оказались твари. Это их третье появление за год. Что весьма неплохо. Слышала, в других городах это происходит намного чаще. Так что поздравляю, ты почти на вершине хит-парада.

— Второе место не так уж плохо. Жаль у меня не зелёная кожа, тогда я бы потребовала пересчитать голоса.

Кира присела на край стола и криво улыбнулась:

— Я смотрю тебе до сих пор палец в рот не клади, а?

— Не уверена. — Я облизала распухшие губы, покрытые тонкой коркой, и недоумевающе нахмурила брови.

— Я сняла её, — ответила на мой взгляд Кира, — твою побрякушку с губы. Она на ней малость не помещалась.

— Не забудь вернуть. — Я прикрыла глаза. — Значит, на втором месте, говоришь?

— Да. Ты и Чейз.

Я резко распахнула глаза, и взгляд магическим образом упал именно на мой рюкзак у стены. Кожаная куртка и рубашка лежали рядом. Те, которые я сняла прежде, чем получила трёхголовой плетью.

Кира заметила моё замешательство.

— Да, это твоё барахлишко. Чейз принёс.

Я непонимающе уставилась на женщину.

— Что? — хмыкнула та. — И тебя тоже он принёс.

Это я помнила. Помнила, что он в очередной раз спас мою задницу. Но вещи... Он что, подобрал с помоста мои шмотки... и принёс их... сюда? Да ну! Бред!

— Ты выглядела даже хуже, чем просто ужасно. — Кира закивала головой. — Чейз с головы до ног был в твоей крови. И знаешь что, на него это совсем не похоже.

— Что именно? — Я пыталась говорить безразлично.

— Ну... как бы тебе сказать... Обычно он не занимается доставкой раненых в медицинский корпус. Обычно он до конца находится в эпицентре событий.

— Он... опять помог мне. — Это действительно пахло бредом!

— Да, знаю. Верёвку тоже он прострелил.

— По приказу Дакира!

Кира усмехнулась:

— Да, но Чейзу их редко отдают, потому что он редко их выполняет. И Дакир прекрасно знает об этом.

Я разглядывала большое жёлтое пятно на потолке, пытаюсь осмыслить услышанное. Здесь определённо был какой-то подвох. Дакир меня защищает, Чейз меня постоянно спасает и не похоже, что по доброте душевной. Что не так с этими двумя?..

— Не прожги глазами потолок, он итак старый.

— Когда он пришёл в город? — спросила я.

— Кто?

— Чейз.

Брови Киры приподнялись:

— А с чего ты взяла, что он пришёл в Крест?

Чёрт.

— Не знаю, слышала где-то... — отмахнулась я.

Кира долго молчала, сверля меня задумчивым взглядом.

— Ты знала его раньше? — не без интереса спросила она.

— Нет.

— Точно?

— Да, я его точно не знала раньше!

— Тогда...

— Забудь, ладно? Просто забудь.

Кира выдержала паузу и, вдохнув, заговорила:

— Забыть? Ладно. Тогда я не стану ничего тебе рассказывать о его прошлом.

«А много знаешь, что ли?»

— Хорошо, тогда просто скажи в роли кого он здесь, в Кресте?

Глаза Киры вновь сузились:

— Ты запала на него что ли?

— Спятила?!

— Тогда почему продолжаешь о нём спрашивать? Любишь плохишей?

— Я не рассматриваю его в таком качестве.

— Не понимаю, — Кира поднялась со стола и шагнула ко мне, — ты до жути странная девка, в курсе?

— Да, кажется, говорил кто-то.

Кира криво улыбнулась:

— Похоже, что это были ещё не все неприятности на твою задницу.

— Так кто он здесь?

Кира беззвучно выругалась, явно не довольная данным разговором. Затем коротко вздохнула и быстро протараторила, закатив глаза:

— Он командир пятого отряда. Ещё он в составе управления сектором обороны, помогает Дакиру. Больше я ничего не знаю, у них там свои дела и вообще... я не из этого

сектора.

— Тогда почему ты здесь?

Кира раздражённо фыркнула, всплеснув руками:

— Работаю вообще-то!

После того, как Кира ушла я так и не смогла больше уснуть. В голове было слишком много мыслей, мне нужно было придумать новый план. Каждый новый день всё больше и больше отдалял меня от Кристины.

Прожигала глазами потолок, смиренно терпя боль, затем перевернулась обратно на правый бок и закрыла глаза. Перед закрытыми веками тут же нарисовалось грозное лицо Чейза, и я не спешила его прогонять.

Похоже, мне всё-таки нравятся плохиши...

Спустя три дня я возненавидела эту палату всей душой и особенно эту скрипучую кровать. А также возненавидела своё никудышное тело, которое постоянно болело! Постоянно! То там, то тут. Я больше не могла лежать, но сидеть мне позволялось не много. Меня всё ещё лихорадило — воспаление в организме не желало отпустить, поэтому Кира требовала от меня постоянного постельного режима.

Я изучила каждую трещинку в потолке, каждую царапину и неровность на пошарпанном линолеуме. На выкрашенные в грязно-белый цвет стены вообще не могла смотреть. И мне даже не с кем было поговорить. Я сходила с ума.

Кира была единственным моим регулярным посетителем. Она делала мне перевязки и обрабатывала раны какой-то заживляющей мазью из прозрачной банки. Мазь пахла растениями и, судя по всему, её производили в Кресте, потому что она была единственным медикаментом, которого на меня не жалели.

Трижды в день Кира приносила еду. Кашу, хлеб, суп, иногда кое-что из консервов и даже мясо. В общем, еда, кажется, единственное, чего на меня не жалели. И скорее всего, это было прописано в правилах — кормить больных на убой. А я и не отказывалась. С чего ради?

Так что я была очень удивлена, когда вечером третьего дня моего заточения, в палате показался Дакир. Выглядел уставшим, даже измучанным. Под карими глазами виднелись припухлости, словно он не спал с самого нападения тварей, но он был вежлив. Как всегда.

Коротко рассказал мне о том, что я итак уже узнала от Киры. Что я на его попечении, что Блейку до меня нет дела и так далее. Также он сказал, что сейчас в городе творится полная неразбериха, люди напуганы, а все силы сектора обороны брошены на укрепление оснований стен с внешней стороны.

Дакир сидел на шатком стуле с облупившейся краской, уперев локти в колени, и казался абсолютно выпотрошенным.

— Прости, что не мог зайти к тебе раньше, — вздохнул он, — дел сейчас невпроворот. Но Кира регулярно докладывает о твоём состоянии моему помощнику, а тот мне. Так что я в курсе, что дела твои стали значительно лучше.

— Помощнику? — Это было единственным, что я выделила из всей речи.

— Чейзу.

Хмыкнула.

— Это тот парень, что стрелял в меня?

Дакир усмехнулся:

— Ты ведь знаешь, куда он стрелял.

— Знаю. — Я опустила глаза, рассматривая идиотский узор на линолеуме. —

Спасибо... Что помогли мне.

— За что ты благодаришь? — Дакир выпрямил спину и провёл рукой по блестящей лысине. — Мы не успели. Ты получила два удара.

— Но два — не пять, — криво улыбнулась, стараясь сильно не растягивать заживающие губы.

— Да, не пять, — грустно повторил Дакир. — Не понимаю, как сам не сообразил. Мы уже собирались ехать на твоё наказание, когда Чейза вдруг осенило, и он как бешеный стал листать кодекс.

Я нахмурилась:

— Что?

— Ха. Верить, или нет, но именно Чейз был тем, кто вспомнил о главе про чужаков в нашем кодексе. Хотя, если честно, я был уверен, что он вообще его не читал. Нам как бы редко приходится иметь дело с наказаниями для чужаков. Обычно они... м-м-м... мирные, что ли. Так что никому на ум и не пришла эта статья о неприкосновенности.

Я не могла в это поверить:

— Значит...

— Да, значит, это благодаря Чейзу ты не получила все пять ударов. Я лишь отдал приказ прострелить верёвку, потому что мы не успели к началу. И мне действительно жаль... что мы опоздали.

— Понятно. — Я не знала, что ещё сказать, поэтому с большим интересом рассматривала костяшки своих пальцев. Слишком противоречивые чувства я испытывала, ведя разговор о Чейзе.

— Он спас меня и от тварей тоже, — взглянула в уставшие глаза Дакира. Тот смотрел на меня изучающе, даже с подозрением. — Что?

Дакир дёрнул плечами и сложил руки на груди:

— Ты даже более человечна, чем я думал.

— В каком смысле?

— Ты умеешь быть благодарной.

Я с абсурдом усмехнулась:

— С чего взял?

— О, поверь, на твоём лице всё прекрасно написано.

Неловко поправила повязку, на которой висела моя рука и решила перевести тему:

— Так что со мной будет?

— Не знаю. Тебе решать, — Дакир пожал плечами. — Пока что ты должна выздороветь, а потом... а потом посмотрим. Если решишь остаться в Кресте — добро пожаловать. Ты можешь даже остаться в секторе обороны. Судя по всему, ты владеешь неплохим набором боевых качеств. Или можешь отправиться в научно-исследовательский сектор, там живут медики.

Я закатила глаза:

— Кира. Я же сказала ей...

— Поговорим об этом, когда полностью восстановишься, хорошо? — Дакир поднялся на ноги.

— Ладно, — вздохнула я. — Значит, я могу рассчитывать получить экскурсию по Кресту?

— Я самолично её проведу, как только Кира разрешит покидать тебе палату.

— О-о... значит, это случится в следующей жизни!

Дакир негромко рассмеялся:

— Обещаю, я посвящу тебя во все дела Креста, как только ты встанешь на ноги и как только решишь у нас остаться. Но даже если не решишь, какую-нибудь экскурсию я всё же организую. Как бонус.

Он улыбнулся, легонько хлопнул меня по здоровому плечу и, велел отдыхать, вышел из палаты.

И я снова отдыхала. Как же достало.

Глава 15

Дни тянулись безумно медленно. Как полуживая улитка, ползущая вверх по стволу дерева. Видимо Кира сжалилась надо мной, поэтому и стала посещать чаще. На седьмой день даже притащила стопку старых журналов и обломок карандаша, на случай если мне станет настолько скучно, что я надумаю порешать кроссворды для стариканов. Пожалуй, даже эта идея сейчас казалась заманчивой.

Плечо болело меньше, даже жар отступил благодаря тому, что оно наконец-таки обрело покой. Но раны на спине горели беспощадным пламенем. Хотя, как заверила Кира, благодаря мази кровоточить они стали гораздо меньше.

На десятый день мне разрешили немного пройтись. В пределах крохотной палаты. По правде говоря, я уже давно меряла её шагами, но для Киры сделала вид, что благодарна ей за такую потрясающую возможность.

На мне были огромные штаны из мешковины, которые искололи все ноги, и не менее огромная футболка, очевидно когда-то принадлежавшая какому-то безумно толстому человеку. В рюкзаке лежала другая одежда — моя, но пока что я не видела смысла в её переодеваться. Я была до безумия грязной! Чувствовала себя отвратительно, мне срочно нужен был душ и кусок мыла! Но даже без Киры прекрасно знала, что раны мочить нельзя. Поэтому пришлось обходиться мокрой тряпкой и мыльным раствором.

Кира нравилась мне всё больше. И хоть не в моих принципах заводить друзей, она определённо могла стать первой, кто это изменит. Мне было легко с ней разговаривать. На любые темы. И она никогда не расспрашивала о моём прошлом и тем более о метке. Мы вообще не говорили про Скалу. Единственное, что она не упустила из внимания, это толстый шрам в моём паху.

— Смотрю, тебе пришлось несладко, — сказала Кира во время одной из перевязок. — Рана была глубокой. Много крови потеряла?

— Вроде бы много. Чёрт его знает. — Не люблю эту тему, но Кира не станет глубоко копать. — Меня ударили ножом, а я даже не заметила, прикинь? Выбиралась из одного бедлама, а какой-то мужик тычет в меня пальцем, ржёт и кричит: «Детка, да ты кровью истекаешь!» Это было... м-м... неожиданно, что ли.

Кира внимательно взгляделась мне в лицо, и я знала, о чём она думает. На каком же высоком счету я должна была быть у Скверны, раз они соизволили провести настолько сложную операцию, а не просто махнули рукой?..

Я должна была быть очень привилегированной шлюхой, принадлежавшей одному из

главных. Нет, всем меченым Скверна, понятное дело, предоставляла медицинские услуги в отличие от обычных женщин, вот только на то время хирург у банды был всего один, и берегли его как зеницу ока. Так что даже не все меченые и не всегда могли рассчитывать на его помощь. В общем-то, метка и ставилась для того, чтобы в хирургическом вмешательстве не возникло необходимости. Но меня это стороной не обошло. И дочери бывшего предводителя Скверны её немедленно предоставили.

— Тебе повезло, — хмурясь, сказала Кира. — Рану даже зашили.

— Да, — безразлично кивнула я. — Зашили.

Её зашил хирург хирургической ниткой. Всё, как положено. И только потому, что на мне была метка. И только потому, что они чтити законы, а Завир перед смертью велел им присматривать за мной. Вот так вот Завир опять меня выручил.

Это случилось тогда, когда я спустила собак. Тогда, когда убили Панду. Тогда, когда я спасла жизнь Койоту. Я собиралась уходить, но видимо кто-то решил воспользоваться шумихой и украсть коробку с барахлом — валютой. Ведь именно я была букмекером. Думаю, что именно тогда это и произошло. Помню, как почувствовала сильный удар в бок, но меня отовсюду толкали, и я не придавала этому значения. Пока не увидела кровь. Ещё успела доплести ноги до головорезов Скверны, показать метку и сказать, что я дочь Завира. После чего потеряла сознание.

Доктор, что зашивал рану спустя три дня сказал, что ещё немного и я бы умерла. Кровопотеря была огромной; мочевой не пострадал, но вот матка была задета, что означало лишь одно — я никогда не смогу иметь детей. В общем-то, я и не собиралась. Надо быть извергом, чтобы обрекать маленького ребёнка на существование в таком мире. Я точно не была на такое способна, так что данное известие не произвело на меня должного впечатления. Скверна терпеливо дождалась пока я встану на ноги и выпроводила вон.

— Джей, — позвала Кира, внимательно глядясь мне в лицо. — Я хочу, чтобы ты знала: если вдруг тебе нужно будет с кем-нибудь поговорить... Поговорить на более серьёзные темы, я выслушаю тебя и не стану осуждать, кем бы ты там не оказалась. Даже будь ты женой этого главного бандитского кретина.

Кира усмехнулась. Она даже не подозревала насколько была близка к истине.

— А шрам у тебя и вправду страшный, — добавила, вернувшись к перевязке. — Я-то знаю... я была патологоанатомом и имею представление, как выглядят такие ножевые ранения, когда они ещё свежие.

Три дня спустя моё терпение лопнуло. Я напялила на ноги свои пошарпанные ботинки и выскользнула из палаты в коридор. Сейчас утро, но в коридоре мрачно и почти ничего не видно. Вдали на стене горел факел; двинулась в его направлении.

Не знаю, что рассчитывала там найти, или увидеть, потому что вообще ничего не нашла и не увидела. Только косточки размяла. Зашагала обратно, когда из-за одной из дверей услышала грохот, и это заставило меня остановиться. За этой дверью кто-то был. И совершенно не понимая, что делаю, я открыла её и вошла в точно такую же палату, как у меня.

«Конечно же, это ведь больничное крыло! Здесь лежат и другие больные. А ты не знала, Джей?»

Только обстановка была другой. Ровно под окном находилась широкая кровать с высоким деревянным изголовьем. А на кровати сидел мальчик лет десяти и смотрел на меня большими удивлёнными глазами. Длинные растрёпанные волосы чёрным вихрем обрамляли

лицо, падая на глаза рваными прядями. Кожа была бледнее цвета его простыни. Под большими зелёными глазами пролегли тёмные круги, а аккуратные губки сливались с цветом кожей.

— Эм-м, привет, — поздоровалась неуверенно, всё ещё стоя на пороге.

— Привет, — ошарашенно протянул мальчик, не моргая. — Дверь закроешь?

— А, да. — Захлопнула за собой дверь и наткнулась взглядом на стеллажи, занимающую всю правую стену. Снизу доверху они были завалены различными приборами, банками с разного цвета жидкостью, коробочками с непонятно чем и пузырьками с лекарствами.

Неуверенно шагнула вперёд.

— Ты... один здесь? — Единственное, что пришло на ум.

Мальчик озадаченно улыбнулся, разглядывая меня с ног до головы.

— Классный прикид, — опустил уголки губ, закивал он.

— Спасибо, мне тоже нравится.

Губы мальчика растянулись во всё ещё удивлённой улыбке. У него так редко бывают посетители?

— Ты по соседству что ли? — спросил он.

— Ага. Типа того.

— Или врёшь? Кира никого не выпускает из палат, некоторых даже запирает.

— Не выпускает, — я пожалала плечами. — Она просто не в курсе.

— А-а... — Мальчик задорно усмехнулся. — Нарушительница!

Я тоже улыбнулась:

— Ты ведь не сдашь меня?

— Смотря, что мне за это будет.

Я притворно сузила глаза:

— Шантажом занимаешься?

— Редко. Обычно я принимаю более радикальные меры.

— И какие же?

— М-м... — Мальчик возвёл глаза к потолку и почесал подбородок. — Как насчёт смертельной щекотки?

— О, ты владеешь такой сложной техникой сражений?

— Это ещё цветочки!

— Я почему-то не сомневаюсь.

О Боже, я смеюсь. Кажется, я спятила.

— Садись, — мальчик весело указал на стул возле кровати.

Приблизилась, заметив на полу толстую и очевидно очень тяжёлую книгу.

— Так вот что это был за грохот? Кидаешься книгами по... эм-м... искусству?

— Она просто упала! — Мальчик выхватил её из моих рук. — Я не кидаюсь книгами.

Аккуратно уселась на стул, так чтобы причинить спине, как можно меньше неудобств.

— Значит, любишь искусство?

Мальчик пожал плечами и отложил книгу в сторону:

— Наверное.

— Ясно.

— Меня кстати Ронни зовут.

— Джей.

Никогда в жизни я никому так просто не говорила своё имя. Но в этом парнишке было что-то сверх располагающее. Или это я просто не знала, что с детьми говорить намного проще, чем со взрослыми. С Кристиной-то у нас не сильно большая разница в возрасте.

— Джей, — повторил Ронни так, словно что-то припоминая. — Никогда не слышал о тебе. Ты новенькая?

— Ну... не совсем. Я всё ещё... чужачка, так вы нас называете?

— И почему ты здесь?

— Получила плетью по спине.

Глаза Ронни резко расширились:

— Да ладно! Так это ты! Вот это да! Ты даже не вскрикнула! А тебя ведь сам здоровяк Лари бил! Это ведь ты, да? Ты?

— Похоже на то... — промямлила невнятно и отвела взгляд. Было бы чем гордиться.

— Вау, ну ты крутая.

— Сомневаюсь, раз лежу в больничном крыле, — невесело усмехнулась.

— Надо было тебе раньше ко мне зайти! — Ронни поёрзал в кровати. — Слышал, ты прямо при всех выставила Блейка полным придурком?

— Кажется, моя слава бежит впереди меня.

— Хотел бы я это слышать!

— Блейк полный придурок.

— И кретин.

Я сощурилась:

— Твои родители разрешают тебе ругаться?

— А у меня нет родителей, — просто пожал плечами Ронни. — И посетителей, если бы такие вдруг нашлись, ко мне бы не пустили, так что... я рад, что ты оказалась нарушительницей и заглянула.

Я искренне улыбнулась. Мне стало его жаль.

— Если хочешь, завтра я могу снова стать нарушительницей и навестить тебя ещё раз.

— Правда? — Глаза Ронни на радостях заблестели, и он подался вперёд. — Ты не шутишь?!

Господи... неужели этому ребёнку настолько одиноко? Сколько он здесь лежит?.. И что с ним вообще такое случилось?

— Конечно! — заверила с большим энтузиазмом, чем собиралась. — Я бы даже прихватила с собой торт, или фрукты, но, к сожалению, Кира, не разрешает есть сладости и постоянно пичкает одной кашей.

Ронни рассмеялся.

— Думаешь, она где-то его прячет? Торт.

— Почти уверена, что где-то в этом здании, — заговорчески прошептала я, приблизившись. — Как думаешь, если мы её свяжем и применим твой коронный приём смертельной щекотки, она выдаст нам его местонахождение?

Ронни сощурился, изображая серьёзный вид:

— Я найду верёвку.

— Договорились. Тогда...

Закончить речь я не успела. Дверь палаты распахнулась и на пороге показался высокий, идеально сложенный мальчик его Чейз. Какое-то мгновение взгляд его холодных глаз выражал замешательство, но уже через секунду наполнился такой дикой яростью, что мне захотелось

превратиться в пыль.

— О-оу... — протянул Ронни, и я поняла, что попала.

Чейз захлопнул за собой дверь, так что стены задрожали, и проревел во всю глотку:

— Что ты здесь делаешь?!! — И это совсем не напоминало шум волн.

Я поднялась на ноги, бесстрашно глядя в перекошенное от гнева лицо Чейза. Его кулаки сжимались, желваки бегали по скулам. Ну, точно — он готов убить меня.

Да что я такого сделала вообще?!

Резко приблизился и угрожающе зашипел мне в лицо:

— Что. Ты. Здесь. Делаешь?!

— Ничего, — я пожала плечами. — Мы всего лишь обсуждали план по нейтрализации Киры.

Глаза Чейза прищурились, обнаружив тоненькие морщинки. Думал, что напугает меня? Нет. Реально думал, что мне страшно?! П-ф-ф... После того, как на мою спину два раза обрушился «товарняк»? Да это просто смешно!

Устало вздохнула, прикрыв глаза, и произнесла с абсолютным спокойствием:

— Хорошо. Я проходила мимо, решила заглянуть за эту дверь и обнаружила здесь этого забавного парнишку. Всё?

Ноздри Чейза раздувались, как парашюты, а челюсти... чёрт, кажется, я слышу, как они скрипят.

— Пошла вон, — прошипел он сквозь зубы.

Ни один мускул в моём теле не дёрнулся.

— Оглохла? Я сказал: УБИРАЙСЯ!

— Чейз... — послышался умоляющий голос Ронни. — Не надо... она... она классная!

Чейз выстрелил гневным взглядом в мальчика и его глаза внезапно... потеплели?! Мне не показалось?!

— Ронни...

— Чейз! Я уже не маленький! — воскликнул Ронни, сжимая кулаки, его глаза вот-вот были готовы взорваться слезами. — Я могу сам выбирать себе друзей!

— Но не её! — рявкнул Чейз, ткнув в меня пальцем, как во что-то заразное. Или гнилое. Илидохлое. Не суть.

— А что со мной не так?! — возмутилась я раньше Ронни.

- {Что?} — переспросил Чейз, с омерзением выплюнув это слово. — Ты ходячая катастрофа!

— О... а у мистера-я-такой-крутой-что-ни-с-кем-не-разговариваю сегодня игривое настроение? Заметь, ты говоришь со мной уже дольше десяти секунд.

— Вы знакомы? — в голосе Ронни прозвучала надежда.

Повернулась к нему и сменила гнев на милость:

— Да, Ронни, но мы очень, очень далеко от того, чтобы стать друзьями.

Чейз одним резким движением отшвырнул меня к стене, так что я приложилась спиной о стеллажи и поспешно прикусила губу, чтобы не застонать от боли.

Вот кретин...

— Чейз! — Ронни буквально вопил от несправедливости. Он даже вскочил с кровати. Чейз одним ловким движением уложил его обратно и взлохматил мальчишке волосы. Сейчас он выглядел... заботливым? — Ты ведь знаешь, что тебе нельзя вставать. Знаешь? Так что даже не пытайся, парень.

— Но так нельзя! — Из глаз Ронни брызнули слёзы. — Из-за тебя она ударилась спиной! Ты что, не знаешь, что у неё со спиной?

Чейз снисходительно вздохнул, протянул к Ронни руку и вытер слёзы с его щёк. Мальчик с силой оттолкнул его.

— Я не маленький! Ты достал уже! Мне ничего нельзя! Ты всё запрещаешь! Я уже сам с собой говорить начинаю, потому что ты даже представить не можешь как здесь паршиво! Быть одному...

О Боже... Как же я сразу не заметила? Лицо Ронни... Глаза и волосы, его губы... Быть не может! Провались я на этом месте! Ронни маленькая копия Чейза! Они братья!

Чейз стрельнул в меня убийственным взглядом, наверняка проклиная за то, что из-за меня его больной брат плачет, затем снова взглянул на Ронни и заговорил невероятно мягко. Нет. Его голос просто не может звучать настолько мягко. Это из мира фантастики!

— Ты ведь знаешь, что совсем скоро отсюда выйдешь, правда?

Слушала, не моргая.

— Я позабочусь об этом, Ронни, обещаю. Но пока, — он провёл рукой по его волосам, — ты должен быть классным парнем, который не распускает нюни и знает, что нужно всего лишь немного подождать и можно будет заводить столько друзей, сколько захочешь.

— Но я не хочу кучу друзей! — протестовал Ронни. — Что в Джей не так?

— В Джей?

Он только что произнёс моё имя. Нет. Меня не должно это волновать. Он придурок. Причём с больной психикой.

Чейз бросил на меня хмурый взгляд, очевидно намекающий о том, что как только мы с ним окажется за пределами палаты я труп.

— Ты не должен с ней дружить.

— Но почему?! — Ронни снова плакал. — Она... Джей мне понравилась. С ней весело.

Взгляд Чейза снова пригвоздил меня к стенке.

— О да, это точно, — сердито пропыхтел он. — С ней безумно весело. Даже слишком!

Ронни не понял сарказма и слабо улыбнулся.

— Поговорим об этом потом, ладно? — Чейз напоследок взъерошил волосы брата. — Я найду позже. И надеюсь, что к этому времени ты вновь станешь классным парнем, а классные парни, кстати, не плачут, вообще.

— Почти не разговаривают и убивают взглядом, судя по всему, — прошептала себе под нос.

— Что?!

— Что? Ничего. Погода говорю классная.

Чейз схватил меня за локоть и буквально выволок из палаты Ронни.

Я отшвырнула от себя его руку и с силой толкнула в грудь.

— Отвали от меня!

Но вместо этого Чейз резко схватил меня за правое предплечье и с силой толкнул к холодной стенке, так что я больно врезалась в неё лопатками и выпустила изо рта тихий стон. Я оказалась зажата — так сильно он прижимал меня, лишая всякой возможности шевелиться. И я, конечно, могла ответить ему тем же, если бы сильно постаралась, но что-то подсказывало, что сейчас не стоит этого делать.

Он снова пах дождём, мылом, и чуть-чуть потом. Кажется, от этого запаха у меня

закружилась голова. Но моё лицо говорило совсем другое — я смотрела на него с вызовом.

— Ещё раз я увижу тебя рядом с его палатой, даю слово, заканчивать отпуск ты будешь в больничном корпусе сектора Блейка! — Голос Чейза звучал угрожающе. — А уж он точно позаботится о том, чтобы за тобой следили лучшим образом.

— Плевать я хотела на твои угрозы, — бросила я ему в лицо.

Он был так близко, что трение между нашими телами даже могло показаться неприличным. Он был так близко, что я могла разглядеть каждую тоненькую морщинку с боку от его прищуренных глаз, каждую родинку: одна над правой бровью, другая — побольше, — чуть ближе к виску. Моё сознание без моего согласия пыталось запечатлеть в памяти каждую его чёрточку. Мой мозг шёл в абсолютный разлад с чувствами.

Желваки снова бегали по его челюсти. Губы превратились в бледную полоску.

Вздыхнула. Ну ладно, пора кончать с этим.

— Я всего лишь составила Ронни компанию. Курить и пьянствовать не учила, не совращала, против тебя не настраивала. — Сдула с лица прядь волос и продолжила: — И я понятия не имела, что он твой брат. Знаешь, а вы ведь полные противоположности! Поразительно, как такое возможно при таком внешнем сходстве. Он вроде бы хороший малый, а ты в свою очередь... даже не знаю, какое название тебе лучше подобрать.

Чейз вдавливал меня в стену и взглядом и телом, одной рукой заламывая мою здоровую руку, а вторую прижимая к горлу.

— Я не повторяю дважды, — прорычал он. — Этот раз последний, когда я разговариваю с тобой подобным образом. Не приближайся к Ронни. Я не хочу, чтобы ты снова, когда-либо, стала причиной его слёз.

Я горько усмехнулась:

— Шутишь? Мне кажется всё совсем наоборот, Чейз. Причиной его слёз стал как раз таки ты, а не я. Со мной он улыбался. Честно.

Он надавил мне на шею ещё сильнее, так что я с трудом сдержалась, чтобы не закашляться. Его зрачки бегали с сумасшедшей скоростью, глаза были широко распахнуты. Сейчас этот парень был зол по-настоящему. И вот, когда я уже думала, что он меня задушит, хватка резко ослабла и рука опустилась, позволив мне вдохнуть полной грудью.

Уверена, теперь будут новые синяки.

Чейз не отступал. По-прежнему вжимал меня в стену, только уже без особого упорства.

— Не знаю зачем, но я скажу тебе. Возможно, надеюсь, что в тебе проснётся хотя бы капля благорассудства. — Он медленно выдохнул, и моё тело тут же среагировало, пропустив сквозь себя волну жара, а потом сказал, очень тихо, даже печально: — Ронни болен. Очень серьёзно. Возможно даже смертельно. И я не хочу, чтобы такая как ты нарушала его спокойствие. Поэтому я больше не хочу когда-либо видеть тебя рядом с ним. Больше никогда не появляйся у него на глазах. — И ещё тише добавил: — Прощу.

Сглотнула. Меня била мелкая дрожь, а в ногах появилась внезапная слабость. Только я не собиралась соглашаться с Чейзом. Потому что он не прав! Абсолютно не прав!

Печально усмехнулась.

Брови Чейза сдвинулись в недоумении.

— Ты идиот! И судя по всему, законченный!

Лицо Чейза застыло.

— Что? — смеялась я. — Не понимаешь? Твой брат возможно смертельно болен, а ты отстраняешь его от людей? Совсем спятил? — Я с абсурдом покачала головой. — А жить

ему когда?! Когда заводить друзей? Когда веселиться и смеяться? Это таким как мы с тобой может быть плевать на всё это, но он... он ребёнок! Ты лишаешь его детства! Посмотри, как он был счастлив из-за того, что я всего лишь перебросилась с ним парочкой шуток. Он даже взял с меня слово, что я загляну завтра! А ты... ты... — мне хотелось оскорбить его, как можно сильнее, но я сдержалась, — ты делаешь его и без того тяжёлую жизнь ещё хуже. Почему ему нельзя со мной видаться? Что во мне такого ужасного?

Лицо Чейза было так близко, что в тусклом свете факела и с этим каменным выражением казалось не живым. И я не могла понять, что происходит с его глазами. В них будто мелькали картинки. Словно он что-то осмысливал и сам не мог понять, что чувствует. Жар от его тела в тех местах, где оно соприкасалось с моим заставлял кожу покрываться мурашками, пропуская разряды тока. Нет, моё тело определённо не правильно на него реагирует. Совершенно, катастрофически не правильно! Мозг кричал — он придурок! Полный придурок, но моё сердце предавало меня.

— Такая как ты не может иметь друзей, — наконец сказал он полушёпотом, так что его дыхание зацекотало нос. — Они тебе просто не нужны. Ты сама по себе. Так было и так будет. Ты дикая... и неправильная. Ты поломанная. Тебя ничто не изменит. И никто не изменит. Ты жестокая и неукротимая. И я не хочу, чтобы такой человек как ты был рядом с моим братом. Ты опасна.

— Такая же, как и ты, да?

Чейз замолчал и я не знаю, сколько длилось это молчание, потому что я потеряла счёт времени, а затем тихо произнёс:

— Да, ты такая же, как и я. Только я умею это контролировать и наступать себе на горло, а ты нет.

Он не отпускал меня. Не отстранялся. Словно ждал, что я снова начну протестовать, но на этот раз я не собиралась. Потому что это была правда. Я была такой. И Чейз знал, какая я. Я несправима. Неправильная и неукротимая. Если он сумел заставить себя подчиняться чьим-то правилам, наступив на собственное горло, то я никогда не смогу этого сделать. Я лучше умру. Только вот моя поломка теперь кажется мне сущим пустяком по сравнению с поломкой Чейза.

Я не знаю, как могла такое допустить, но моя правая рука будто бы действовала сама по себе и я даже не заметила, как она протиснулась между нашими телами и легла на твёрдую тёплую грудь Чейза.

Его зрачки расширились, а лицо пришло в замешательство. Наверное, он думал, что я собираюсь оттолкнуть его. Я тоже так думала, но почему-то не делала этого. Воздух между нами начинал весить тонну. В кончиках пальцев покалывало, а по телу бежала неизвестная мне дрожь.

Моя ладонь, повинувшись странным инстинктам медленно скользила по его груди, поднимаясь к ключице. Я не ведала, что творю. Меня будто подменили. Это была не я!

Дыхание Чейза стало тяжёлым и резким, он явно не ожидал такого поворота, но кажется, не сильно ему противился. Может быть из-за замешательства... И по крайней мере до тех пор, пока моя ладонь не оказалась на его напряженной шее... Кожа была на удивление мягкой и влажной, и безумно горячей. Или это у меня снова жар? Я смотрела ему в глаза, провела кончиками пальцев по подбородку и... и тут он схватил меня за запястье.

Следующие секунды показались вечностью. Одна часть меня кричала, что он ударит, другая... другая хотела совершенно противоположного. Моё тело полностью предало меня.

Чейз опустил мою руку вниз, резко и безжалостно, затем отстранился с совершенно беспристрастным видом. Отпустил моё запястье и, больше не сказав ни слова, зашагал по коридору.

— Если мы так похожи, то получается что и тебе нельзя быть рядом с Ронни! — крикнула я ему в спину.

На секунду Чейз остановился. И даже не поворачивая головы серьёзно произнёс:

— Возможно.

А через несколько секунд его спина скрылась за поворотом.

Глава 16

На следующий день Кира почтила меня своим присутствием ближе к обеду. Поставила на стол тарелку с рисовой кашей, куском хлеба и варёным яйцом, и принялась за перевязку.

— Ты выглядишь... гораздо лучше, — воодушевлённо заметила я. Сегодня Кира была при параде: идеально уложенные в высокую причёску волосы, розовая помада на губах, что нынче роскошь, а тёмно-карие глаза подведены чем-то дымчато-чёрным.

Она хитро улыбнулась.

— Хм. Кто он? — изогнула бровь я.

— Не понимаю о чём ты.

— А, ну конечно. Для меня значит расфуфырилась? Я и забыла, сейчас ведь косметика на каждом шагу валяется.

Кира фыркнула и принялась разматывать мои бинты.

— Ну, а ты? — спросила она. — Ничего не хочешь рассказать?

— Даже не знаю с чего начать. У меня тут столько всего интересного происходит. Ты знала, что под кроватью в углу живёт замечательная семья пауков?

— Не знала. Зато знаю, что кто-кто вчера совал нос в палату к одному очень больному мальчику.

Чейз. Ну ты и трепло.

— Понятия не имею, кто это был.

Кира с неодобрением взглянула мне в лицо:

— Ронни мне рассказал.

А, Ронни.

— И что он сказал?

Кира ещё недолго буравила меня подкрашенными глазами и вернулась к перевязке:

— Просил, чтобы я уговорила Чейза, чтобы тот разрешил вам с Ронни видеться. Но ты понимаешь, что я не собираюсь этого делать. Мне моя жизнь всё ещё дорога. И чтоб ты знала — ты со своей тоже можешь попрощаться, если этот мистер-я-такой-крутой увидит тебя рядом со своим братом.

— Уже увидел.

— Что? — пискнула Кира, уставившись мне в лицо. — И ты... ещё жива? Стой, даже переломов нет?

— Нет. — Я пожала плечами. — Хотя на шее кажется, вылезла парочка синяков.

— А ну-ка покажи! — Кира подняла мою голову за подбородок. — Он что, душил тебя?!

— Нет, — я убрала её руку, — скорее хотел припугнуть.

— Неплохо припугнул! У тебя на шее просто шикарный синюшный ошейник!

Я злобно прищурилась.

Кира всплеснула руками:

— Ну ладно-ладно! Парочка пятен всё же есть.

— Всего-то парочка.

— Не поняла. Ты что, оправдываешь его? Я б не стала! Он сегодня в столовой такое зрелище устроил, что лично у меня сомнений не осталось — с этим парнем точно не всё в порядке! Возможно его мозг другой формы, или вообще отсутствует.

— Что он устроил?

— Да пошли они оба к чёрту! — Кира раздражённо вздохнула. — Сегодня за в столовой завтраком... Тут все едят в одно время, знаешь ли, так что даже Его Величеству Чейзу приходится туда ходить, если он не хочет умереть с голоду. Я тоже там была. И точно не знаю, что произошло. Разве Чейз расскажет? Ага, как же! Вроде как Брей что-то сказал ему а Чейз в ответ решил из него дурь выбить. Ну и завязалась драка. Их быстро разняли, но в итоге Брея всё равно унесли на носилках, а Чейз ушёл на двух своих. Прямо в кабинет Дакира. Знаешь, сколько я с ним провозилась? С Бреем. Если бы не ещё один врач из научно-исследовательского сектора я бы вообще на него плюнула! Полдня бы на него пришлось угробить. А так, пусть с ним другие возятся, у меня и без того дел по горло.

Я даже не знала, нужно ли этому удивляться? Да, Чейз боец, но это ведь Крест!

— Его теперь накажут? — спросила натянутым голосом.

Кира смазывала раны мазью и вроде как была не сильно увлечена разговором, чтобы заметить насколько сильно меня это волнует.

— Кого? Чейза? Дакир накажет. Точнее уже наказал. Вроде бы он будет патрулировать Крест четырнадцать дней подряд по ночам, плюс работа днём и минимум часов на сон.

— Ладно... но причём здесь мой поход к Ронни?

— А при том, что на протяжении трёх лет он ни разу не ударил никого из своих. Как бы сильно его не пытались вывести из себя. Его многие здесь не любят, знаешь ли, за то, что Дакир к нему относится... м-м... как к сыну, что ли. Да и характер у него прямо сказать — отстойный. И видимо Брей сказал что-то умопомрачительно гадкое, раз Чейз пошёл против своих же принципов. Я же говорила, в тихом омуте...

— А как же субординация? — перебила я. — Думала, остальные должны относиться к нему с уважением, как к Дакиру.

Кира хихикнула:

— Ты думаешь Чейз единственный помощник Дакира? Тут нет званий Джей, это всё в прошлом. У Дакира просто есть люди входящие в комитет управления сектором обороны вот и всё, в него входит много таких же, как Чейз. Брей тоже там. Или был... там.

Она снова усмехнулась. А у меня по телу пробежала дрожь.

— Он умрёт?

— О Боже, Джей! — Кира громко рассмеялась. — Что с тобой? С каких пор тебя волнует нечто подобное? Я думала ты непробиваемая. Что это за эмоции у тебя на лице?

Просто если Брей умрёт, то Чейзу это с рук точно не спустят. А почему меня это волнует, я пока не поняла.

— Да не умрёт он, расслабься, — вздохнула Кира. — С чего это ты вообще за Чейза переживаешь? Что между вами?

— В каком смысле? — Я прищурилась. — Каждый раз, когда его вижу, он либо спасает мне жизнь, либо пытается меня её лишить. Либо вообще со мной не разговаривает. Что между нами может быть?

— Не знаю. Но на твоём месте я бы больше не ходила к мальчику. — Кира закончила перевязывать спину и наклонилась ко мне ближе. — Хотя лично моё профессиональное мнение: Ронни это пошло бы на пользу. Я имею в виду, что изоляция плохо на нём сказывается.

Через час я была в палате у Ронни. По правде говоря, мне тяжело далось это решение. До того, как Кира навестила меня сегодня утром, я не собиралась к нему идти. И не потому, что так сказал мне Чейз. На его мнение мне по большому счёту до лампочки. Дело было во мне. И в Кристине. Я ужасный человек. И ещё худший друг. Я клялась ей, что она всегда будет под моей защитой, но не сдержала слово. Уже больше двух лет её нет рядом, а я, по правде говоря, ничего толком и не сделала, чтобы её найти. Всё строила планы, получала информацию, но по существу — ничего.

Я эгоистка. Отсиживаюсь здесь, зализываю раны, питаюсь три раза в день и отлёживаю бока на кровати. А сейчас вот ещё и решила подружиться с больным мальчиком, к которому испытала давно забытое чувство жалости. Наверное, в этом вся я. Я оказалась слишком равнодушной к детям. И в первом моём опыте результат привязанности к ребёнку имел плачевные последствия. Ненавижу себя за то, что до сих пор ничего не знаю о Кристине. Даже не знаю, жива ли она. Вера в то, что она цела и невредима — единственное, что у меня остаётся. Я даже не уверена, простит ли она меня, когда я её найду. Если найду...

Я плохой человек. Потому что мой визит к Ронни, также был совершён ещё и по личным мотивам. Мне было тесно и душно в своей палате. Мне было здесь невыносимо. Мне нужно было что-то сделать, чтобы отвлечься от мыслей и от всепоглощающего чувствавины перед Кристиной. Мне нужно было сбежать от себя самой. И я пошла к Ронни.

Он был рад. Его глаза в прямом смысле слова засияли. Интересно, глаза Чейза, так похоже на глаза младшего брата, умеют сиять также искренне?..

— Не может быть! Чейз разрешил! Да? Разрешил прийти тебе?

— Вообще-то, нет. — Закрыла за собой дверь и села на стул возле кровати Ронни.

Мальчик стал выглядеть тревожно, поэтому я поспешила натянуть на лицо улыбку и заверила его, что всё нормально.

— Он убьёт тебя, — Ронни покачал головой и уставился на свои руки. — Он никому не позволяет меня навещать. Кроме врачей.

— Я не боюсь его.

— Что? Его все боятся!

Я тихо рассмеялась:

— А я не боюсь.

— И зря.

— Может быть, — пожала плечами, — но знаешь, что? Если бы твой брат хотел убить меня, то не спасал бы целых четыре раза.

Факт!

— Да ну! — Глаза Ронни вспыхнули любопытством. — Не врешь? Он столько раз спасал тебя?!

— Ну... типа того.

Я рассказала Ронни, как Чейз подобрал меня на мотоцикле, в Де-мойне. О том,

какотташил от меня парня, оседлавшего меня на суде; кажется, его зовут Тайлер. О том, как выстрелил в верёвку, а затем спас от тварей. С ума сойти. Мне самой в это сложно поверить. Даже если последние три раза были приказом Дакира, то, что случилось в Де-мойне, он сделал по собственной инициативе!

На лице Ронни читалась гордость за брата. Несомненно, он его любит, а значит, Чейз хороший брат. Во что тоже верилось с трудом.

А потом Ронни просто сказал:

— У меня астма. И кажется последней стадии развития. Знаешь что это такое?

Да. Имею представление и даже больше, чем хотелось бы.

Горло болезненно сжалось, но я не подала вида и коротко кивнула. Астма вполне излечиваемое заболевание, если конечно у вас есть необходимые лекарства для полного курса базисной терапии, а также не меньше лекарств на случаи приступов удушья. Не говоря уже о различных физиотерапевтических процедурах и прочей комплексной терапии. Сомневаюсь, что даже Крест располагает таким набором необходимых препаратов, ведь астма это не простуда, которая пройдёт через неделю. Это серьёзное заболевание, требующее не менее серьёзного подхода; требующее очень большое количество лекарств. Теперь понятно, почему этот мальчик сидит в изоляции — даже простая пыль может спровоцировать приступ. А если у него ещё и одна из последних стадий...

— Чейз говорит, что скоро найдёт лекарство, которое полностью меня вылечит.

В таком случае Чейзу нужно очень сильно постараться.

— Конечно, найдёт. — Я хмыкнула. — Он ведь классный парень, да? Такой же, как ты.

Ронни лучезарно улыбнулся:

— Да, мой брат классный. Иногда. Точнее в основном. А иногда он невыносимый. Как вчера, когда увидел тебя здесь.

Теперь-то я понимала, почему Чейз взбесился. Новые запахи для Ронни могли сыграть плохую шутку. Наверняка эту палату убирают несколько раз в день, дезинфицируют. Если бы зашла к нему в пыльной одежде сомневаюсь, что его лёгким это понравилось бы.

Волоски на руках встали дыбом от одной мысли, кем я могла вчера оказаться для этого мальчика. Я могла вызвать новый приступ. Хорошо, что моя огромная пижама была выстирана два дня назад кем-то по поручению Киры, и хорошо, что волосы стянуты в тугий пучок, и хорошо... в общем, хорошо, что я оказалась для Ронни не опасной.

Огляделась. И вправду: полы натёрты до блеска, шторы окна не предусматривают, вместо них покошенные металлические жалюзи, все лекарства и приборы в стеллаже за стеклом... И даже постельное бельё Ронни... Кажется вчера оно было белым, а сегодня синее. За ним отлично присматривают. Это хорошо. Понятно, почему Кира перед уходом оставила мне длинный медицинский халат, который пах... вообще ничем не пах. Она не сказала мне, чем болен Ронни, но всё предусмотрела для моего похода к нему.

— Знаешь, это довольно паршиво, — грустно сказал Ронни. — Мне кажется, я бы смог сделать много чего полезного для Креста, если бы только не был вынужден вечно валяться в этой кровати.

— Уверена в этом, — мягко улыбнулась. — Ничего, ещё наверстаешь упущенное.

Следующие несколько часов мы обсуждали с Ронни всё что угодно, кроме его болезни и Конца света. По моим подсчётам он был ещё младенцем, когда всё это случилось. Ронни было чуть больше двенадцати, хотя внешне ему можно было дать не больше десяти. Я не стала спрашивать, как он попал в Крест и где их с Чейзом родители. О том, как ему

удалось выжить и вырасти в те времена. Ведь Крест появился далеко не сразу.

Мы обсуждали его книги по искусству. Рассматривали картинки с живописью, которые когда-то кто-то рисовал. Я рассказала ему про Индию, в которой успела побывать вместе с родителями, до того, как мир развалился на части. Мне тогда было шесть. Я мало чего помню, но, кажется, Ронни и этого хватило. Мальчик хотел знать всё о том, каким была прежняя жизнь прежних людей. Его глаза горели, когда он рассказывал мне про египетские пирамиды, о которых прочитал в одной из книг. И он казался... таким здоровым.

Мне нравилось сидеть с ним и говорить о том, что для нынешнего мира является историей. Мы смеялись, перекидывались шутками и просто весело проводили время. И это казалось... таким нормальным.

Внезапно мне стало плохо. Голова закружилась и наполнилась воспоминаниями о Кристине. Когда-то мы точно также сидели в нашей крохотной комнате в общежитии для служащих в бойцовском клубе, вели пустые разговоры, смеялись и ели то, что мне удавалось раздобыть. Однажды я принесла упаковку чёрствого печенья. Надо было видеть её глаза... Мы едва не поломали зубы, но это было весело: то, как мы пытались его разгрызть и насладиться вкусом.

Кажется... тогда я была почти счастлива.

Укол совести ощутился настолько сильно, что я поморщилась, с силой зажмурилась глазами.

— Эй, всё в порядке? — голос Ронни звучал взволновано.

Только этого не хватало — напугать его.

— Да, — открыла глаза и измученно улыбнулась, — спина разболелась.

— А, — кажется Ронни не поверил, но подыграл, — понятно. Кира говорит, тебя скоро выпишут.

— И справку выдадут?

Ронни рассмеялся:

— Она сказала, тебя переведут в крыло, где живёт пятый отряд. Дакир может поселить тебя только в казармах без согласования с Блейком.

Я сдвинула брови.

— Тебе дадут отдельную комнату, — добавил Ронни. — Не бойся, пятый отряд намного лучше первых четырёх.

— Да что ты! — Я подозрительно сузила глаза. Кажется, я догадываюсь, почему Ронни так считает. — Чейз в пятом отряде. — И это не было вопросом.

— Ага. — Ронни широко улыбнулся, почёсывая нос.

— Мило. — Аккуратно откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

Интересно, Чейз в курсе, кто будет жить с ним по соседству?..

— Эм, Джей...

— М?

— Мне кажется, тебе пора уходить. — Голос Ронни звучал неловко.

Я преувеличенно вскинула брови:

— Это ещё почему? Я только собиралась рассказать тебе, кто такие люди-Х, у меня было много комиксов.

Глаза Ронни загорелись, как две яркие звёздочки, но тут же потухли, одновременно со скрипом двери.

Чейз стоял на пороге. Под его правым глазом красовался фингал, на переносицу был наклеен белый пластырь, а на сжатых кулаках виднелись подсохшие ссадины —

последствия от драки в столовой. Однако выражение на его побитом лице не изменилось. Прямо сейчас он убивал меня взглядом, протыкал насквозь и втапывал в пол одновременно. На нём чёрный свитер и джинсы, волосы влажные. Думаю, от него снова пахнет дождём. Наверное, он ходит в душ перед каждым визитом к брату и одевает чистую одежду...

Тяжело вздохнула, едва удержавшись от того, чтобы не закатить глаза. Ну вот, скоро снова придётся выяснять отношения.

— Чейз... — испуганно начал Ронни и я тут же вложила его вспотевшую ладонь в свою и мягко улыбнулась.

— Ронни, всё в порядке, хорошо? Ничего плохого не случилось и не случится, я обещаю. Ронни был всё также напряжён, его глаза наполнялись влагой.

— Эй, — я легонько щёлкнула его по носу, — ты в курсе, что был такой парень, кажется его звали Питер Паркер... Так вот, он был обычным тихим ботаном, но однажды его укусил паук и с ним начало твориться чёрте что! Тебе интересно? — Ронни не расслаблялся. — У него появилась сверхспособность: он начал ползать по стенам и стрелять паутиной.

— Да ладно... — Ронни тихо выдохнул, слёзы высохли в его глазах. — И что... что было с ним потом?

— Потом про него сняли несколько фильмов. Я, правда, не все смотрела, комиксы мне больше нравились.

— Блин... — Ронни почесал затылок. — Интересно, удастся найти хотя бы один такой? Может они где-нибудь сохранились?

— Конечно, сохранились. Я могу как-нибудь поискать... если хочешь.

Лицо Ронни просияло:

— Честно? Для меня?

— И для себя тоже. Комиксы, это ведь тоже своего рода искусство! Уверена, они бы тебе понравились.

Украдкой посмотрела на Чейза — и с места не сдвинулся. И всё также уничтожает меня взглядом.

Сказала Ронни, что зайду завтра и направилась к двери. Чейз всё это время не сводил с меня своего глазного прицела.

— Если сейчас попытаешься схватить меня и вышвырнуть за дверь на глазах у своего брата, будешь законченным ублюдком, — прошептала едва слышно.

Вены на его шее вздулись, но он всё же сделал шаг в бок, позволил мне выскользнуть за дверь, да и сам не поленился выйти следом.

Хмуро уставилась на него:

— И что дальше? Опять впечатаеть меня в стену?

— С трудом удерживаю себя от этого.

— О, как страшно!

С внушительным видом, Чейз сложил руки на груди и сделал большой шаг в мою сторону. И, кажется, его взгляд стал менее свирепым. Возможно, на этот раз отбиваться и не придётся.

— Что? — смотрела с вызовом.

— Он рассказал? — Лицо Чейза было непроницаемым.

— Рассказал. — Я была спокойна. — Не бойся, я ему подыграла.

Лоб Чейза нахмурился.

— В том, что ты найдёшь чудо-лекарство, которое вылечит его болезнь раз и навсегда.

Его челюсти напряглись.

— Тебе не кажется, что это не честно? — поинтересовалась я. — Он уже не младенец. И не хуже нас с тобой осведомлен в каком мире приходится жить. Лекарства, что ему нужны, сейчас не валяются на каждом шагу. Лекарства в принципе скоро исчезнут, потому что это не хлеб, который можно научиться печь за один день. Ронни нужна серьёзная терапия.

Чейз сделал ещё шаг ко мне и злобно процедил сквозь зубы:

— Не твоё. Собачье. Дело.

Я игриво вскинула брови:

— Хорошо, что не моё. Не хотелось бы мне потом видеть его лицо, когда он узнает, что всемогущий Чейз не способен вылечить его болезнь за один день двумя таблетками аспирина!

На этот раз морщинки на лбу Чейза разгладились, он опустил руки по швам, но продолжал смотреть на меня, точно я его враг № 1.

— Это мои проблемы, — спустя долгую паузу, произнёс он. — Если ты ещё собираешься к нему ходить, то держи язык за зубами. И потрудись, — он оглядел меня придирчивым взглядом с головы до ног, — чтобы на тебе не было лишней грязи.

— Ты только что выдал мне разрешение? Наверное, нужно сказать спасибо.

— Это временное разрешение. Как только свалишь из Креста, я объясню Ронни, кто ты такая. Он не будет по тебе скучать.

В искреннем удивлении мои брови вздёрнулись. Тело напряглось.

— И кто же я такая? — издала короткий злой смешок.

— Мы вчера это обсуждали. — Чейз был равнодушен.

— Вчера ты не это имел в виду. — Сделала шаг вперёд, сжимая кулаки. — Сейчас ты говоришь про мою татуировку?

— Мне плевать на неё.

— Тогда о чём ты?! — О Боже, как же хочется съездить ему по роже!

Чейз приблизился ко мне вплотную и слегка склонил голову на бок, глядя изучающе.

— Ты абсолютно не умеешь себя контролировать. — Лёгкий намёк на улыбку появился на его ярких губах.

И да, он прав, и это ещё больше приводит в бешенство. И причём здесь Ронни вообще? Как на нём это скажется?

— Смотри-ка, а ведь мы и в этом оказались не такие уж и разные, а, Чейз? — Я кивнула на его фингал под глазом. — Нервишки сдают? Самоконтроль дал трещину?

Желваки забегали по его скулам, а я улыбнулась шире:

— Если моя ярость всегда вырывается наружу, то кому-то постоянно приходится ею давиться. Даже сейчас. И я даже не знаю, что хуже. Что случилось в столовой? Идеальный контролирующий себя Чейз не сдержал эмоций? Впечатляет.

— Меня не интересует твоё мнение.

— Сомневаюсь. Ты стал неприлично много со мной разговаривать.

— И это не доставляет мне никакого удовольствия.

— Тогда что доставляет? — Зря я это сказала.

Глаза Чейза недобро блеснули:

— Твои услуги меня не интересуют.

Мрачный коридор вздрогнул от громкого хлопка — я залепила Чейзу пощёчину. Как

последняя слабачка, которая не знает слова «драка». Я ведь могла продемонстрировать ему свой отменный хук справа, могла попытаться ударить в живот, ну или хотя бы в пах. Но нет, я дала ему пощёчину! ПОЩЁЧИНУ! И я уверена — он мог бы избежать удара, но не стал этого делать и, кажется, его голова весит тонну, потому что она почти не сдвинулась с места. Никакой реакции. Зато моя ладонь пылает огнём.

Я. Дала. Ему. Пощёчину.

Я!

Какой стыд...

И он ничего не стал делать в ответ. Ещё недолго прожигал меня глазами, в которых почему-то не было привычной ярости, а затем просто сказал:

— Иди за мной. — И зашагал прочь.

Ненавижу его.

— Зачем ты привёл меня в мою же палату? — накинулась я на Чейза, как только переступила порог. — Мне не девяносто лет, я и сама могла найти дорогу!

Чейз подпёр боком стену и с раздражённым видом сложил руки на груди. На правой щеке горело большое красное пятно. И мне чертовски нравилось смотреть на это пятно!

— Мне нужна карта, — сухо сказал он, точнее почти приказал.

— Что? — а я вот с абсурдом выдохнула.

— Дакиру нужна твоя карта. — Чейз устало провёл ладонью по лицу. — Я видел её в твоём рюкзаке.

— И с какой стати я должна давать её {тебе}?

Чейз выстрелил в меня своим коронный убийственным взглядом:

— Прямо сейчас я сам могу забрать её из твоего рюкзака, уйти и перестать наконец травиться твоим присутствием. Но Дакир... он попросил одолжить её у тебя на время.

— И послал за этим {тебя}, - констатировала я. — Это тоже входит в отработку наказания? Кажется, ты становишься проблемным парнем.

Чейз откинул затылок на стену и шумно выдохнул:

— Меня уже тошнит от тебя.

— Это очень мило. И я бы даже сказала: взаимно. Но заметь, это ты припёрся в мою палату и это ты отравляешь в ней воздух. Так что будь добр, свали, мне нужно проветрить.

Плюхнулась на кровать и тут же пожалела об этом — спину точно тисками сдавило. Прикусила губу, сдерживая стон, и почувствовала на языке вкус металла от вернувшегося на место колечка.

Чейз тяжело и протяжно вздохнул, подхватил с пола рюкзак и принялся выворачивать его содержимое на пол.

— Если бы у меня был пистолет, я бы пустила тебе пулю в затылок, — проскрипела сквозь зубы, следя за его действиями.

— Хорошо, что я его у тебя забрал.

— Когда-нибудь я его верну.

Чейз подобрал сложенный вчетверо, пожелтевший кусок бумаги и выпрямился. И кажется, мне уже во второй раз мерещится, что уголки его губ приподнимаются в улыбке, в то время, когда глаза уничтожают всё вокруг. Сумасшедший парадокс.

Тоже поднялась, не собираясь сдавать позиций:

— Я хочу видеть Дакира.

— Рад за тебя.

— Отведи меня к нему!

Чейз уже был на пути к выходу, но всё же остановился и повернул голову. Волосы упали на глаза, и я не видела, что творится в них сейчас.

— До завтрашнего вечера тебе не разрешено покидать это крыло.

— А потом? Ты придёшь за мной и проводишь в новую комнату? — выплюнула, в усмешке дёрнув плечами. — Ты вообще в курсе, что меня распределили в блок пятого отряда?

Чейз развернулся ко мне всем телом, и я ничего не могла прочитать по его лицу. Его грудь напряглась, натянув чёрный свитер, на руках надулись вены.

— Чушь! — рявкнул он.

Ого! А мы-то и не знали, оказывается.

— Не думаю. Хотя данная перспектива нравится мне не больше твоего.

Ещё одна долгая пауза.

— Сомневаюсь, — выплюнул Чейз и вихрем вылетел из палаты.

Глава 17

Вечера следующего дня я ждала, как Рождества лет пятнадцать назад. Днём Кира сделала перевязку, провела инструктаж касательно того, что мне можно, а что нельзя (того что можно было скудно мало), рассказала, куда приходить к ней для дальнейшей обработки ран и, пожелав удачи, выпорхнула за дверь.

Санта, то есть Чейз, явился по мою душу, едва осеннее солнце окрасило небо в цвет заката. И не то чтобы я ждала конкретно его появления, я ждала освобождения из этой палаты. Заточение сказывалось на мне ужасным образом, кажется, я даже отупела! Мне срочно нужна была смена обстановки и свежий воздух.

Чейз был одет всё в тот же чёрный обтягивающий рельефы тела свитер, тёмно-синие потёртые джинсы с дырами на коленях и в большие военные ботинки. Его волосы были влажными и растрёпанными и, Несмотря на то, что он полный кретин, мне это безумно нравилось. Но вот кислая мина на его каменном лице так и умоляла врезать по ней. И я бы с удовольствием оказала ему эту услугу, если бы последствием сия действия не стало бы моё очередное заключение в этой палате со сломанным позвоночником.

— Пошли! — рявкнул он.

О да! Сегодня настроение этого красавчика просто сносит крышу!

— Обожаю, когда ты такой милашка. — И всё же не сдержалась.

Ноздри Чейза раздулись.

— Сегодня не лучший день, чтоб рисковать жизнью, — прорычал он.

Я застегнула молнию на рюкзаке, взяла за шлейки и поднялась с кровати.

— А твои шутки так воодушевляют! — Улыбнулась так широко, как только могла. — Прошу вас, надзиратель, проводите меня в мою новую камеру.

Чейз взглянул из-под бровей:

— Дакир ждёт. Иди за мной.

Он вышел из палаты так быстро, что я не успела ляпнуть ещё какую-нибудь гадость,

поэтому просто попёрлась следом.

Чейз вёл меня в штаб. Побывать там у меня ещё не было возможности, но, если честно, я туда и не собиралась. И почему меня вообще ведут в штаб? Разве это не должно быть какое-то крутое сверхсекретное место, куда допускаются лишь самые доверенные лица?.. Моё лицо определённо не подходит под этот критерий. И всё-таки Дакир очень странный.

Если моя палата, как я недавно узнала, находилась в старом четырёхэтажном здании школы, ставшем больничным корпусом сектора обороны, то местонахождением штаба служило бывшее здание банка.

Уверена, попасть в него можно было и просто пройдясь по улице, но Чейз повёл меня через длинный, мрачный коридор, освещая дорогу керосиновой лампой. Этот проход напоминал узкий каменный наземный тоннель. Я видела его из окна палаты. Кира сказала, что такие тоннели были выстроены между всеми крупными зданиями в Кресте, для того, чтобы при атаке тварей можно было добраться до соседнего сектора способом исключаящим передвижение по улицам. Входы во все тоннели были закрыты, а ключ находился у ответственного за определённый участок сектора. Видимо ответственным за этот участок был Чейз. И, кажется, он просто продолжает измываться надо мной, раз повёл через тоннель, не позволив набрать полную грудь свежего, по нынешним меркам, воздуха.

Из того что я ещё узнала от Киры? Крест был расстроен на месте какого-то маленького городка сельского типа, некоторые здания оставили нетронутыми, некоторые перестроили, используя их же материал. А если взглянуть на Крест с высоты птичьего полёта, то площадь, на которой я получала незабываемые удары плетью, является центральной точкой, от которой в стороны расходятся четыре широкие дороги, разделяя город на четыре сектора, тем самым напоминая крест. В одном из этих секторов я сейчас собственно и нахожусь. Больше из Киры ничего вытянуть не удалось. Да и вообще, даже эта скудная информация пока что не имела права просачиваться в мои уши. Так что т-с-с, это секрет.

В бывшем здании банка было тихо и на первый взгляд ни души.

Это точно штаб?..

Красное солнце окрашивало белые стены в грязно-розовый. Пошарпанный плиточный пол был отполирован до блеска. Подпёртый толстыми колоннами потолок напоминал форму купола и был утыкан круглыми окошками.

— Сюда, — гаркнул Чейз и повёл меня по широкой винтовой лестнице с блестящим металлическим поручнем.

Неужели когда-то я сравнивала его голос с шумом волн?.. Ох, нет. Забудьте! Это голос бродячего пса с последней стадией бешенства!

Прошли по широкому коридору и остановились напротив высокой деревянной двери.

Чейз дважды постучал (Ух ты!) и вошёл внутрь.

Последняя фраза, что долетела до моих ушей, прежде чем люди замолчали, была:

— Их посылка в этом квартале слишком странная, Дакир, и ты не можешь этого отрицать.

Это сказала высокая длинноногая женщина лет тридцати пяти, может моложе. Длинные волосы цвета первого снега была завязаны в тугий хвост на затылке. Голубые глаза с длинными ресницами смотрели оценивающе. Наряд из чёрной кожи настолько плотно обтягивал стройное тело, что казалось, вот-вот лопнет по швам. Я видела её раньше: на суде, на вынесении приговора и на площади. Она из Совета. Управляющая одним из секторов. Раньше я не обращала на неё внимания, потому что она либо вообще не смотрела в мою

сторону, либо смотрела, но со скукой в глазах. А сейчас... сейчас я её явно интересовала, только вот наверняка не совсем в положительном смысле.

— Здравствуй, Джей, — приветливо улыбнулся Дакир. — Рад тебя видеть.

Не помню, что промычала в ответ, потому что была занята разглядыванием помещения. Вот это место действительно напоминало штаб: с пола до потолка были развешаны карты разной степени потрёпанности, фотографии и бумажки с пометками. На круглом, слегка покосившемся столе, навалена кипа бумаг, папок и различных канцелярских принадлежностей. У дальней стены возвышался массивный шкаф с закрытыми дверками, а напротив — большой, кое-где залатанный, кожаный диван. Больше ничего рассмотреть не успела.

— Дакир, мы ещё не договорили, — вполне себе спокойно, произнесла женщина, грациозно присев на край стола. — Пусть подождёт за дверью.

— Продолжим наш разговор потом, Марлин, — улыбнулся ей Дакир. — Нужно собрать информацию и отправить разведгруппу, пока мы этого не сделаем, мои руки связаны.

Марлин перевела тяжёлый взгляд с Дакира на меня, и обратно.

— С каких пор ты треплешься при чужаках? — пропела она.

Я напряглась, в общем-то, потому что и меня это тоже интересовало. Почему он треплется при чужаках?

Сбоку раздался шумный вздох.

А-а... этот придурок ещё здесь.

— Я могу идти? — протянул Чейз.

— Нет, останься, — ответил Дакир и коротко кивнул Марлин, давая понять, что та свободна.

Женщина, с грацией кошки, проплыла мимо меня, на секунду задержалась возле Чейза, что-то шепнула ему на ухо, подмигнула и хлопнула дверью с обратной стороны.

Вот ни хрена ж себе. Что между ними?

— Джей, — вторгся в моё сознание голос Дакира; он держал в руках тоненький блокнот. — Здесь записи Киры о твоём состоянии. Ты идёшь на поправку. Как спина, часто беспокоит?

— Что я здесь делаю? — я не собиралась милашничать и благодарить за то, что тратят на меня своё драгоценное время. Я собиралась свалить из Креста и очень скоро.

— Присядь, — Дакир указал на диван.

Сложила руки на груди и сузила глаза.

«Ну хватит!»

— Говори прямо, Дакир, что тебе от меня надо?

— Тебе сказали сесть, — раздался голос Чейза, он пронзал меня насквозь двумя зелёными лазерными прицелами.

Терпеливо вздохнула, возведя глаза к потолку:

— А ты сам-то приказы часто выполняешь?

— Я — не ты!

Круто развернула к нему голову:

— И тебе крупно повезло! Ты лишён такой проблемы, как например поиск тампонов раз в месяц.

Оу, непробиваемого пробило? Уголок рта Чейза дёрнулся в улыбке, но быстро вернулся на место.

— Мне очень хочется обсудить это подольше, Джей, — вмешался Дакир, — но, лучше тебе обсудить это с Кирой, она точно сможет решить твою проблему. А сейчас, к сожалению, есть проблемы и посерьёзней.

— И чем {я} могу помочь?

Дакир сделал шаг вперёд и тяжело вздохнул:

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне о Скале всё что знаешь. Особое внимание уделив информации о Скверне и о её новом предводителе.

Я медлила с ответом, глядя на Дакира с подозрением. И всё-таки, что связывает Крест с этим тухлым городом — моим бывшим домом?

— Зачем тебе это?

Дакир выдержал паузу, затем опустился на край стола и, опустив плечи, сложил руки на груди. Лицо выглядело настолько усталым, словно он и вовсе забыл, что такое сон.

— Я сказал тебе неправду, Джей. Подкопа не было, — низким голосом произнёс он и смолк, точно ожидая от меня бурную реакцию.

Я даже в лице не поменялась.

Дакир с пониманием кивнул и продолжил монолог:

— В стене с внешней стороны, кем-то был найден изъян — слабое место. Этот кто-то, заснул туда взрывчатку, и там образовалась небольшая дыра, вполне подходящая тварям по размерам. Найти такой изъян в стене мог только тот, кто знает в этом толк, кто-нибудь вроде архитектора. Не спорю — твари умны, но это уже слишком. — Дакир провёл рукой по лицу. — Мы прикрыли дыру ширмой, пока её не залатали, а людям сказали, что был совершён подкоп. Хорошо, что не многие знают, насколько глубоко под землю уходят стены.

Я хмыкнула:

— Крутые же у вас стены. А эта железная паутина сверху донизу на внешней стороне... мне, почему-то кажется, что по ней очень удобно лазить.

— Эта железная паутина, как ты говоришь, летом проводит ток в 70 миллиампер. Зимой и осенью она не так смертельна, но всё же лучше её не трогать, если не хочешь поджариться. Ты, конечно же, можешь попробовать по ней... {полазить}, если желание столь велико, но я бы очень не советовал. Несколько тварей задело защиту, их тела мы нашли в том же кустарнике, они ещё дышали, пришлось самим их нейтрализовать.

Ну нихрена ж себе! Вот тебе и паутинка. Только я всё равно кое-чего не понимаю...

— Разве ты имеешь право мне об этом рассказывать? — скептически поинтересовалась. — Я не житель Креста. Я посторонняя. У тебя из-за этого не будет проблем с Блейком?

Дакир выждал паузу. Сегодня он выглядел не только устал, но ещё и встревоженно.

— До сегодняшнего дня я не планировал тебе об этом рассказывать, — строго произнёс он. — Надеялся, что ты всё же решишь остаться в Кресте и только тогда ввести тебя в курс дела. Но обстоятельства сложились иначе, мы больше не можем ждать. Что-то происходит. И это что-то, или кто-то, заставляет тварей нападать на нас.

— Заставляет? — Я с силой потёрла лоб. — Хорошо, и кто, по-твоему? Скверна?.. В Скале, Крест — миф. Слухов о нём полно, но никто из банд до нас так и не дошёл.

Уголок рта Дакира дёрнулся в улыбке:

— Мы не город-призрак, Джей. И найти нас проще простого.

— Что ты имеешь в виду? — Я напряглась. — На разведку несколько раз отправляли группы из Скверны и прочих банд, и они всегда возвращались почти в полном составе с

докладом о том, что ничего кроме сотен тысяч тварей не нашли.

- {Почти в полном составе}, - с нажимом повторил Дакир.

Мои брови полезли на лоб. Неужели...

— Так в Скверне... есть твои люди?

— Есть, и не мало, — Дакир кивнул и поднялся на ноги. — В группах, которые отправляются на разведку, всегда находятся наши люди. У них есть указания на этот случай. Они избавляются от «лишних» и возвращаются с ложной информацией. А если отправляют группы без наших шпионов и они всё же доходят до Креста, то у наших снайперов появляется работа. И с остальными городами дела обстоят также.

Что вынуждает их скрываться, мне не надо было объяснять. Если Крест объявит о себе в открытую, как город в котором сохранилась относительная цивилизация, где есть еда, жильё, медицинская помощь и прочие прелести, а ещё, как город, где нет сдачи крови, можно считать дни до того момента пока Крест не превратится в воспоминание. Все ринутся сюда! Тогда этот город станет очередной Скалой, или попросту развалится на части. Другого не дано.

— Представь себе купол, Джей, — продолжал Дакир, внимательно глядя мне в глаза. — Пик — самая вершина купола, — это Крест, а все остальные города, это стены и фундамент. Под нашим управлением находятся двадцать четыре города. По возможности контролируем каждый, следим за их делами, только не вмешиваемся до тех пор, пока это не становится необходимым. Мы не мешаем этим городам существовать и развиваться, как независимым ячейкам общества, но также следим за тем, чтобы это развитие не переходило границы. Уже в десяти городах из двадцати четырёх надзирателями, ну или предводителями банд, потому что банды новый писк моды, стали наши люди. Они меняют городской порядок, создавая более благоприятные условия для существования. А знаешь, какое количество детей мы уже вывезли из городов, вроде Скалы?.. Больше четырёх сотен.

Спасение детей — благое дело, но клянусь, я не знаю, что меня так рассмешило! Я едва себя сдерживала!

— Так это что, Крест новое подпольное правительство что ли? — поинтересовалась, давась смехом. — А ваша пресловутая четвёрка делит президентское кресло?

— Можешь называть это так, — глаза Дакира были всё также добры. — Наша цель — превратить все города, что нам известны в подобие Креста. Поменять их порядок жизни, поменять условия и напомнить, что такое человечность. Только сделать это медленно, не пугая людей, потому что они уже забыли, что это такое. Мы все должны сплотиться. Только когда люди сплотятся и будут идти к одной цели, появится шанс обрести хотя бы малую часть того, что все мы потеряли.

— Ты красиво говоришь, Дакир, только мне нет до всего этого дела. — Я усмехнулась. Я не стану лицемерить. — Мне плевать, как вы всё это организовали, как внедрили в банды шпионов, как прибрали города к своим рукам и прочее и прочее... Мне до лампочки. Зачем ты вообще всё это рассказываешь?

Дакир слегка сузил глаза:

— Разве ты не хочешь сделать мир лучше?

— Что? — Теперь я смеялась в открытую. Наверное, со стороны можно было подумать, что я спятила. Но с чего этот мужик вообще взял, что я этого хочу?!

— Когда ты во мне это увидел? — смеялась я. — О Боже, Дакир, мне конечно приятно, что ты обо мне такого мнения, что с первых дней мне помогаешь, не выставляешь за ворота с

ранами на спине и так далее. Но нет! Нет, нет, нет! Всё чего я хочу, это чтобы грёбанные раны на спине поскорее затянулись, и я свалила отсюда к, мать его, дьяволу! Потому что у меня есть дела намного важнее тех, чтобы сидеть, подпирать кулаком подбородок и размышлять: как бы прибрать к рукам остальные четырнадцать городов. Как бы это навести в мире порядок, и объединить людей Я не Жанна Дарк, не Иисус спаситель и не Супер-мен. Я — всего лишь я. И мне уже давно плевать, что стало с миром. С самого начала люди могли сплотиться, а не подобно тварям начинать жрать друг друга и превращаться в отребья. Если с самого начала они этого не сделали, то с чего ты взял, что им это нужно теперь?

Я не могла понять, что написано на лице Дакира, он превосходно себя контролировал и был как всегда спокоен. Я хотела увидеть на его лице злость, или разочарование, но ни того, ни другого там не было.

— И куда ты пойдёшь, когда покинешь Крест? Обратю в Скалу? — просто поинтересовался он.

Я выжала паузу и, решив, что всё равно ничего не изменится, скажи я правду, честно ответила:

— Я пойду в Ангел.

Кажется, ни Чейз, ни Дакир не ждали такой новости, или вообще не ожидали услышать честный ответ. Брови Дакира удивлённо приподнялись, а со стороны Чейза донёсся смешок и хриплое бурчание:

— В конец больная.

Какая отличная фарфоровая статуэтка у Дакира на столе. Уверена, она пробьёт отменную дыру в башке этого придурка!

— Этот город мы ещё не контролируем, — наконец сказал Дакир, буравя меня озадаченным взглядом. — Мы вообще мало знаем, что там происходит. Наши люди только недавно внедрили в ряды управления Ангелом, и от них ещё не приходило ни одной посылки.

М-м... так вот о каких посылках говорила блондинка. Посылки — это информация от засланных шпионов.

— Да я как бы об этом и не спрашивала, — отозвалась почти вежливо. — Разберусь на месте.

Повисла пауза. Дакир над чем-то задумавшись, смотрел в пол, словно на нём написаны ответы на интересующие его вопросы, а Чейз, сидя на диване, играл на моих нервах, постоянно щёлкая ручкой.

— Ладно, — я первая нарушила тишину, тяжело и не без раздражения вздохнув. — Что ты хочешь знать о Скале, Дакир? И почему именно о ней?

Дакир оживился, заговорив более воодушевлённо:

— Потому что Скала — самый проблемный город из всех двадцати четырёх. Также, не могу не признать, что этот город не стоит на месте в развитии. У них есть хоть какой-то свод правил, у них есть какое-никакое, но стабильное управление. Скверна хоть и славится своей жестокостью, но она умеет подчинять себе людей, этого у них не отнять. И не важно какими способами они организовали порядок — он у них есть. Однако нам не хватает информации. Этот город может стать существенной проблемой в достижении наших целей. Более того, он может стать существенной угрозой для Креста. Совет опасается, что в Скале пронюхали наше местонахождение. Совет думает, что дыра в стене — дело рук Скверны. Они начали нас выживать по-тихому, начав с самого простого — с использования тварей.

Мои брови невольно сдвинулись:

— Так вот почему меня здесь приняли за врага?

Дакир молчал, но глаз не отводил.

— Поэтому Блейк возненавидел меня? Думали, меня Скверна заслала?!

— Сейчас так уже никто не думает, Джей, — мягко заверил Дакир.

Я усмехнулась:

— И что же сняло с меня подозрения?

Дакир в сотый раз тяжело вздохнул:

— Прости, Джей, я не хочу тебя обидеть, но все знают, как Скверна относится к женщинам и для чего они им нужны. Боюсь, они бы никогда не отправили к нам одну из... они бы не отправили к нам меченую. Это было бы слишком очевидно. Мы все в курсе, что вы даже город добровольно покинуть не можете. А сбежать...

— Да ладно! — я продолжала насмехаться. — А по-моему отличный стратегический ход! Блейк ведь до сих пор не верит в историю про угон мотоцикла?.. Что если Скверна её придумала?

— Хорошо. Тогда скажи мне, — Дакир пристально глядел мне в глаза, — тебя послала Скверна?

— Вот так просто поверишь мне?

Дакир кивнул.

Да что же с ним такое? Разве в Новом мире можно вообще кому-то верить?

Я сдалась и на глубоком вздохе опустила плечи:

— Ладно, ты знаешь, что никакой я не шпион.

Дакирудовлетворённо кивнул:

— Нам нужна информация, Джей. Ты была... их девушкой. Ты знаешь о них больше, чем обычные горожане, твоя метка тому доказательство. У тебя были привилегии, а значит, ты и знаешь больше других.

— А что же твои информаторы? Сдулись?

— Не знаю, — Дакир помотал головой. — Их либо убили, либо перетянули на другую сторону, и они теперь выдают Скверне сведения о Кресте. Либо это всё самая большая паранойя на свете и в их посылке нет ничего сомнительного. И это не Скверна причастна к взрыву в стене.

Я фыркнула:

— Что ж вы за правительство такое, раз отправляете шпионить людей, которые могут перевернуться на другую сторону?

— Мы отправляем лучших из лучших, — уверенно заявил Дакир. — Возможно они где-то прокололись и их пытали. Всё это лишь догадки.

— Лучшие из лучших... прокололись. — С тяжёлым вздохом я рухнула на древний стул у стены и усмехнулась. — Да никто там ничего не знает. Про Крест постоянно трепались, но никто не верил в его существование до конца! И сейчас не верит!

По крайней мере, в то время, когда я была тесно связана с бандой, про Крест точно никто ничего не знал. Или знал... но это было настолько засекречено, что я ни разу не слышала от Завира даже упоминания об этом таинственном городе. Только я не могу сейчас просветить об этом Дакира, потому что Чейз убьёт меня.

— Всё изменилось с пришествием нового предводителя, — сообщил Дакир. — Им должен был стать один из наших людей, но схема сломалась, и выбрали другого. Не знаю,

где в наших указаниях была осечка, но наш кандидат на пост предводителя Скверны больше ни разу не вышел на связь. Это место занял Леон.

Я знала про Леона, именно он занял место Завира, но мне ни разу удалось увидеть его собственными глазами. Я вообще не знаю, откуда этот Леон взялся.

— И сколько ещё будет длиться ваша конспирация? — поинтересовалась я. — Если вы не заявите о себе в открытую, рано, или поздно города всё равно узнают про Крест.

— По-видимому, Скала уже узнала, только эту информацию ещё не донесли до масс.

— Скоро донесут, и что тогда? Вас раздавят. Может и не стоило так напрягаться?

Чейз с грохотом встал на ноги:

— А может, хватит?! Зачем ты ей столько рассказываешь?!

— Да, зачем ты мне столько рассказываешь?

— Потому что хочу, чтобы ты осталась с нами, — без тени сомнения ответил мне Дакир. — И это лучший способ убедить тебя.

Неожиданно честно. Но не очень понятно.

— Так значит, Совет пересмотрел своё мнение на мой счёт? Ему теперь по вкусу меченые, или что? Кто я такая, чтобы ради меня напрягаться?

Дакир резко выпрямился, расправил плечи и заговорил, как кандидат в президенты на дебатах:

— Потому что только вместе мы можем вернуть этому миру нормальное сердцебиение. Вместе мы наведём в городах порядок и вернём людям надежду на лучшее будущее. Вместе мы избавимся от тварей и наконец, разрушим все стены. Мы должны быть едины, тогда мы сделаем это! Это новая эра, Джей и такая как ты нужна ей.

— Не смешно.

— Ты нужна мне, — тихо добавил Дакир. — Потому что я знаю твой секрет.

Глава 18

Первый на ком я сфокусировала размытый взгляд был Чейз. Его лицо как всегда не выражало ничего хорошего. Точнее вообще ничего не выражало — оно было пустым, словно и я сама пустое место. И я уже почти привыкла к этому его фирменному взгляду бездушной скотины.

Дакир попросил его дождаться меня внизу и, закрыв за ним дверь, добро улыбнулся. А я всё гадала: какой из сотни моих секретов ему известен? И откуда?

— Татуировщик, — выждав паузу, произнёс Дакир, прям как то-то по-отцовски, что ли.

— Он был вашим шпионом, — догадалась я.

— И есть до сих пор. — Дакир сделал шаг ко мне. Карие глаза, под которыми пролегли тени, наполняла теплота. — В одной из его посылок были сведения о том, что Завир поставил своей названной дочери метку для её защиты, выделив татуировку одной маленькой особенностью — крохотной звёздочкой на острие полумесяца. Так он хотел тебя выделить. В лишний раз показать, что для него ты особенная. Поэтому и приказал мастеру татуировок её нарисовать. Только так, чтобы она была почти незаметна.

— Но ты заметил, — мой голос был холодным, как сталь. Сурово глядела в лицо Дакира, мысленно предвидя дальнейшие варианты развития событий.

— Заметил. И Кира тоже. Я попросил её не вписывать в отчёт для Совета эту маленькую деталь. Блейк вцепился бы в неё зубами и даже не представляю, чтобы мне пришлось сделать, чтобы он не убил на месте дочку предводителя Скверны. Совет ненавидит Скверну.

— Потому что боится её.

— Потому что они представляют угрозу для Креста. Если бы Блейк узнал, что ты настолько тесно связана с этой бандой, тебе пришлось бы очень несладко здесь.

— А два удара плетью значит ещё цветочки?

— Поверь мне — да.

Недоверчиво фыркнула и поднялась со стула:

— Значит, ты знал. Всё это время. Ты знал, кто я. Вот она — причина твоей доброты? Ведь дочь бывшего предводителя Скверны, может владеть ценной информацией, вот бы войти к ней в доверие. Да, Дакир?

— Разве я пытался войти к тебе в доверие? — Глаза Дакира с теплотой улыбались. — Не стану спорить, мне нужна информация, и я буду премного благодарен, если ты ею поделишься. Вот только я не считаю девушку, пусть и дочь бывшего предводителя Скверны, которую, судя по всему, не совсем устраивала жизнь в Скале раз она оттуда сбежала, кем-то кому надо втираться в доверие. На твоём месте мог быть кто угодно. Чейз мог подобрать в Де-мойне кого угодно, и я точно так же сделал бы всё возможное, чтобы помочь этому человеку. Потому что в отличие от Блейка я не отворачиваюсь от людей, потому что сейчас важен каждый.

— Только вот дочь Завира оказалась слишком проблемной.

— Не спорю, — улыбнулся Дакир. — Ты строптивая девушка. Как говорит Кира — у тебя язык без костей. Ты не подчиняешься правилам. Ни во что не ставишь Совет. Ты вообще не способна существовать в обществе. Но и быть одиночкой ты не можешь, потому что вне стен долго никто не протянет. И такая как ты... нужна моему сектору. Ты нужна Кресту.

Тишина.

Кажется, он никогда не бросит попытки уговорить меня здесь остаться. Только я не тот человек, которому красивые слова сносят крышу. Дакир выбрал абсолютно неправильный способ, чтобы уговорить меня здесь остаться.

Тяжело вздохнула и, отпустив голову, устало провела ладонью по лицу:

— Зачем ваш шпион вообще передавал обо мне сведения?

Дакир стал выглядеть серьёзно:

— На тот момент сведений о Скверне было очень мало, поэтому передавали любую мелочь, если она имела хоть какое-то отношение к этой банде.

— И как много сведений о такой мелочи как я вы получили?

— Не много. Самое интересное касалось твоей метки и твоей физической подготовки. Ты ведь сама решила начать тренироваться, если мне не изменяет память... Я не стану поднимать документ из архива, потому что он находится в секторе управления, а это сектор Блейка. Тебе ведь не нужно лишнее внимание?

— Кажется его и так через чур много, — я не отрывала колючего взгляда от тёплых глаз Дакира. — И зачем я тебе?

— Во-первых, ты боец, а каждый боец у нас на счету. Во-вторых, я уже говорил и мне не страшно в этом признаваться ты — кладёшь информацию. Ты была названной дочерью Завира, ты бала в Скверне изнутри ещё до появления Леона. Ты можешь рассказать нам много полезного. Их количество, расположение, законы, планы...

Я всплеснула руками:

— Прошли годы со смерти Завира, там всё поменялось.

— Также как и многое осталось прежним. — Дакир мягко опустил свою большую ладонь мне на плечо. — Я очень надеюсь, что ты не считаешь меня своим врагом и согласишься на сотрудничество.

— То есть соглашусь остаться в Кресте?

— В секторе обороны. Под моей защитой.

— Я и сама могу о себе позаботиться, — скинула с себя руку Дакира. — Я уже сказала: меня твои бредовые идеи по совершенствованию мира не интересуют.

Дакир терпеливо вздохнул, и на его лице появилась усталая, но понимающая улыбка:

— Я сохраню твой секрет в любом случае, Джей, даю слово. Но ты должна знать: у тебя осталось две недели, после чего ты должна будешь принять решение: остаться здесь, или покинуть Крест. И если ты решишь уйти... — лицо Дакира резко помрачнело, — боюсь, ты никогда не доберёшься до Ангела.

И тут до меня дошло! Ох, чёрт, ну разумеется — долбаная конспирация! Хотите, расскажу, сколько человек из тех, кто решил покинуть стены Креста, остались в живых? Вот вам мой ответ — ни одного!

— И как вы от меня избавитесь? — истеричный смешок вылетел из моего рта. — Вспорите старые раны перед тем, как выпроводить за ворота? Обольёте свежей кровью или, может, вошьёте под кожу маленький чип, который потом разорвёт мою башку в клочья? У вас есть такие чипы?

Дакирбольше не улыбался.

— Видит Бог, я этого не хочу, Джей.

— А ты не такой уж и святоша, — хмыкнула я. — Всё голову ломала, где же в идеальном Дакирае скрывается изъян!

— Это необходимые меры для выживания. Мы защищаем Крест и его жителей.

— Вы им даже не сообщаете, да? Тем, кто решает уйти. Что же вы с ними делаете?

— Снайпер, — тихо ответил Дакир, отведя взгляд к окну.

Я расправила плечи и опустила руки по швам.

— О-о... оказывается всё так просто. Значит, я получу пулю в затылок, как только переступлю порог Креста. Да вы просто гуманисты! Bravo! — Не покупились на эмоции и захлопала в ладоши.

«Молодец, Джей. Ты в клетке.»

«Нашла Крест? Поздравляю!»

«Нашла Чейза? Поздравляю!»

«Нашла Кристину? Нет, и никогда не найдёшь!»

«Ты в клетке! Дверка захлопнулась!»

— Мне жаль, — искренне произнёс Дакир. — Таковы правила.

— Точно. И ты бы не был членом Совета, если бы их не соблюдал, — тихо ответила я. — Я пошла.

Двинулась к двери.

— У тебя две недели, Джей, — бросил в спину Дакир. — Я верю в то, что ты не самоубийца.

— А я уже ни во что не верю, — ответила и обернулась: — Чейз знает?

Не поэтому ли он меня так ненавидит? Может вот она — разгадка? Явилась дочка

Забира! Ну, того уroda который превратил его в раба и заставил драться на смерть, так, ради потехи.

— Нет. И никто не узнает, — ответил Дакир и на этом наш разговор был закончен.

Представьте себе, по дороге в свою новую камеру (теперь это слово для определения моей комнаты просто идеально подходило), я не перебросилась с Чейзом ни одной гадостью!

Местными казармами стало большое пятиэтажное здание, даже не знаю, чем оно являлось раньше. Здание было очень старым и явно трещало по швам. Оно было сконструировано в виде буквы П, и внутри этой «буквы» располагался самый настоящий тренировочный корт.

Чейз вёл меня по лестнице на пятый этаж и, остановившись перед старой деревянной дверью, почему-то помедлил.

— Это этаж пятого отряда, — сказал он, не оборачиваясь. — Главный здесь я. И имею полное право наказывать любого, кто не выполняет правила, живя на этом этаже. Так что веди себя тихо и не высывайся... Тьфу. О чём я говорю?! — Резко повернулся ко мне. — Ты и «тихо»? Только не в этом мире.

Силой толкнул дверь и впустил меня внутрь.

Маленькая комнатка, небольшое окошко, деревянная кровать с матрасом, тумбочка с керосиновой лампой, табурет, стены тёмно-коричневого цвета, старый паркетный пол и... и всё. Всё, как ожидала.

— Мило, — хмыкнула, оценивая обстановочку. — Признайся, это ты выбирал мне камеру.

Чейз по-прежнему стоял в дверях:

— Я старался.

— Уверена, твоя в раз пять больше.

— Уверен, тебе этого никогда не узнать.

— Конечно-конечно, — медленно обвела комнату взглядом. — Я ведь не блондинка под метр восемьдесят и сексуального кожаного костюмчика у меня нет.

— Лучше бы тебе закрыть рот.

Мои глаза наигранно округлились:

— Но я ведь даже её не оскорбила!

Бросила рюкзак на пол, опустилась на прилично мягкий матрас и уставилась на Чейза.

— И долго ты там стоять собираешься?

— Постельное бельё и полотенце получишь у дежурного. Ужин через час.

— У меня нет часов.

— Твои проблемы.

— И как мне найти столовую? — От тюремной еды отказываться не собиралась.

— А это тоже. Твои. Проблемы.

И он хлопнул дверью.

И за что он меня так ненавидит? Впрочем, плевать. Взаимно! Я больше не его больная фанатка!

Найти столовую оказалось просто. Стадный инстинкт голодной толпы голодных мужиков оказался отличным проводником. Вслед за ними я спустилась на первый этаж и оказалась в огромном светлом помещении с выкрашенными в грязно-оранжевый стенами, впитывающими в себя последние лучи заходящего солнца.

Длинные ряды металлических столов тянулись с одного конца столовой в другой. Стулья и табуреты явно не входили в один мебельный комплект. Кажется, что их натащали сюда изо всех концов света.

Ладно, надо срочно ориентироваться.

Следуя всеобщему примеру, заняла очередь за очень высоким и очень массивным мужчиной в потрёпанной военной форме. Судя по длине очереди, к еде я приступлю не раньше, чем часа через полтора. А Кира ещё запрещала мне переутомляться! Разве здесь это возможно?

— Эй, чего тут встала?! — Как говорится, вспомнишь... В общем, это была Кира. — Тебе вообще плевать на указания доктора?!

Она схватила меня за локоть и поволокла к раздаточному окошку.

— Подошла бы сюда и сказала, что я запретила тебе нагрузки! Тебя должны обслуживать вне очереди!

— Ага, и толпе сзади я бы это тоже объяснила, а они бы все дружно закивали и ответили: «Без проблем, крошка! Всё, что захочешь».

Кира натянуто улыбнулась:

— Я выпишу тебе удостоверение.

— Об инвалидности?

— Да хоть такое! Я больше переводить лекарство на твою спину не стану.

Ужин был скудным. Рисовая почти безвкусная каша, кусок хлеба и компот сомнительного происхождения.

— И за это скажи спасибо! — фыркнула Кира, заметив моё кислое лицо.

Нет, вы поймите, Конец света Концом света, но всё это время меня либо кормили повара Завира, либо я сама зарабатывала себе на еду. Вяленое мясо, жареная картошка, рыбные консервы, мясо тушеное в горшочке, сухофрукты — это то, чем мне платил зарплату Дориан. А, как известно, к хорошему быстро привыкаешь. Встаньте на моё место: вы бы с радостью отведали безвкусной, жидкой, похожей на сопли рисовой каши, если скажем, всего пару дней назад ужинали ароматным пловом с мясом кролика и заедали всё это сладкой булочкой с яблочным повидлом? А именно так кормила меня Кира, когда я отлёживалась в больничной палате! Не всегда конечно, но довольно часто. Больных здесь кормят просто божественно! Ну, или сегодня в этой столовой просто плохой день.

— Не будешь есть и я больше не одной капли этой вонючей мази на твою спину не потрачу, ясно тебе, девчонка?! — яростно прошипела Кира.

Я кинула ложку в тарелку и впилась злобным в неё взглядом:

— У тебя что, месячные начались?

— Нет! — зарычала она. — У меня началась эпидемия гриппа и преимущественно у детей!

Она буквально всосала в себя весь ужин одним махом и умчалась прочь из столовой, оставив меня наедине с кашей и многочисленными взглядами окружающих, которые в наглую на меня таращились.

Моя слава бежит впереди меня! Может пора привыкнуть?

Нашла глазами Чейза. Он сидел за соседним столом и поглощал ужин, казалось, не замечая ничего вокруг, полностью утонув в собственных мыслях.

И тут подпрыгнула на месте от того как резко на плечо упала чья-то тяжёлая рука. И, чёрт, это было больно!

Реакция тела оказалась быстрее реакции здравого смысла: схватила руку за запястье и с силой выкрутила назад, прижав к спине «оборзевшей рожи», кому бы эта рожа не принадлежала. Мужчина оказался не менее подготовленным: выкрутил руку обратной применил тот же приём ко мне, стукнув моей же рукой мне по спине.

От боли тихонько заскулила.

Ну началось!

— Советую отпустить меня, пока я не воткнула вилку тебе в глаз.

Над ухом раздался громкий басистый смех, а в нос ударил запах перегара.

— Так это твоя маленькая попка тут всех на уши поставила? — смеялся здоровяк, пока я тщетно вырывалась из его охапки. — Мне нравится новое прозвище Блейка, теперь он каждый раз бесится, когда слышит слово «девственник».

В столовой поднялся галдёж, все с любопытством наблюдали за происходящим. Хотелось подойти и абсолютно каждому по очереди плюнуть в лицо.

— Знаешь что, — ржал здоровяк, — мне нра...

— Да мне плевать! — рывкнула и ударила придурка ногой в пах, тут же обретя свободу.

Он скорчился на полу, держась за причинное место под всеобщий приступ смеха.

— Рожа у тебя итак разукрашена, теперь ещё и член распухнет! — выплонула я, глядя как здоровяк, шатаясь, поднимается на ноги.

А дальше... моя реакция куда-то улетучилась, потому что от удара в лицо открытой ладонью размером с футбольный мяч, увернуться, увы, не успела и проехала по плиточному полу, повалив на себя сразу несколько стульев.

Судорожно выдохнула, чувствуя стальной привкус крови во рту.

«Что же я тебе сделала, дебил ты отмороженный?»

— Ой! — заржал здоровяк. — Ты такая неуклюжая! Села мимо стула и ушибла голову... Все ведь это видели, да?

Народ наперебой закричал, но понять, что именно было вообще невозможно.

Держась за край стола, поднялась на ноги.

— А наш Дакир на тебя запал да, крошка? — насмеялся здоровяк.

— Пойди у него спроси! — Опустила голову и сплюнула на пол сгусток крови, едва борясь с желанием согнуться пополам. Кажется, Кире всё-таки придётся потратить на меня ещё немного мази.

Здоровяк с квадратной рожей и ёжиком чёрных волос резко приблизился, склонившись над моим лицом.

— Ты ведь уже дала ему? — заскрежетал он, противно улыбаясь, сверкая пятимиллиметровой щелью между двумя передними зубами. — Где записываться к тебе в очередь? Я тоже не против позабавляться с элитной шлюшкой!

Я плюнула ему в лицо и получила новый удар по новой щеке и на этот раз, как шар для боулинга прокатилась по столу спиной, скидывая на пол подносы и пустые тарелки.

Ну а как можно устоять на ногах, когда тебя бьёт безмозглое создание, превосходящее тебя по размерам в три раза? Вот и я не знаю как.

— Эй, хватит, Брей! — заорал кто-то.

— Это перебор, Брей! — крикнул кто-то ещё.

— Она ж девчонка!

— Хватит с неё!

А, так этот «красавчик» именуется Бреем. Не его ли рожу недавно разукрасил Чейз? Кира что ли преувеличила его плачевное состояние?.. Совсем не похоже, чтобы его организм трещал по швам.

Я слезла со стола и сдула с лица несколько прядей волос. Жгучая ярость закипала где-то на уровне живота и быстро поднималась к горлу. И пусть Блейк влепит мне очередное наказание, я надеру этому уроду его гигантский зад! Даже если меня за это вышвырнут из Креста, как заразного котёнка — всё равно уходить собиралась. Сразу как разберусь со «снайперским наказанием».

Незаметно схватила со стола вилку. Один глаз проткну, один останется.

— А что я сделал? — гоготал Брей, обращаясь к толпе. — Я даже не оскорбил эту крошку! Это очевидно также, как: небо — синее, трава — зелёная, снег — белый, она — шляха.

Прежде чем я успела броситься на этого кретина, чья-то рука схватила его за загривок и со звоном ударила об металлический стол. Кровь из носа Брея брызнула фонтаном; с диким ором он зажал нос руками и упал на колени. Тут же большой чёрный ботинок упёрся в его спину и с силой вдавил в пол, превратив Брея в самое жалкое создание на свете. Кажется я даже услышала хруст, в доказательство этому крик Брея вышел на сверхзвуковой уровень. Он визжал, как баба!

— Как твои рёбра? Парочка новых переломов не сильно осложнит дело, правда? — Чейз выглядел бесподобно... бесподобно пугающе! Если бы я была не я, то предпочла бы спрятаться под ближайший стол и рассыпаться там на миллионы крохотных песчинок от страха. Даже галдёж в столовой стих.

— Чёртов сукин сын! — пробулькал Брей, давясь собственной кровью. — Тоже успел эту сучку трахнуть?

Новый хруст. Новый крик боли.

А я как замороженная не спускала глаз с Чейза. Почему он вступился за меня? С чего, скажите мне, ради? Всё что нас связывает, это адская неприязнь друг к другу, если не сама Её Величество Ненависть. Так с чего же? Дакир?.. Велел приглядывать?.. Конечно! Так и есть! Разве не очевидно? Если бы не Дакир, Чейз с превеликим удовольствием лицезрел бы, как этот верзила наматывает меня на этот стол. Он бы даже с места не сдвинул свою пятую точку, даже не сомневаюсь!

Это меня разозлило. Очень разозлило. Мне не нужны няньки! Тем более в лице этого придурка! Может {ему} вилку в глаз воткнуть? ЧТОБЫ ОТВАЛИЛ ОТ МЕНЯ УЖЕ РАЗ НАВСЕГДА!

И в эту секунду во мне будто бы что-то сломалось. Вилка выпала из моей разжатой ладони и звонко ударилась об плиточный пол.

Я ощутила себя {ей}.

Это всё из-за него. Из-за того, что Чейз только что сделал, я так сильно ощутила себя Дженни — той девочкой, которой была для Завира в первые несколько лет.

Это...словно удар под дых.

Я вновь оказалась слабой. Мне вновь нужна была защита. Мне нужен был защитник, или нянька, или ещё кто-то, кем в эту секунду стал для меня Чейз. Кем был для меня раньше

Завир.

Это немощное чувство отвращения к самой себе било в голове тысячами крохотных молоточков. Почему я это позволила? Как могла допустить? Я так долго обретала саму себя, а сейчас снова скатилась вниз. Я собирала себя по кусочкам для того, чтобы люди даже зная о моей метке видели во мне нечто большее — человека, способного за себя постоять. Для того чтобы никто и пальцем не смел меня коснуться, не потому что на моём запястье есть эта долбаная татуировка, а потому что я сама могу вырвать руку своему обидчику.

Теперь, на глазах у всех этих людей «броня» растворилась в воздухе, оголив меня до костей, оставив жалкое подобие элитной шлюхи, кем меня итак тут все считают. И больше ничего не осталось. Не осталось меня настоящей.

Чейзу никогда этого не понять. Потому что он смирился, он наступил себе на горло. А я может и зря, но всё ещё продолжаю бороться. И пусть не за весь мир, но хотя бы за себя. За свою честь.

Сделала шаг к Чейзу и ударила в челюсть.

Стук от удара отразился от высоких стен вместе с всеобщим «Ох». Голова Чейза сдвинулась буквально на несколько сантиметров и вернулась на место. На подбородке, куда ударил мой кулак, осталось розовое пятно. Глаза казались застывшими, бездушными.

Все знают, что сейчас Чейз размажет меня по полу. Также как и я знаю, что дам сдачу, такую, на какую буду способна в борьбе с Койотом, и вновь обрету недавно уничтоженную частичку своей личности. Уже обрела — я ударила командира пятого отряда. Возможно это эгоистично, но я знаю себе цену. И хочу, чтобы и другие её знали. Я не просто шлюха. Я гораздо больше. Пусть все это знают! Мне не нужны защитники! Мне никто не нужен!

Лицо Чейза не меняло своего привычного каменного выражения. Он не был зол, или удивлён, он выглядел равнодушным. Убрал ботинок со спины Брея (тот сразу откатился под стол) и выпрямился.

Я ждала удар. Мне не было страшно. Я с вызовом смотрела в эти идеальные зелёные глаза с длинными, как крылья птицы ресницами, и крепко сжимала кулаки.

Надо ли что-то сказать перед тем, как умру? И я сказала:

— Ты не имел права превращать меня на глазах у всех кучу вонючего дерьма.

Пауза.

Тишина.

В глазах Чейза что-то заискрилось. Он сделал шаг вперёд. Я напряглась, готовясь принять удар. И медленно. Очень медленно... его губы растянулись в улыбке. И это не было тем жалким подобием улыбки, когда еле заметно приподнимались уголки его губ. Это была самая настоящая улыбка! И она была прекрасна. Она могла заставить перестать дышать. Она могла заставить захотеть жить.

Я застыла. С трудом удерживая рот в замкнутом положении. Это что, такой обманный ход, прежде чем превратить человека в отбивную?

Его улыбка стала ещё шире. А потом Чейз издал короткий смешок, просто развернулся и зашагал к выходу.

— И что, ты даже не убьёшь её?! — выкрикнул кто-то из толпы.

Утро было ветреным. Солнце спряталось за тяжёлыми грязными тучами, создав идеальные декорации для моего поганого настроения. И даже не знаю, что сказывалось на нём самым пагубным образом: вчерашний разговор с Дакиром, инцидент в столовой, то, что я застряла здесь до скончания веков, или то, что за целую ночь в моей голове не родилось ни одной здоровой мысли по поводу того, как, не умерев уйти из Креста. Как дойти до Ангела, как найти там Кристину и где нам жить дальше.

Какая-то Ж...

А ещё, оказалось, что комната Чейза находится прямо через стену от моей камеры. Как я это узнала? Всего лишь увидела, как он на пару с блондинкой в кожаном костюмчике заходит в соседнюю от моей комнату. К тому же стены оказались слишком тонкими, чтобы заглушать звуки удовольствия, нескончаемым потоком вылетающие изо рта Марлин. Кажется, я до сих пор их слышу, хоть и нахожусь в кабинете Киры в медицинском корпусе.

Кира всё время улыбалась. Сегодня её настроение было полностью противоположным вчерашнему.

— Ты под кайфом? — вскинув бровь, поинтересовалась я. — Если да, то я тоже хочу.

— Под кайфом от того, что ты вчера врезала Чейзу, а он практически сказал тебе спасибо! — Теперь она рассмеялась в открытую.

Я закатила глаза.

— Чёрт, Джей, что это вообще вчера было? Ты больна, раз решилась на такое!

— Я рада, что это подняло тебе настроение, — ухмыльнулась я, разглядывая картинки, вырезанные из медицинских журналов и развешанные на стенах.

— Да ты просто бомба замедленного действия для сектора обороны! — Она продолжала разматывать бинты, всё время улыбаясь. — Тут за такое знаешь, какое наказание впаривают?.. За исключением Брея конечно, он своё уже получил. И он полный придурок, но теперь его рёбра надо собирать по кусочкам благодаря Чейзу. И чего это он вообще за тебя вступился?

— А ты угадай! Понятно же, что Дакир приказал ему за мной присматривать.

— Ты поэтому его кулаком огрела? — бровь Киры озадаченно изогнулась. — Типа «Я и сама мужик, чего сунешься»? — звонкий смех Киры оказался настолько заразительным, что я не смогла не поддержать.

— Ну я ещё не в вашей секте, так что терять было нечего.

— Ошибаешься, девочка. — Улыбка Киры перестала быть такой яркой. — Тебя жизнь ни чему не учит. Это Крест! И каждый здесь получает то, что заслуживает. Не важно на каких ты тут правах, только если ты не сам Бог! Давно кнутом по спине не получала? Поздравляю, теперь на твоём счету ещё одно наказание и тебе повезло, что Блейк ничего не видел!

— Что?! — От возмущения вскочила на ноги, но Кира одним рывком усадила меня на место. Это абсурд! — Ты шутишь, да? Ты точно под кайфом. Или пьяная?!

— О нет, сегодня я ещё не употребляла.

Я злобно фыркнула:

— Там были сотни очевидцев! Пусть Дакир спросит у кого хочет: я защищалась!

— И от Чейза? — На этот раз Кира выгнула две брови, глаза лукаво блеснули.

— Перестань, — хмурясь, вздохнула я. — Как же меня достали эти ваши правила...

— В Скале было лучше?

Я смолкла.

Если честно, то я даже не знаю, где лично для меня было лучше. Наверное при выборе между двумя мирами: миром До, и миром После, я бы выбрала мир После. Потому что прежний мир был не для такой как я. Я бы просто не смогла в нём буднично существовать. Так и при выборе между Скалой и Крестом... В Скале я выживала. А в Кресте меня выживают.

— И что за наказание?

Кира дёрнула плечами:

— Точно не знаю, но в штабе на стене приказов твоё имя обведено опасным красным кружочком и это не значит ничего хорошего, поверь на слово.

— Охотно верю.

Кира убрала бинты в сторону и громко ахнула:

— Святая дева Мария, что у тебя со спиной?! Это Брей тебя так?! Я убью его! Чёрт, я убью его!!! Загоню ему воздух в вену, пусть сдохнет, имбецил проклятый! У меня нет на тебя больше лекарств!

— Что, так хреново?

— Слушай, детка, — Кира упёрла руки в бока. — Я тебя не зашивала, понимаешь? У тебя итак останутся здоровенные рубцы, если, конечно, и они останутся! Порезы опять кровят и молись, чтоб не началось воспаление!

Кира выхватила со шкафчика две пачки бинта и стала яростно разрывать упаковки.

— Вот это, — взглянула на меня, — тебе не предназначалось. Вот это, — кивнула на мой грязный бинт, — был последний бинт, разрешённый медицинским комитетом на тебя переводить. А вот это, — кивнула на прозрачный пузырёк на столике, — заживляющая мазь, за которую мне оторвут голову. Так что просто запомни, девочка, я очень неравнодушна к шоколаду и к любой выпивке свыше двадцати градусов. Так что если вдруг...

— Да-да, я поняла...

Кира застыла:

— Нет, я серьёзно, если Блейк, или кто-то из комитета узнает, спину вспорют и мне!

— Тогда почему ты мне помогаешь?

Почему все в этом секторе мне помогают?!

Кира откупорила пузырёк с мазью и взглянула на меня поверх очков:

— Потому что ты гораздо больше достойна получить эти бинты, чем какой-то отморозок вроде Брея!

Уйдя из кабинета Кире, я кое-что прихватила с собой — большие металлические ножницы; ими можно отлично остричь волосы! Кира, конечно же, взяла с меня клятву, что я не вспорю ими кому-нибудь живот и только тогда отпустила. Живот я никому вспарывать не собиралась, но на её месте всё равно не стала бы доверять такой, как я.

Постельное бельё получила ещё вчера. Я сказала постельное бельё? О, нет, это всего лишь потрёпанный кусок плотной ткани, очень издалека напоминающий одеяло, подушка — маленький свёрточек набитый перьями сомнительного происхождения, может даже голубинными, и не большое полотенце похожее на решето. А я так рассчитывала хотя бы на простынь для грязного вонючего матраса. Кажется, моё везение окончательно ушло в отпуск.

Вывернула на кровать всё содержимое рюкзака, собираясь провести инвентаризацию. Что ж, пожитков не много, но они мои, и я их честно заработала. Ну ладно, кое-что украла.

Зубная щётка, полтюбика пасты, кусок хозяйственного мыла, маленькая баночка с

остатками шампуня, деревянная самодельная расчёска, блокнот с рисунками Кристины, огрызок карандаша, фальшивый бланк о сдаче крови, пинцет, одна третья коробки спичек, чёрные нитки с иглой, два одноразовых станка, которые давно превратились в очень и очень многоразовые, упаковка прокладок, двое трусов, один лифчик, две пары залатанных носков, джинсы с оторванной штаниной, огромный растянутый свитер серого цвета, кофта с капюшоном, запасная футболка, вязаная шапка и толстая книжка Р. Докинза «Эгоистичный ген» — книга про ДНК. Ещё осталось кое-что из еды — вяленое мясо кролика, немного сушёных грибов, помятая фляга с остатками жёлтого пойла и банка сардин, плюс немного медикаментов: полбаночки антисептика, две таблетки аспирина, пластинка таблеток от кашля, глазные капли, ампула новокаина и... и всё. Вроде и не много всего, но в рюкзак влезало с трудом.

Ещё мне надо срочно помыть тело и вымыть голову, я ненавижу ходить грязной и ещё больше ненавижу, когда от волос пахнет. Конец света ещё не значит, что я должна превращаться в ходячую помойку. Если я до сих пор жива и ощущаю себя человеком, то эта человечность не должна вонять, как труп. Это трупу не надо мыться. И даже когда я сама им стану, то пусть это случится, когда я буду с почищенными зубами.

Окно моей камеры выходило на тренировочный корт. Сейчас один из пяти отрядов наматывал круги вокруг корпуса. Не знаю, как называть этих ребят: солдаты, бойцы... Все они здесь просто люди со своими взглядами и целями. Не знаю, к чему они стремятся, что они защищают: Крест, его жителей, или самих себя. Я знаю одно: если Земля, или может быть Бог, а может и сам Дьявол, однажды решили избавиться от всего живого, что населяет нашу планету и до конца у них это сделать не получилось, так где гарантии, что это не повторится вновь? Быть может скоро и не останется никого кому будет нужна эта защита.

Признаться, идя на ужин, рассчитывала встретить там Дакира и поинтересоваться, с какого такого на хрен перепуга я должна отрабатывать наказание, за то, что на меня напали? Но, кажется, Дакир не ужинает в общей столовой, потому что там я не увидела ни одного знакомого лица, даже рожи Чейза не было, поэтому всё что оставалось, это дальше давиться возмущением и теряться в догадках — какое наказание будет на этот раз и с какой такой огромной радости я вообще его получила?

Под вечер солнце сменило декорации, стряхнув с себя грязные разводы туч, и подарило небу поцелуй, распалив огненно-красный костёр заката.

Пора приводить голову в порядок, то есть обстричь лохмы до приемлемой длины — думаю, до уровня подбородка будет самое то! Зеркала нет; что получится, то получится.

Захватив первую прядь ножницами, уже почти сделала то, что давно собиралась сделать, как дверь моей камеры бесцеремонно открылась и на её пороге показалась взлохмаченная голова Чейза.

Застыла.

Его взгляд скользнул от моего лица к ножницам, и снова уставился в лицо. Что это? Он озадачен?

Опустила ножницы и практически заорала во всё горло:

— То есть ты считаешь, что твоего авторитета вполне достаточно, чтобы врывать в мою камеру без стука?!

Чейз переступил порог и с грохотом захлопнул за собой дверь.

— Здесь нет ничего твоего, — отрезал, вонзая в меня ледяные осколки летящие из изумрудных глаз.

— Ты мог увидеть меня голой, а моё тело всё ещё принадлежит мне даже здесь! — Хотелось запустить в него ножницами!

— Правда что ли? — Чейз криво ухмыльнулся и клянусь, моя рука с ножницами дёрнулась. Кусок дерьма, который ещё недавно был рабом Скверны, раз за разом унижает меня из-за метки на запястье. — Расслабься, у тебя не на что смотреть.

Прошёл мимо меня и кинул на кровать большой бумажный свёрток.

Я испепеляла наглеца взглядом. Уничтожала!

— Ах, да, я ведь не подхожу под твои критерии. У меня нет светлых волос, длинных ног, и потолок я головой не задеваю. А ещё моя грудь не такая маленькая, чтобы её было практически незаметно; или это всё костюмчик? Настолько тесный, что превращает сиськи в два плоских блюда? Ты прав, у меня точно не на что посмотреть.

Чейз выждал недолгую пазу и медленно повернул голову ко мне. Скажу честно, красное небо за его спиной и оконная рама стали самым настоящим обрамлением картины, а Чейз главным персонажем на ней. Идеальным персонажем. И идеальным придурком.

— Что это? — низким голосом произнёс он и шагнул в мою сторону. Глаза сузились. — Марлин не выходит у тебя из головы?

Из моей головы не выходят её вчерашние стоны, но не суть.

— Мне нет дела до твоей подружки. Выметайся отсюда, я планировала подстричься. — Сделала шаг к нему, пристально глядя в глаза. — Чтобы стать похожей на мальчика и окончательно и бесповоротно вычеркнуть себя из списка тех, к кому ты неравнодушен.

Чейз издал тихий смешок, больше похожий на звук, когда чем-нибудь поперхнёшься.

— С чего взяла, что ты там есть?

— С того, что тебя стало слишком много в моей дерьмовой жизни. Будь добр, попроси Дакира кого-нибудь другого сделать моим надзирателем.

— Поздно.

Я сузила глаза.

— С сегодняшней ночи ты отрабатываешь наказание. Вместе со мной. Патрулирование территории.

— Ха. Ха. Ха... Как думаешь, сколько раз нужно стукнуть мне по голове, чтобы я потеряла рассудок и вышла с тобой на ночное дежурство? — Я приблизилась ещё на шаг. — Дать подсказу? Хотя нет, сама отвечу: можешь отбить мне все мозги, я всё равно с тобой никуда не пойду. Я даже не житель Креста. И мой обещанный реабилитационный отпуск ещё не закончен.

Некоторое время мы молча убивали друг друга взглядами, а затем Чейз шагнул к моей кровати и одним резким движением вывернул свёрток на пол:

— Твоя форма. Через два часа жду тебя на первом посту. Если не придёшь, завтра утром будешь кормить собой тварей за стеной. Пора отрабатывать еду, медикаменты и крышу над головой, или там, где ты была всё доставалось на халяву? Я в курсе, что твоя работа сильно отличалась от того, чтобы защищать город от тварей, но своим приёмам ты всё-таки как-то научилась, так что на части не развалишься...

Он говорил что-то ещё, но я больше ничего не слышала. Мне всё это надоело. Я больше не могу слышать, как он постоянно меня унижает! Как Койот меня унижает! Как бывший раб меня унижает! Как бывшая собственность Скверны меня унижает! Это был предел... Он сам такой же кусок дерьма, как я, и он меня унижает!

Выронила ножницы, рванула к нему и со всей силы толкнула в грудь! Чейз пошатнулся,

но не упал. Я и не рассчитывала, но ударила с новой силой, рыча, как дикая собака. От третьего удара он увернулся и применил ко мне захват, развернув к себе спиной, схватив мои руки одной рукой, и зажав шею другой. Сильно, но не причиняя особого вреда.

Попытка вывернуться потерпела фиаско. Что я такое по сравнению с Койотом? Пыль. Он резко развернул меня к себе лицом, сцепив мои руки в замок за спиной.

Я дышала ему в подбородок. Вдыхала его запах, наслаждалась им и в тоже время хотела разорвать этого человека на куски. Хотела, чтобы он перестал меня унижать. Хотела рассказать, кому эта сволочь обязана тем, что всё ещё дышит. Хотела рассказать, что моя татуировка вовсе не значит то, что все в Кресте обо мне думают. Да, такая вот я эгоистка и мне не стыдно в этом признаться.

Но я не могла... Об этом моём секрете знает только Дакир и больше никто знать не должен, особенно Чейз. Когда я собиралась его найти, понятия не имела, что с первых же минут он меня возненавидит. Я планировала ему всё рассказать, веря в то, что он поймёт — это был мой способ выживания. Но всё оказалось не так. Чейз оказался не таким, каким я его себе представляла. Этот Чейз живого места на мне не оставит, если узнает, что почти всё своё детство я называла отцом человека, который превратил его жизнь в ад.

Его лицо было так близко, что я могла разглядеть рисунок на радужке его холодных глаз. Меня тянет к нему, и я всё меньше могу этому сопротивляться. И я всё больше начинаю его ненавидеть, что в конец заводит в тупик. Это качели, которые постоянно перевешивают из одной стороны в другую. И я точно знаю, если это всего лишь физическое притяжение, то с ним я справлюсь, но если это нечто большее... Стоп. Разве это может быть нечто большее? Он ведь придурок!

— Зачем ты спас меня в Де-мойне? — спросила, бросив тщетные попытки освободиться.

— Что? — Шум волн. — Твари напали на человека, человек убегал. Зачем, по-твоему, я спас тебя?

— Это Дакир тебе внушил? «Жизнь человека превыше всего ибла-бла-бла».

Холодный взгляд скользнул по моему лицу, изучающе, почти брезгливо. Ну да, я ведь шлюха. «Сколько вонючих ртов прикасалось к этим губам», — думает он.

— За что ты меня возненавидел? — жёстким, как наждачная бумага, голосом спросила я.

Чейз взглянул мне в глаза.

— Из-за метки? — Я была на грани от приступа безумного смеха. — Из-за неё?!

— Почему тебя это волнует? — Он был потрясающе спокоен (безразличен), на лице стальная маска.

Почему? Я уже говорила, что меня всегда волновало, что думают обо мне другие. Это мой недостаток. По крайней мере, в Новом мире. Всё никак не могу от него избавиться. Просто парадокс какой-то! Мне плевать на людей, но не плевать на то, что они обо мне думают! Я ненормальная, да?

— Хочу понять, у тебя это тоже стадный инстинкт, или есть другая причина?

В его глазах что-то поменялось. Они стали казаться ещё острее.

— Тебя не должно быть здесь. — Чейз едва заметно покачал головой. — Ты, как мышь в банке с крысами: вроде бы похожа, но совсем другая. Тебе здесь просто не место. Ты никогда не будешь подчиняться законам Креста и рано, или поздно Крест убьёт тебя. Ты уже труп. Тебе не уйти отсюда живой, и здесь тебе не выжить. Я вообще не должен был

подбирать тебя.

Я горько усмехнулась:

— Так поэтому моё присутствие доставляет тебе столько проблем? Потому что тебя «приклеили» к бунтарке? Потому что не можешь со мной справиться? Я слишком поломанная, чтобы меня склеивать и приходится терпеть что есть? Пока я окончательно не сломаюсь?

— Если коротко — ты просто заноза в моей заднице. Если бы знал, что твоя поломка настолько серьёзная, ни за что бы не стал спасать от тварей в Де-мойне.

— Ты мог позволить им сожрать меня здесь. Помнишь, недавно я была аппетитным куском мяса? Твоей занозы могло бы не стать.

Неожиданно его лицо расслабилось. Впадинка между бровей исчезла.

— Моей занозы?.. — еле слышно прошептал он.

По коже невольно побежали мурашки. И напрасно — это было сказано совсем не ласково.

— Слушай, мне плевать, что там у тебя на запястье, — скучающе продолжал Чейз. — Не знаю, почему ты из-за этого так сильно печёшься, но мне действительно плевать. Ты сама по себе — уже повод беситься. Твои принципы рано, или поздно доведут тебя до могилы и тогда Дакир наконец снимет тебя с моей ответственности. Но пока ты даже представить себе не можешь, как сильно я жду момента, когда ты, наконец, куда-нибудь исчезнешь.

— Тогда почему ты так сильно меня к себе прижимаешь?

Глубокая впадинка между бровей вернулась на место, Чейз напрягся и тут же отшвырнул меня от себя.

— Ты каждый раз так делаешь, когда я говорю правду, которая тебе не нравится. — Я распрямила плечи. — И да, ты стал поразительно много со мной разговаривать, парень. Аплодирую стоя!

— Через два часа на первом посту, — отчеканил он и направился к двери. — Да и... тебе не пойдёт короткая стрижка.

— А ты значит до того, как мир сдох парикмахером был?!

Дверь хлопнула. Я подобрала ножницы с пола. И знаете что? Я обрежу их!

Нет... не обрежу.

Отшвырнула их в дальний угол и рухнула на пол.

«Чейз, будь ты проклят! Ты превращаешь меня в размазню!»

Куртка и штаны цвета хаки были сшиты на человека размером с медведя. Подложив их со всех возможных концов и нацепив на лицо самую непробиваемую мину, направилась на пост первого этажа, на встречу со своим надзирателем. Волосы связала в тугий узел на затылке и спрятала под вязаной шапочкой. Я не дам ему самоутвердиться за мой счёт, только не сегодня.

Брови Чейза слегка приподнялись при виде меня. И если он всё ещё здесь значит, я пришла вовремя.

Он без слов всучил мне в руки большой фонарик и двинулся к выходу из корпуса.

Прочёсывать Крест оказалось не простой задачей. Городок-то оказался далеко не из маленьких — в два раза больше Скалы. И если бы был приказ обходить его по периметру, мы бы и один круг до утра не навернули. Наш участок занимал два часа туда-обратно, что тоже достаточно сильно выматывало.

Мы так и не сказали друг другу ни слова. До самого утра единственной с кем говорил

Чейз была его рация. Из моего рта не вылетело ни звука. Чувство беспокойства внутри меня росло. Становилось по-настоящему страшно от того, что глядя на его высокую фигуру, шагающую в нескольких метрах от меня, тело пропускало разряды тока. Это ведь обычное физическое влечение, верно? Рано, или поздно моему организму должно было захотеться чего-то подобного при виде симпатичного парня?.. Я ведь молодая девушка, все функции моего организма ещё работают как надо, гормоны там и всякое такое. Это не может быть что-то большее, только если я не мазохистка. А я не мазохистка. Мне не может нравиться человек, который считает меня чем-то грязным и недостойным его внимания. Гормоны. Определённо. Ну ладно — наверняка.

За всё ночное дежурство он удостоил меня взгляда всего два раза: первый, когда я споткнулась и выругалась так, что даже птицы взмыли с деревьев в чёрное, как сажа небо. А второй, когда пошёл дождь, и я как сумасшедшая стояла под ливнем, устремив лицо к небу, совершенно наплевав, что я на дежурстве и надо двигаться, обходить территорию. Для меня дождь — это освобождение. Если обычная вода делает чистым тело, то дождь способен очищать душу, так я всегда считала. Я не верю в Бога после того, как он позволил вывернуть Землю наизнанку, но я верю в некую силу, которая до сих пор оберегает тех, кто остался в живых. И она находится где-то там, где-то наверху. А дождь, это небесная вода и я просто верю в неё.

Когда я улыбаясь до ушей как самый большой придурок на свете опустила голову, Чейз стоял и, не двигаясь наблюдал за мной. Пристально, пугающе пристально. И даже в этот раз он не сказал ни слова. Просто продолжил патрулирование, а я пошла следом, мокрая до нитки, шлёпая ботинками по лужам. И если бы моя куртка оказалась промокаемой, то на утро Кира бы выцарапала мне глаза, за то, что я намочила раны. Как хорошо, что куртка оказалась непромокаемой.

Второе ночное патрулирование проходило на сторожевой вышке у северной стены. Я пыталась скрыть эмоции от того, что забралась на самую высокую точку Креста, пыталась, как могла! Но поверьте, оказавшись здесь в первый раз это просто невозможно.

Стены были высокими, а вышки ещё выше! Я словно взобралась на Эверест! Моё дыхание стало частым и возбуждённым, не могла сдерживать улыбки, глядя на лесные просторы, извилистую реку, отражающую в себе миллионы бриллиантовых звёзд. Глядя на крохотные огонёчки в домах тех, кто ещё не спит. Вот маленькое футбольное поле, а там, наверное, поля для посева, коровники, курятники... Улицы озаряются факелами вдоль каждой из четырёх широких дорог. Они потрясающе чистые и ухоженные. Какая-то женщина кричит на детей, загоняя их в дом. А дети не хотят отпускать собаку, которая весело лает и прыгает на них требуя продолжать игру. Здесь собака не еда. Здесь она друг. Так и должно быть в нормальном мире.

Невидимая рука больно сжала сердце в груди, и я перестала улыбаться. Вот это место. Единственное место, где сохранились крупницы человечности. Где люди всё ещё живут нормальной жизнью, ну или практически нормальной, ну или просто убеждают себя в этом. Это всё что осталось. Это все, кто остался. Все, кто ещё готов к переменам, все, кто не одичал. Это цель Дакира? Спасти эту крупницу человечества и человечности?.. Спасти детей. Спасти будущее. Ведь однажды стены городов вроде Скалы падут, даже Скверна не вечна. И что будет потом? Не твари ли наше будущее? Как Дакир собирается избавиться от них, или он собирается вечно прятаться за стенами Креста? Сможет ли такая как я когда-либо понять его? Понять, ради чего Чейз здесь? Неужели после всего, что пережил этот парень, он всё

ещё способен верить в то же, во что и Дакир?

Ну вот, опять все мои размышления свелись к мыслям о Чейзе.

Резкий порыв морозного ветра сорвал с головы вязаную шапочку и унёс в направлении реки. Волосы, большими непослушными волнами упали на лицо. Ветер подхватил их и вихрем закружил над головой, затем ударил о спину. Загорелое лицо Чейза было ещё одной тенью в темноте, но его изумрудные глаза горели ярче звёзд. И они были направлены на меня. Как долго он за мной наблюдал?

Это молчание было каким-то болезненным, словно только что мы оба думали об одном и том же. Я пыталась выдать из себя хоть слово, но единственное на что была способна, это просто смотреть на него, проклиная сердце, которое с медвежьей силой стучало о рёбра.

Конечно же, он первый отвёл взгляд, уселся на каменный выступ и принялся прочищать дуло винтовки. Я с трудом сглотнула, прожив момент, и отвернулась в сторону леса, подперев локтями ограждение вышки. Почему мне не выдали оружие, даже не стала спрашивать, всё, что у меня было это долбаный фонарик, когда у Чейза винтовка и пистолет на плечевой кобуре. Надеюсь, когда-нибудь они вернут мне моё оружие и желательно до того момента, как я отсюда сбегу.

— И что надо делать? — спросила через какое-то время.

— Вниз смотреть. — Чейз даже не поднял головы.

Судорожно вздохнула, поёжившись от холода.

— Сколько мне отрабатывать?

— Ещё пять ночей.

— А тебе сколько добавили?

Чейз взглянул на меня из-под длиннющих ресниц:

— Нисколько.

Так, подъём по шкале грубости начался!

— А Брею? — я тоже на грубость не скупились.

Чейз отложил винтовку в сторону и откинулся спиной на каменную стену.

— Ты ведь сама просила не выставлять тебя куском вонючего дерьма, — сухо произнёс он. — Если бы Дакир назначил наказание только нам двоим, ты бы опять стала бедной девочкой, жертвой обстоятельств, как тогда, в столовой, да? Так что отрабатывай и скажи спасибо. Хотя... — он упёр локти в колени, — мне действительно интересно: когда репутация итак безвозвратно испорчена, разве имеет значение, что ещё могут подумать о тебе окружающие?

Снова. Он снова это делает!

— Пошёл ты, — процедила сквозь зубы и отвернулась, прежде чем он успел что-нибудь добавить. А он хотел добавить, потому что выглядел так, будто не то имел в виду, или это я не о том подумала.

Но я больше не хотела его слушать.

Крохотные снежинки закружились в чёрном небесном бархате, орошая промозглую землю первой порцией снега. Зима началась.

Выдохнула изо рта большое облако пара, думая о Кристине.

«Как ты там, моя девочка? Просто подожди ещё немного. Я найду тебя, чего бы мне это не стоило. И надеюсь, ты простишь меня...»

Что-то коснулось моей головы и упало на глаза. Шапка?

Круто обернулась. Чейз закидывал винтовку на плечо, а на его голове больше не было

чёрной вязаной шапочки.

Что-то я совсем расклеилась, раз не сорвала её с головы и не швырнула ему в грудь. Именно так я и должна была поступить! Джей должна была так поступить, а тряпка вроде меня не поступила! Хотя я и пытаюсь это отрицать, но отчаяние слишком быстро прожигает дыру в ещё живом кусочке моей души. Потому что я снова застряла. Потому что я здесь, а Кристина нет. Потому что не сдержала обещание. Потому что я плохой друг и плохая сестра.

Сглотнула горький комок в горле и села на пол, уперев затылок в холодную стену и прикрыв глаза.

«Давай, Джей! Молодец! Расклеивайся окончательно! Это последнее, что тебе осталось! Забить на всё и сброситься с этой вышки к чёртовой матери! У тебя ведь есть целая очередь желающих найти Кристину. Кто-нибудь обязательно сделает это за тебя!»

— Я читал твою карту, — вдруг сказал Чейз, глядя в сторону леса.

Подняла голову:

— Ты читал мою медицинскую карту?

— Ту, что Кира оставила Дакиру.

— Я поняла, спасибо за подробности. Что тебе понадобилось от моей карты?

— Я должен знать, что за объект живёт на одном этаже с моим отрядом и с некоторых пор входит в моё окружение, — говорил так, словно некролог читает. — В твоём паху шрам от ножевого. Как ты его получила?

— Какое тебе на хрен дело? — Кира! Зачем она вообще написала в карте про этот шрам?!

Чейз повернулся ко мне лицом, опустив руки в передние карманы штанов.

— Какое? — Голос казался холоднее зимнего ветра. Он облизал губы и слегка склонил голову набок, глядя из-под бровей. — Почему собственность банды работала в каком-то баре? Это там тебя пырнули?

Ни один мускул на моём лице не дрогнул. Вот и всё. Кажется, моя скорлупа дала трещину. Ведь Чейз жил в Скале, он знает, что там и к чему, рано, или поздно он должен был над этим задуматься. Только вот он не в курсе, что и я много чего о нём знаю.

Хорошо, пойдём тем же путём, что и он.

— А с чего ты взял, что собственность банды не может работать в баре? Ты был в Скале? Много знаешь?

— Выключай дурочку. Ты в курсе, что у нас там есть свои люди.

— И сколько посылок от ваших людей было уделено информации об элитных шлюхах Скверны? — Я криво ухмыльнулась, хотя тело пробивал холодный пот. Меньше всего мне хотелось, чтобы Чейз, узнав правду, решил научить меня летать, скинув с этой вышки.

Чейз сделал шаг в мою сторону, и я почувствовала себя маленькой и жалкой сидя на полу и взирая на этого огромного парня снизу-вверх.

— Я повторю вопрос: почему ты работала в баре? Почему ты вообще где-то работала?

— Решила сменить профессию.

— Откуда шрам в паху?

Я молчала.

— Ранение могло быть смертельным, — с нажимом продолжал Чейз.

Он что, сомневается в том, кем я была? Или может в подлинности татуировки?

А может быть знает что-то ещё и пытается вывести меня на чистую воду?..

— Где ты его получила?

Что ж, пожалуй, расскажу:

— Рядом с бойцовской ямой.

Новый поток ледяного ведра ударил в лицо, и я поёжилась.

Чейз не издал ни звука, превратился в каменную статую. Даже моргать перестал.

Минуты превращались в вечность.

— Что там делала такая, как ты? — наконец спросил.

— Пришла посмотреть, — дёрнула плечами. — Как и все. Меня привёл мой... тот кто... тот, кому я принадлежала. Я не любитель, знаешь ли, подобного вида зрелищ. Там что-то произошло, началась паника и во всей этой суматохе, кто-то решил вспороть мне живот.

Он не верил. Он знает что-то ещё! Точно знает!

— Зачем вспарывать живот простой шлюхе? — просто поинтересовался Чейз.

Я крепко стиснула зубы. Он специально это делает! Словно ему просто нравится выводить меня из себя. Хотя, по сути, для него слово «шлюха» — факт, — название профессии. Как и для всех. Словно он и не подозревает, что этим можно оскорбить.

— На мне были украшения, побрякушки всякие, думаю, они срочно кому-то понадобились. Я ответила на твои вопросы? Можешь отвалить?

— Понадобились побрякушки? После Конца света? Серьёзно?

— Это моё предположение. И я думаю, оно верное. Вору со стажем сложно избавиться от привычек, даже в Новое время. В баре многие ими расплачивались, и его владелец довольно-таки часто принимал такую оплату.

Какой же бред я несу!

— Ладно, тогда как ты оказалась в баре, если носила побрякушки и была всем обеспечена?

Ах ты ж, скотина.

— Когда мой... мой покровитель умер, он подарил мне так называемую свободу. — И это было правдой!

— Ты врёшь! — А это подобно удару ножа. Глаза Чейза сузились. Хочет подловить меня. — Ты врёшь, потому что вообще отвечаешь на мои вопросы, при этом, не посылая к чёрту и не называя кретином.

— Иди к чёрту, кретин!

— Однажды ты мне всё расскажешь, — бросил он, насмехаясь. — И тогда... {я} буду тем, кто тебя пошлёт.

Теперь я уверена — он что-то знает! И лучшее, что я сейчас могу сделать, это промолчать.

А потом Чейз отвернулся и на резком выдохе сменил тему:

— Ронни хочет тебя видеть.

— И ты лично мне это передаёшь?

Взглянул на меня из-под тяжёлых бровей:

— У меня нет выбора, ты, чёрт возьми, слишком понравилась этому мальчишке. И ты отлично знаешь, что я по этому поводу думаю!

Я выдержала паузу:

— Зайду к нему завтра.

— Не забудь перед этим помыться. — Сказал так, словно от меня воняет за километр! Хотя, может и воняет, Кира пока запрещает мне принимать душ. Так и довольствуюсь мокрой тряпкой и мыльным раствором.

— Почему сегодня факелы не горят? — спросила, поднявшись на ноги. Хорошо помню, как ярко они светились в ночном небе, когда я сидела на мотоцикле за спиной у Чейза.

— Зима. Мы не можем принимать людей, пока не пополним запасы. Факелы привлекают внимание.

— Ты такой душка, когда способен нормально отвечать на вопросы, — сказала излишне серьёзно.

Вот так вот. Он и я. Стоим лицом к городу, который, как считается, собрал в себе лучших из лучших: убийцу-раба для бойцовской ямы и элитную шлюху с меткой на руке.

С новым порывом ветра я уловила запах гари. Кто-то распалил костёр? Сжигают мусор? Нет. Ох, НЕТ!

— Чейз! Лес горит!

Огромные языки пламени за нашими спинами облизывали чёрное небо, проглатывая звёзды. Адское пламя, разверзнувшееся чёрт пойми откуда поглощало один участок леса за другим! Жар бил в лицо, дым уже начал проникать в лёгкие и вызывать кашель.

Хреново дело.

Чейз поднёс рацию к губам:

— Пятый отряд, группа А, направиться к первому и второму участку северной стены, прочёсывать там всё! Никого не выпускать из домов! За стеной горит лес! Группа Б — третий и четвёртый участки! Группа Д — пятый и шестой. Группа Ф — седьмой и восьмой! Рассредоточились! Лукас!

— Слушаю, Чейз.

— Быстро доложи Дакиру, пусть поднимает другие отряды! Живо!

— Я на пути в штаб!

Горело всё. Буквально всё! Больше это был не лес, он стал огненным морем без конца и края. Кто же это устроил? И для чего? Чтобы мы задохнулись от дыма? Не глупо ли?

— Натяни куртку на нос! — рявкнул на меня Чейз и потянул к лестнице.

— Дай мне пистолет! — закричала я.

— Что? — Остановился, лицо напряжено, как никогда, в изумрудных глазах отражается огненное море. И он на самом деле не понимает, зачем мне оружие!

— По-твоему это обычный пожар?! — закричала я. — Кому надо устраивать пожар за стеной?! Только если дым окажется ядовитым, мы все покроемся волдырями и захлебнёмся в собственной рвоте! Это нападение!

Чейз медлил. Он глядел на лес и на меня, на лес и на меня.

— Если из-за нас поднимут ложную тревогу, Блейк потом сожрёт тебя со всеми потрохами.

— Ложную тревогу?! Как, по-твоему, загорелся лес?! — орала я. — Зайчик, или белочка чиркнули спичкой?! Или это твари пашлык жарили в разгар зимы и забыли потушить костёр?! Очнись, Чейз! Разлепи глаза! Это нападение!

«Чейз! Да ты ещё и тупой!»

Он не шевелился!

Вырвала рацию у него из рук.

— Поднять тревогу! Сейчас же! Это приказ! — заорала я в маленькую коробочку.

— Кто говорит? — раздалось в ответ.

Чейз выхватил у меня рацию и поднёс к губам.

— Командир пятого отряда. — Безотрывно сверлил меня глазами. — Поднять тревогу, это нападение.

Глава 20

Через пару секунд в Кресте раздался вой сирены, такой оглушающий, что я с трудом подавила желание зажать уши руками.

Ещё недолго Чейз над чем-то раздумывал, не двигаясь с места, затем схватил меня за руку и толкнул на спусковую лестницу.

Бойцов — так я в итоге прозвала тех, кто охраняет город, — становилось на улицах всё больше. Они загоняли любопытных жителей обратно в дома, обыскивали каждый уголок в поисках тварей, но их нигде не было. Должны ли быть? Не было ничего кроме пылающего в огне неба за северной стеной, и дыма густым туманом заполняющего каждый сантиметр территории Креста. Он заставлял кашлять и задыхаться, но ветер был достаточно сильный; помогал разгонять дым, прежде чем он поднимался до смертельного уровня. Если только...

— Из чего сделаны стены?! — закричала я, догоняя Чейза, который мчался куда-то в центр города. — Огонь не перекинется на них?!

— Нет!

Но что-то было не так. Вся эта атака казалось слишком глупой, даже для тварей. Ведь если это они подожгли лес, зачем-то они это сделали! А дым не способен здесь всех уничтожить!

— Ветер северный, он гонит огонь к стене! — раздалось из рации Чейза.

— Где Дакир? — прокричал Чейз в рацию.

— С первым отрядом. Все были направлены к северной стене.

Я остановилась, вертя головой из стороны в стороны, словно перед глазами вот-вот мелькнёт ответ на главный вопрос — зачем этот пожар был организован? И вот он, пожалуйста — ответ!

Рванула за Чейзом и, вцепившись в локоть, попыталась развернуть к себе, но он отшвырнул меня, как крохотного котёнка и помчался дальше.

— Не лезь под руку! — ещё и рявкнул напоследок.

Ненавижу себя. Помчалась вдогонку.

— Что питает эту вашу паутину?! — закричала ему в спину. — Что даёт ток?!

Чейз не реагировал и снова говорил с кем-то по рации.

Да чтоб тебя!

Выхватила рацию у него из рук и силой толкнула в грудь.

— Что даёт ток для барьера?! — яростно заорала я, обливаясь потом.

На какое-то мгновение показалось, что его кулак уже говорит привет моему лицу, но вот взгляд Чейза резко прояснился и он как волчок стал крутиться на месте, глядя из стороны в сторону. И я знала, куда он смотрит! Дошло наконец!

— Это солнечные батареи, да? — закричала я, тыкая в огромные пластины, установленные на гигантских кронштейнах на весьма приличном расстоянии друг от друга. — Они по всему периметру стоят?! Чейз! Это солнечные батареи питают барьер?!

Чейз сурово взглянул мне в лицо:

— Не поверишь — это целая солнечная электростанция.

Конечно — солнечная электростанция! Что могло быть проще?

— И где находится главный источник питания?

Чейз мочал. Кажется, до него итак всё дошло, но я просто обязана была сказать это вслух:

— Где центр управления этой вашей солнечной электростанцией?! Где находятся аккумуляторы?!

Мне не нужен был ответ: в его зелёных глазах, отражающих полыхающее огнём небо, было итак всё написано — у северной стены!

— Это ловушка, — тихо произнесла я.

— Пламя охватило северный участок стены! — заговорила рация в моей руке, — но до батарей ей не добраться! — Шипение. — Никому не прикасаться к стене, всем покинуть вышки, скоро на ней можно будет жарить яичницу!

— Аккумуляторы не выдержат такой температуры, — произнёс Чейз, глядя на одноэтажное здание позади себя. — Они выйдут из строя, и тогда...

— И тогда ваша замечательная паутинка превратится в отличную лестницу. Как я и говорила! — закончила за Чейза, но его уже не было на месте, он бежал в сторону здания с большими металлическими воротами.

Это оказался «загон» для мотоциклов! Чейз оседлал железного зверя и тот почти что вырвался на свободу, когда я запрыгнула на заднее сидение. Чейз даже спорить не стал, сейчас каждая минута была на счету.

Мы мчались в южную сторону города, туда, где паутина с внешней стороны стены накалится от пожара ещё не скоро, или вообще не накалится. Я ведь до конца не знаю, как тут у них всё устроено.

— Аккумуляторы рядом со стеной?! — закричала я, впиваясь одеревеневшими пальцами в край сидения.

— Почти, — отозвался Чейз. — Они встроены в неё.

Я почти рассмеялась:

— Что за дебил их туда встроил?!

Мотоцикл так резко остановился, подняв с земли гигантское облако пыли вперемешку с первым снегом, что я практически свалилась наземь. Боком точно проехала. Чейз тут же рванул вперёд.

— Это южная стена? — закричала я, в попытке за ним угнаться.

И да, это была южная стена, противоположная северной. Мрачная, почти незаметная в ночном мраке. В этой части города как будто все вымерли, на улицах ни души; кое-где в домах тускло горит свет, но никто не пытается выйти посмотреть, с чего это вдруг была поднята тревога. А сирена оглушительным воплем сотрясала морозный воздух, вынуждая перепонки дрожать от постоянного напряжения. Здесь пахло пожаром, но дым не заставлял задыхаться, здесь снег большими хлопьями опускался на землю, превращая её в белый холст, который расстилал невидимый художник, готовящийся нанести первые штрихи кроваво-красной кистью.

— Дай мне пистолет, — глядя на стену напряжённым взглядом, потребовала я у Чейза, но он не отвечал, смотрел на самый верх, туда, где на высоте тридцати метров находились две сторожевые вышки.

Сама протянула руку и взялась за рукоять его пистолета, но из кобуры достать не успела — Чейз схватил меня за запястье и резко опустил вниз.

Смотрела на него круглыми не верящими глазами:

— Ты что, совсем законченный подонок?! Дай мне оружие! Мне же надо как-то защи...

— Тихо! — зашипел Чейз и кивнул вверх.

Каждая клеточка моего тела только что умерла и превратилась в пепел, потому что зрелище, которое приходилось лицезреть было сценой из самых настоящих фильмов ужасов. Они... сотни мерзких тварей с бледными, словно фосфорными лицами и оголёнными участками тела, перелезали через стену, как самые настоящие чёртовы Спайдер-мены. Одни оказывались возле сторожевой вышки и тут же начинали спуск по лестнице. Другие привязывали концы верёвок к выступающим пикам на вершине стены и скользили по ним вниз. У некоторых даже имелись верёвочные лестницы, длинной с высоту стены. Хотите сказать, что у тварей имеется такой инвентарь? Никогда не поверю. Их кто-то готовил к этому!

Чейз что-то бурчал сбоку, но я как загипнотизированная наблюдала за этим безумным знамением смерти и ничего не могла расслышать, даже не пыталась. Ожила только когда его рука оказалась в моём переднем кармане штанов и вытянула оттуда рацию, при этом её владелец буквально втапывал меня взглядом в землю. Словно это я подожгла лес и выдала каждой твари по лестнице.

— Дакир! Дакир, мать твою! Ответь!!! — Ещё ни разу не слышала, чтобы этот парень кричал так громко.

— Где тебя носит, Чейз?! — раздался из радиации голос Дакира.

— Быстро направляй все отряды к южной стене! Сейчас же! Пусть берут всё оружие и прыгают в грузовики! Быстро всех сюда!!! Тут твари переваливают через стену, и я понятия не имею, сколько их с той стороны!

— Уходи оттуда! — закричал Дакир, а дальше его голос превратился в шипение.

Твари мчались на нас, уродуя прекрасное белое полотно снега, оставляя на нём грязные разводы. Их бледные лица становились всё ближе, кажется, даже их запах выиграл схватку с запахом гари и сейчас выворачивал мои внутренности наизнанку. Что-то холодное коснулось руки, и в ней оказался пистолет. Чейз не смотрел на меня, он смотрел на тварей, видимо составляя в уме самые неблагоприятные для Креста прогнозы. Возможно, прикидывая, сколько в итоге окажется жертв, да и вообще уцелеет ли хоть кто-нибудь.

Первая тварь была ещё далеко от нас, когда я подняла пистолет и выстрелила ей в голову — полотно невидимого художника получило первый мазок красной кистью.

Мотоцикл ревел под нашими телами и ехал обратно — к северной стене. Можно было не гадать — твари кинутся к наибольшему скоплению людей. Сирена завывала в ушах, ветер живьём сдирал кожу с лица, а кисти рук я вообще не чувствовала. Я не могла держаться за Чейза, имела право держаться только за край сидения, если не хотела оказаться на земле, считая над собою звёзды... или тварей.

Дакир садился за руль одного из грузовиков, когда наш мотоцикл с визгом остановился. Густой дым пожара снова проникал в лёгкие и заставлял им давиться. Лица многих бойцов скрывали противогазы, другие довольствовались мокрыми тряпками.

— Возвращайся в свою комнату, — приказал Чейз, стаскивая меня за локоть с мотоцикла.

Я уставилась на него взглядом сумасшедшего:

— Прости, приятель, но я где-то потеряла своего плюшевого мишку и не могу без него вернуться.

Лицо Чейза перекосило.

— Эй, ты, иди сюда! — крикнул он одному из бойцов, которому на вид было не больше семнадцати, — отведи её в казармы!

Отшвырнула от себя руку Чейза и шагнула к машине Дакира.

— Я тоже еду. — Уселась на свободное сидение; почти свободное — втиснулась между кем-то из ребят.

И в отличие от Чейза, Дакир спорить не стал; мотор заревел, и колонна грузовиков двинулась в южном направлении на всей скорости.

— У вашей этой солнечной электростанции есть резервный генератор?! — заорала я, перекрикивая вой сирены и рычание моторов.

— Над этим сейчас работают, — выкрикнул Дакир, не оборачиваясь. — Сам он не пришёл в работоспособность! Наши люди устраняют поломку!

— Если они не запустят его в ближайшее время, с той стороны стены сюда заберутся все твари на ближайшие несколько сотен километров!

Дакир не ответил, потому что и сам это прекрасно знал.

От внезапной атаки тварей справа наш грузовик занесло и повалило на бок. Отовсюду доносилась стрельба, не стихала ни на секунду.

Вылезла из грузовика на четвереньках и быстро обследовала лицо на наличие повреждений. Их не было, отлично, пока что я не превратилась в кровавый маячок, только если спина вновь не начала кровоточить.

— Рассредоточиться! — кричал Дакир. — Защищать людей! Не дать им прорваться в центр!

Я знала, что большинство жилых кварталов находится именно там — в центре, но и в южной стороне их не мало. Твари проламывали двери домов и скользили внутрь, как паразиты. Люди кричали. Женщины и дети. Мужчины вооружились, чем не попадя и пытались защитить свои семьи, но без огнестрельного оружия это получалось слишком плохо. Пробить голову твари граблями — хорошо, вот только она не умрёт сразу и ещё успеет заразить обидчика, вцепившись зубами в ногу, или куда-нибудь ещё.

Я оборонялась со всеми наравне. Стреляла в каждую фосфорную физиономию, до тех пор, пока патроны в обойме не кончились. Последняя тварь, которая меня настигла получила удар с ноги в челюсть и отлетела назад, нарисовав телом чёрную дорожку на белом снегу.

Чёрт, как же они воняют. Меня вот-вот вывернет наизнанку.

Бросилась к поваленному на бок грузовику, молясь, чтобы там осталось хоть какое-нибудь оружие. «Люгер», заряженный, и две гранаты Ф-1. Уже что-то.

Сзади на меня кто-то, или что-то налетело, и я распласталась на снегу, как морская звезда. Новый удар ещё сильнее впечатал в землю окончательно. Сумела перевернуться и стряхнуть с себя чьё-то тело. Это был боец, тот самый — не старше семнадцати лет, которому Чейз велел отвести меня в казармы. И если бы я согласилась, возможно, сейчас этот парень был жив, и одна из тварей не отрывала бы кусок мяса от его груди.

Выстрелила ей в лоб.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Запомните, хотите убить тварь, стреляйте в голову, или в основание шеи, где находится

щитовидный хрящ, любой другой выстрел не убьёт её. Точнее убьёт, но через какое-то время, от потери крови, или чего другого. Для твари это пустяк — они не чувствуют боли, они следуют инстинктам до последнего вздоха.

— Их слишком много! Они продолжают лезть через стену! — закричал один из бойцов.

— Не отступать! Сдерживать до последнего! — А это был голос Дакира.

Отбежала к соседнему грузовику и прильнула спиной к задней стене кузова, подарив себе минуту на то, чтобы отдышаться.

«Давай, Джей, соображай. Как их вытравить отсюда, пока они не сожрали и не превратили в себе подобных всех этих людей? Ну же! Глубокий вдох. Что делала Скверна? Что?!»

— Пятый отряд рассредоточиться вдоль южной стены, не давайте им ступать на землю! — Это был шум волн. Нет, это был самый настоящий шторм в океане! — Снайперы! Снимайте их, как только они появляются из-за стены! Как меня поняли?!

Чейз был рядом с соседним грузовиком: одной рукой мочил тварей из пистолета, а второй отдавал приказы по рации. Струйки чёрной крови сбегали с его правого виска и скатывались по шее, исчезая под воротом куртки.

Запах. Тварь слева. Выстрел из «Люгера» и новый взрыв красок окрасил полотно художника. Ещё одна — на три часа. Выстрел, прямо в открытый рот, тварь упала и больше не шевелилась.

Слотнула. Голова кружилась. Приступ рвоты больше не возможно было подавлять и меня вырвало прямо себе под ноги и прямо на глаза у Чейза.

Тварь. Бежит на него. Выстрел из «Люгера». Сдохни.

Тварь на одиннадцать часов. Выстрел. Смерть. Новый приступ рвоты. Сама себе поражаюсь, как могу стрелять и попадать в предобморочном состоянии. Я никогда не могла спокойно вдыхать их запах. Он выше моих сил. Он убивал меня лучше любой пули и лучше самой твари.

Тварь. На девять часов. Ещё одна прямо за ней. Два выстрела — два попадания. Я схватилась на живот и сползла практически в свою блевотину.

Сапоги. Большие и чёрные. Рядом со мной. И я точно знаю, что это не тварь. Это Чейз. Он присел передо мной на корточки и быстро водрузил мне на голову противогаз.

— Всех меченых учат так стрелять? — Услышала его приглушённый голос.

— Ага, по абонементу. — Не знаю, слышал он меня, или нет. Кажется, слышал, потому что уголки его идеальных губ приподнялись в слабой улыбке.

— Я скажу Кире, что у тебя проблемы с желудком.

— У меня нет никаких проблем, — я поднялась на ноги, — всё просто отлично.

Тварь. На восемь часов. Я подняла пистолет, но Чейз успел выстрелить первым.

— Наверное, абонемент стоил кучу денег, — бросил он, отступая обратно к грузовику.

Что это? Шутки шутит?

Взрыв. Такой мощный, что волной меня подкинуло в воздух и отбросило в сторону, больно ударив об асфальт. Из глаз посыпались искры. Спину будто разорвало пополам. Скрипя зубами подняла голову: грузовик остался где-то очень далеко.

В ушах теперь звенела моя собственная сирена. В горле появился привкус крови. Кажется, я прикусила язык, очень сильно, потому что он уже распух. Звёзды перед глазами танцевали вальс.

Кто-то где-то бежит. Кто-то кричит. Женщина. Так пронзительно, что ей удаётся

перекричать не только мою собственную сирену в ушах, но ещё и ту, что надрывается уже минут сорок.

Села. Стёкла противогаза запотели. Содрала его с головы и отшвырнула в сторону. Женщина защищала детей — мальчика и девочку лет восьми, — прятала их за своей хрупкой спиной и отступала к дому, а на встречу к ним двигались три хищника — три твари. Я настолько быстро подпрыгнула с земли, что тут же грохнулась обратно, ударившись животом о бордюр и выпустив дух. Голова кружилась так сильно, что не могла понять, какой из трёх домов перед глазами настоящий.

Где «Люгер»? Его нет. Выронила при взрыве. Остались только гранаты.

Сжала в потной ладони одну и бросилась к молящей о помощи женщине. Но я опоздала. Замерев на пороге дома, наблюдая, как женщина и дети извиваются на полу и корчатся от боли, ещё пытаюсь отбиться от тварей, которые нещадно отгрызают куски от их худых тел, я просто приросла к полу, проклиная мир, проклиная себя, за то, что не успела.

— Пожалуйста, помогите! — вопила женщина, её обезумевшие от страха и боли глаза смотрели в мои — пустые и безликие.

Я помогу им. Прямо сейчас. Избавлю их от боли и мучений.

Выдернув чеку из гранаты, швырнула прямо в кучу из тел, мяса и крови, успев отбежать на несколько метров, прежде чем ударная волна подобрала меня и отшвырнула к поваленному на бок грузовику.

Сильно закашлявшись, перевалилась со спины на живот, сплёвывая кровь и проклиная Землю, что не убила в тот проклятый день всех до единого. Что оставила кучку отбросов вроде меня отрабатывать за все грехи человечества.

Глаза, в который всё прыгало, кружилось и плясало, сумели взглянуть в нужном направлении: твари всё ещё спускались вниз со стены, их было слишком много, если так будет продолжаться и дальше, если барьер не запустят в самое ближайшее время, город Крест превратится в пристанище тварей.

Шатаясь, поднялась на ноги, подобрала винтовку М16 — выдрала из рук бойца без головы, — и вернулась к обстрелу любителей человеченки.

Их слишком много. Я не успевала переводить дыхание; всё стреляла и стреляла, отбрасывая от себя зелёные тела источающее отвратительный смрад. Сейчас я сильно пожалела, что выбросила противогаз. А ещё, у меня кончились патроны.

Твари подавляли нас количеством, заставляли двигаться назад, отступать к самым заселённым кварталам, в сторону сектора обороны и сектора пищевой промышленности.

— Барьер включён!

— Барьер включен!

— Барьер включён! — Эти заветные слова разлетались по воздуху, как эхо.

— Барьер включён! — Люди передавали их друг другу, всё дальше, извещая каждого, призывая собрать остатки сил в кулак для последней зачистки. Надо поднажать.

Южная стена быстро опустела, больше никто не мог залезть на паутину не получив удар током. Остались только те, кто успел проникнуть в город, но даже их ещё было слишком много.

Огромная группа тварей появилась из темноты, я выдернула чеку и швырнула её прямо в центр толпы. Взрыв, и нас накрыло дождём из крови и конечностей.

— Ты молодец! — Кто-то хлопнул меня по плечу. Этого бойца я видела впервые. На самом деле во всём Кресте я всего-то и знаю, что парочку физиономий, и то, малоприятных.

Раздалось шипение, и рация на нагрудном кармане бойца заговорила:

— Второй отряд, группы А и Б, приказываю возвращаться в сектор обороны! Они прорвались! Повторяю: они прорвались! Нам нужно подкрепление!

Всё что помню дальше, это то, что я будто бы вижу себя со стороны, и внезапное замедление всего, что происходит вокруг. Помню, как вырываю винтовку из руки солдата, медленно... безумно медленно, и бегу обратно к северной стене, в сектор обороны. Останавливаюсь, подбираю с земли пистолет и бегу дальше. Бегу, хоть и знаю, что бежать придётся слишком долго. Но моя личная сирена в голове завывает с новой силой, разрывая её на части, вопя всего лишь одно слово — Ронни. Он там. И его некому защитить. Если только в это мгновение Чейз не прыгнул на мотоцикл и не помчался на помощь брату. Но Чейз из пятого отряда, а сообщение передавалось второму и я совсем не уверена, что его слышали все бойцы.

Время казалось вечностью; я всё бежала, как заклинание, повторяя про себя слова: «Они не тронут его. Не тронут этого мальчика. Я успею!» А перед глазами стояло лицо Кристины. То, как я не успела, как не смогла её защитить, как её у меня забрали.

Мокрые, пропитанные потом волосы, липли к шее и лицу. Дым от лесного пожара больно царапал лёгкие. Кашляла и задыхалась, порезы на спине горели адским пламенем, но я бежала.

Четырёхэтажное здание. Медицинский корпус. Толкнула дверь ногой и помчалась по лестнице вверх. Громкие шаги эхом мощных барабанов отражались от стен и потолка.

Первый этаж. Второй. Третий. Четвёртый.

Открыла дверь и налетела на тварь — женщину лет сорока, с зелёной кожей, красными глазами и запахом тухлых яиц. Она повалила меня на спину и открыла рот, обнажив острые как бритвы, но простой человеческой формы, зубы. Почти вцепилась мне в шею, когда я выстрелила ей в висок, размазав мозги по всему лестничному пролёту.

Дальше — коридор. Двери палат открыты, больные за ними стонут, плачут и зовут на помощь. Кто-то тихо завывает от боли, кто-то орёт так, будто ему под ногти вонзают иголки. Но у меня нет на них времени. Мне надо найти маленького и очень больного мальчика.

Дверь его палаты открыта. Кровать пуста. Окна закрыты. Крови нет — хороший знак, тварь расправилась бы с ним на месте.

— Ронни! — закричала я. — Ронни, это я — Джей!

Но мальчика не было в палате, не было под кроватью, не было в шкафу.

Я не успела. Его забрали? Паника. Лицо Кристины перед глазами. Её белокурые волосы улыбка...

— Ронни! — Горло болело от крика, но я продолжала громко вопить, быстро шагая по коридору, открывая дверь в каждую палату. — Ронни! РОННИ!

Одна из тварей ещё пыталась ползти. Выстрелила ей в затылок.

— Помогите!

— Мне нужна помощь, меня укусили...

— Пожалуйста...

Никому из них я не могла помочь, я не была обязана. Я искала Ронни...

На третьем этаже его тоже не оказалось.

Спустилась на второй, здесь было тихо и пусто: или всех убили, или здесь изначально никого не было.

Фонарик Чейза пригодился только сейчас. Достав его из нагрудного кармана, открывала

каждую дверь и направляла луч света в палату, продолжая звать Ронни. И я нашла его. В самой последней комнате, забившегося в угол и трясущегося с ног до головы не пойми от чего: это приступ, или ему просто страшно?

Тугой узел в груди немного ослаб, и я бросилась к мальчику. Взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть на себя.

— Ронни! Ронни, это Джей, слышишь меня? Ты не ранен? — Глаза быстро обыскивали каждый сантиметр его тела: на пижаме пятен крови нет, лицо чистое, не считая мокрых от слёз щёк.

— Джей, — звонко пискнул он, дрожащим голосом. — Я спрятался сюда, как только подняли тревогу. Что с... всех убили? Да?

Я притянула его к себе:

— Ты молодец, молодец, что спрятался.

— Где Чейз?

Я не знаю, где Чейз.

— Скоро придёт. Нам надо уходить.

— Джей...

— Т-с-с! — зашипела я и зажала рот Ронни ладонью.

Кто-то бежал по коридору. Одна пара ног. Две. Три. Бойцы? Хорошо бы, но боюсь, что нет.

— Ронни! — Вновь взяла его лицо ладони, заставляя смотреть в глаза и внимательно слушать. — Сиди здесь, в этом углу, и не шевелись до последнего, даже когда я начну стрелять, не шевелись, понял?! Закрой глаза, зажми уши и замри! Не двигайся, чего бы тебе это не стоило.

Комната слишком маленькая. Если буду знать, что Ронни сидит в углу и не двигается, ни одна из моих пуль никогда туда не полетит, но в комнате темно, и если он решит сойти с места, боюсь, что не смогу за этим уследить.

Прильнула спиной к противоположной стене и подняла пистолет. Ронни тихонько плакал. Я глубоко дышала, почти не моргая, концентрируя всё внимание на дверной ручке.

Дверь с грохотом открылась и ударила о стену. Первая тварь молниеносно кинулась к Ронни, потому что его маленькое тело в углу было первым, что бросалось в глаза. Задержать дыхание. Выстрел. Тварь ничком рухнула к ногам Ронни.

Вторая тварь, повинуясь стадному инстинкту и голоду, тоже бросилась к мальчику. Выстрел. Она упала, придавив своим телом первую. Между этим и следующим выстрелом не прошло и трёх секунд: тварь дышала мне в лицо, я развернула пистолет и выстрелила ей в подбородок, размазав мозги по потолку.

Стало тихо. Вонь заполнившая комнату готова была снова вывернуть меня наизнанку. Я подхватила Ронни с пола и закинула к себе на плечо, сомневаюсь, что сейчас он способен идти. Его тело сотрясилось крупной дрожью, и он постоянно что-то бормотал.

— Вот так, парень, сейчас мы найдём место, где не так грязно. — Он оказался лёгким, слишком лёгким для своего возраста.

Выбежала на лестничный пролёт, когда сверху донёсся топот бегущих ног. Ускорилась. Раздался звук ударяющего о пол твёрдого предмета, кажется Ронни, что-то выронил.

— Джей...

— Нет времени, парень!

Мы нырнули в пустой кабинет, всё ещё сохранивший в себе отголоски школьных

времён. Я усаживала Ронни на один из стульев, когда мальчик пронзительно закричал:

— Сзади!

Тварь. Она была здесь?! Откуда вылезла?! То, что когда-то было высоким мужчиной средних лет, вцепилось в меня своими холодными пальцами и потянуло к себе. На долю секунды, показалось, что его зубы впились мне в руку, чуть ниже плеча, но мне ведь только показалось? Ударила его локтем в челюсть и следом пустила пулю в голову.

— Он укусил тебя! — Этот голос принадлежал не Ронни. В дверях комнаты стоял боец, он тяжело дышал, его светлые волосы были сильно взлохмачены, глаза выпучены. Он был молод, а ещё вооружен.

Он шагнул в кабинет и направил на меня дуло пистолета. Он всё ещё не мог отдышаться. Спешил на помощь? Что ж, опоздал.

Я не шевелилась.

— Джей... — Этот жалобный стон принадлежал Ронни. — Джей, беги, он убьёт тебя, у них приказ.

— Он укусил тебя?! — прогремел голос парня; он кивнул на мою левую руку, которая начинала странно пульсировать в одном месте.

Кажется, меня и вправду укусили.

Быстро взглянула на своё предплечье: куртка разорвана, плоть обнажена и истекает кровью из-за круглого отверстия похожего на след от зубов.

Без каких-либо эмоций взглянула на бойца. Дуло его пистолета всё ещё таращилось в мою сторону.

— Да, похоже, меня попробовали на вкус, — сухо произнесла я, крепко сжимая пистолет в правой руке. Ноги на ширине плеч. Дыхание ровное и глубокое.

— Прости, у меня приказ. Тебе уже не помочь. Если не я, то кто-нибудь другой это сделает.

— Ты убьёшь меня?

— У меня приказ. — Его голос был твёрд, как сталь и я знала — он сделает это. — Потом на тебя не станут переводить пулю, я сделаю тебе одолжение. Это будет лёгкая смерть. Мне жаль.

И время опять замедлилось. Я видела, как напряглась его рука, готовая нажать на курок. Выстрел сотряс стены помещения, и пуля попала точно в цель — в сердце. Только это был мой выстрел. Из моего пистолета. Моя пуля.

Я только что убила человека.

Глава 21

— Джей... Джей... — Я не сразу поняла, что этот голос принадлежит Ронни. Он был судорожным, слишком судорожным.

Бросилась к Ронни, заглядывая ему в глаза.

— О Боже, парень... — У него начался приступ.

Нет. Нет. Только не сейчас!

Даже в темноте было видно, как его губы синеют, становятся почти чёрными. Свистящее дыхание было прерывистым, он не мог вдохнуть полной грудью. Завалился на бок

и стал задыхаться! Из всех степеней тяжести бронхиальной астмы его случай самый тяжёлый — Кира мне это подтвердила. Любой из приступов мог стать следствием комы, или даже иметь летальный исход. Здесь нет необходимых лекарств для поддержания его удовлетворительного состояния. В Кресте даже аллерголога со слов Киры нет! Откуда ему тут взяться?!

— Ронни! Ингалятор! У тебя был ингалятор! — Я лично его видела! — Где он? Он закончился?

Ронни не мог ответить, он задыхался. Умирал.

Он выронил что-то. Когда мы бежали по коридору.

Точно...

Выскочила за двери и помчалась в обратном направлении, пытаюсь обнаружить на полу маленький спасительный флакончик. Чёрт! Да где же он?!

Что-то подфутболила ногой; хорошо, что не наступила. Это он!

Подхватила с пола ингалятор и бросилась обратно. Быстро уложила голову Ронни к себе на колени и сделала ингаляцию.

— Ну же, дыши... Давай.

Мальчик смог вдохнуть. Он смог. Он не умер... Не умер... Я успела.

Позволив себе закрыть глаза, откинулась затылком на холодную стену и протяжно выдохнула.

Чёрт побери эту ночь.

— Джей...

— Всё хорошо, малыш.

— Джей. Кто-то ещё идёт.

Я настолько вымоталась, что не сразу услышала топот ботинок по коридору.

Видимо отдых мне не светит.

Приняв боевую позу, выставила перед собой пистолет, загородив своим телом Ронни, и почти нажала на спусковой курок, когда в помещение влетел высокий парень с растрёпанными каштановыми волосами и холодными зелёными глазами, которые впервые за всё время выглядели напуганными.

Не знаю почему, но даже когда я узнала в человеке Чейза, всё равно продолжала держать его на мушке. Пот застилал глаза, руки тряслись от напряжения, но я не могла их опустить, они не слушались, задеревенели.

— Джей, это Чейз, — просипел сзади Ронни. — Не стреляй в него.

«Не стреляй в него.»

Не стрелять? А разве он в меня не выстрелит? Я ведь укушена. У них приказ. Я и западне.

Чейз был собран. А при виде живого Ронни его возбуждённое напуганное состояние вернулось к привычному: спокойному и сосредоточенному.

Я держала его на мушке, стиснув зубы и готовая ко всему.

Чейз заметил убитого мною бойца с дырой в груди и долго смотрел на него. Затем перевёл тяжёлый взгляд на меня, обыскивая глазами каждый сантиметр моего тела, что в полумраке было не так уж и просто. И он заметил. Это ведь Чейз.

Твёрдо посмотрел мне в глаза:

— Опустит оружие.

— Чейз не убивай её! — Ронни оказался ближе, чем я думала. Его голос дрожал, на этот

раз от слёз. — Джей спасла меня! Они... они бы сожрали меня, ты ведь знаешь! — Он запинался на каждом слове. Я не отрывала глаз от Чейза, была наготове.

— Но другая тварь была здесь, она успела укусить Джей! Потом пришёл этот солдат... И этот ваш приказ... Убивать зараженных. Но её нельзя убивать, ты понимаешь?! У меня был приступ, и Джей нашла ингалятор! Она снова спасла меня! Чейз! Она спасла меня, когда тебя чёрт знает, где носило!!!

Казалось, что последние его слова вонзились в стену и ещё долго-долго звенели, как столовое серебро, повторяя каждую произнесённую букву. Снова и снова.

Чейз убрал пистолет в наплечную кобуру, медленно прошёл к двери и также медленно её закрыл.

— Иди сюда, — подозвал брата и когда тот оказался рядом крепко обнял, потрепав за волосы. — Ты не ранен? Тебя не тронули?

Я медленно опустила пистолет. Не буду же я держать Ронни под прицелом.

— Я же сказал, что нет! — Ронни с силой отшвырнул от себя руки брата.

Чейз коротко вздохнул, его лицо преисполнялось виной:

— Я искал тебя, парень.

— Отвали, Чейз! — кричал Ронни, тыча в меня пальцем. — Я в порядке! Она — вот кому нужна помощь! И если не хочешь, чтобы я до конца жизни ненавидел тебя, помоги ей!

Кажется, у меня закружилась голова — первый симптом заражения. Второй симптом — сухость во рту, тоже есть. Что дальше? Лихорадка. До этой стадии мой организм ещё не дошёл.

Кто-то коснулся моей руки. Чейз стоял всего в полуметре и разглядывал укус на предплечье, через дыру на разодранной куртке и его взгляд не говорил ничего хорошего.

— Если не я, то они убьют тебя, — произнёс он очень тихо.

— Спасибо, я уже в курсе. — Привалилась здоровым плечом к стене, опустила голову, и глубоко вздохнула.

Плохо дело. Всё хуже и хуже.

— Хочешь, чтобы это случилось через сутки, когда ты на сто процентов превратишься в одну из них?

Головокружение мешало сосредоточиться, выходило на какой-то сверх уровень, когда уже не понимаешь где верх, а где низ.

Сколько передо мной Чейзов? Пять? Десять? Похоже на калейдоскоп с мрачными пятнами.

— Слышишь меня? — Он резко вздёрнул моё лицо за подбородок, и я также резко приставила к его виску дуло пистолета.

— Говорила же: когда-нибудь я верну себе оружие.

— Джей, что ты делаешь? — Голос Ронни был паническим.

— У неё помутнение рассудка, — спокойно ответил ему Чейз, не сводя глаз с моего лица.

— О, нет. Ещё нет, — смешок невменяемой вылетел изо рта. — Как ты там меня называл? Освежи-ка в памяти.

— Убери, — велел Чейз полусшепотом, — или стреляй.

— Я не подарю тебе такую лёгкую смерть, — сползла вниз по стене и бросила пистолет у своих ног.

Кажется, Ронни выдохнул. Глупый, я бы ни за что не убила этого придурка на его глазах.

Коридор снаружи наполнялся голосами. Сейчас сюда зайдут новые бойцы, увидят укус и пристрелят меня. Говорила же, что умру не в Скале.

— Вставай. — Одним рывком Чейз поставил меня на ноги. — Раздевайся.

— Что? — неуверенно усмехнулась.

Послышалось? Он наклонился к моему уху и зашептал:

— Я помогу тебе только потому, что здесь Ронни. И только потому, что ты спасла ему жизнь. Но я надеюсь тебе не надо объяснять, как обстоят дела. За сутки, через которые ты превратишься в тварь, никто не изобретёт волшебное лекарство. Другой дороги нет, ты заражена, инфекция уже в тебе. И так как ты находишься в Кресте, а не за стенами в обществе тварей, в живых тебя никто оставлять не станет. Мы не плодим тварей и не выпускаем их за ворота, кем бы они ни были раньше. Мы убиваем их. И тебя тоже убьют, потому что ты уже сейчас практически тварь.

Он пристально посмотрел мне в глаза, будто желая добавить что-то ещё, но так и не решился: отошёл на шаг назад и расстегнул замок на своей крутке.

— Раздевайся, я сказал.

Непослушными пальцами сделала то, что он велел. Не стала спорить и задавать вопросов. Мне это было не нужно. Да и голова настолько сильно не соображала, что голос Чейза был единственной точкой опоры, за которую я цеплялась, чтобы не потерять сознание.

Осталась в одном топе и протянула ему свою куртку. Чейз забрал её, оторвал широкую полосу ткани от своей футболки, оголив несколько стальных кубиков пресса и косые мышцы живота образующие шикарную букву V, и туго перевязал ей рану на моём предплечье. Затем отдал мне свою куртку с целым рукавом, а сам нацепил мою; размером они не сильно отличались — обе были огромными.

— От меня не отходить, ясно? — отдавал команды он, а я всё провожала размытым взглядом тёмную полосу сбегающую от его пупка вниз; прячась за поясом штанов. — Поменьше шатайся, делай вид, что просто вымотана. Не задавай вопросов и не отвечай на них. Сигнал тревоги ещё не стих, они добивают последних, это наш шанс попасть в казармы незамеченными.

— Поняла, — пробормотала едва слышно, глядя в эти бездонные глаза, которые я так ненавижу и которые так сильно гипнотизируют.

И вот опять. Он застыл. Вид такой, будто собирается сказать что-то ещё, но не может себя заставить. Кажется, даже взгляд его потеплел. Или это у меня слишком сильное помутнение рассудка?..

— Пошли, — толкнул меня вперёд.

Не помню как, но мы оказались в его комнате. Чейз велел сесть на кровать и не двигаться до его возвращения.

Дверь хлопнула и в замочной скважине раздался щелчок.

Большие хлопья снега кружились за окном, словно и не было адской ночи. Они казались слишком идеальными, чтобы укрывать собой обезображенные тела. Они были слишком чистыми, чтобы касаться грязной плоти. Но благодаря им в комнате было светло и это было своеобразным облегчением, потому что сейчас мне совсем не хотелось сидеть одной в темноте.

Комната Чейза оказалась такого же размера, как и моя — такая же маленькая, она не оправдала моих фантазией по поводу двухуровневых апартаментов. Единственной разницей

была ещё одна дверь рядом с входной и, если честно, сейчас мне плевать, что за ней находится.

Села на стул и уткнулась локтями в колени. На кровать я бы ни за что не села — в комнате всё ещё витал дух Марлин. А что если они и на стуле это...

Чёрт.

Сползла на пол и больше не шевелилась до возвращения Чейза.

— Прости, я потеряла шапочку, что ты одел мне на вышке, — сказала, ещё до того, как Чейз закрыл дверь.

Что сказала?

Он промолчал. Счёл, что я брежу.

— Где Ронни? — сипло спросила, после того, как он повернул ключ в скважине.

— В безопасном месте.

— Ты опять его оставил?

Чейз остановился напротив меня и присел на корточки. Сейчас его лицо казалось просто уставшим, мрачным, перепачканным.

— Мне уйти? Тебе не нужна помощь? — тихо спросил он.

— О, так ты выбрал меня. Как приятно.

— Я могу прямо сейчас от тебя избавиться и уйти к брату.

Заглянула в его недовольные глаза: просто, легко, безо всякого вызова и желания размазать по стенке, и даже слегка приподняла губы в улыбке. В ответ брови Чейза сдвинулись, он ещё недолго пытался сообразить, что происходит, но затем резко поднял меня с пола и расстегнул молнию на моей куртке.

Я снова осталась в одном топе, ощущая себя практически голой. Это странно, но даже в таком, почти убитом состоянии, первое, о чём я подумала это как выглядят мои подмышки. Надеюсь, с ними всё в порядке.

За ещё одной дверью оказалась тесная ванная комната. Такая тесная, что мы стояли почти вплитирку друг к другу. Чейз зажёл свечу и поставил на крохотную тумбочку. Снял пропитанный кровью кусок ткани с моего предплечья и промыл рану над раковиной, какой-то жидкостью в прозрачном пузырьке. Затем пропитал чем-то кусок белой ткани — по запаху похоже на спиртовой раствор, — и начал аккуратно обрабатывать края рваной раны.

От резкой боли упёрлась лбом ему в грудь, с силой прикусив губу, чтобы не завывать, как раненый зверь. И не издала ни звука.

У Чейза даже чистый бинт оказался в наличии, которым он впоследствии перевязал мне руку. Не понимаю. Зачем он всё это делает, если сам сказал — я почти тварь. Зачем переводит медикаменты? Ронни здесь нет. Он ничего не увидит и ни в чём не сможет упрекнуть брата. Чейз прямо сейчас мог бы пристрелить меня, а через сутки сказать мальчишке, что я стала тварью и от меня избавились.

Но мне нужны эти сутки. И я готова умолять Чейза, чтобы он дал мне их.

Он закрыл за нами дверь ванной комнаты и кивнул на кровать. С тяжёлым вздохом я присела на край стола.

— Что там на улице? Когда уже сирена заткнётся? — мой голос был до такой степени слабым, что я сама его еле слышала. И, кажется, меня начинало лихорадить. Лихорадить, в смысле — трясти от холода. Потому что при заражении этим чёртовым вирусом температура тела стремительно опускается и может достичь отметки в 34 градуса.

Другими словами, более научными — это сепсис, заражение крови. Бактерии в крови

стремительно размножаются, нервной системе скоро должен прийти конец, терморегуляция нарушена. Я ведь уже говорила, что немного шарю в медицине? В общем, мой организм отравлен.

— Перечисли симптомы, — голос Чейза всё ещё был способен прорваться в моё помутнённое сознание.

— Ладно, — он шумно вздохнул, — просто кивай. Сухость во рту?

Кивок.

— Головокружение?

Кивок.

— Слабость?

— Не видно?

— Озноб?

Кивок.

— Ломота в суставах?

Кивок.

Тошнота?

Кивок. Хотя сегодня меня тошнит всё время.

— Разве тебе не нужно ко всем? — О, я ещё способна найти глаза на его мрачном лице. — Ты ведь должен быть с отрядом.

Чейз так и не ответил ни на один вопрос. Недолго думая подхватил меня на руки и уложил в постель.

Я начала брыкаться:

— Нет, спасибо! Я не буду лежать в постели, в которой ты трахал свою подружку.

— Замолчи, — и это даже не прозвучало грубо. — Просто замолчи. Пока тебя никто не услышал.

От такой внезапной перемены в его голосе я не могла не замолчать. Мой распухший язык просто не знал, что на это ответить.

Чейз присел на край кровати и запустил руку в свои взъерошенные волосы. Он выглядел... растерянным.

Это из-за меня что ли?

— Когда ты меня им сдашь? — спросила, едва шевеля губами.

Ответ меня ещё больше обескуражил:

— Я не сдам тебя.

Его руки... кажется они дрожат. Или это у меня перед глазами всё трясётся?

Чейз резко поднялся на ноги и принялся мерять комнату шагами.

— Лекарство изобретаешь? — Я всё ещё способна шутить, хотя вспышки в глазах говорят лишь о том, что лучше бы мне заткнуться.

Когда Чейз загородил своим идеальным телом окно, стихла сирена, что говорило о том, что тварей в городе перебили, ну, почти перебили, одна из них всё ещё лежит здесь и дышит.

На какое-то время я потеряла сознание, а когда очнулась меня бил такой сильный озноб, что единственным звуком нарушающим тишину в комнате был звук клацанья моих зубов. Чейз укрыл меня единственным имеющимся здесь одеялом, хотя наверняка знает, что даже тысяча таких одеял не избавит меня от холода.

Он был здесь. Он не ушёл. Он не спал и, кажется, даже не собирался отдыхать после ночи смерти и безумия. Сидел напротив на стуле, уперев локти в колени, и не сводил

пронзительно-зелёных глаз с моего лица. О чём он думает?

— О чём ты думаешь? — Думаю это одни из моих последних слов на сегодня.

Он не отвечал, просто продолжал пристально изучать моё почти мёртвое лицо. Так, будто бы впервые увидел. Так, будто бы и не было между нами той неприязни заставляющей постоянно осыпать друг друга проклятиями.

— Что с лицом? — прохрипела и сильно закашлялась; кажется, зараза добралась до лёгких. — Ты ведь мечтал от меня избавиться... Хотел, чтобы я исчезла.

Он перевёл тяжёлый взгляд на свои руки, будто бы и их увидев впервые, а его следующие слова прозвучали совсем тихо, почти беззвучно:

— Сказал бы мне сейчас кто-нибудь, почему я больше этого не хочу...

И тишина. Везде. В комнате. В моей голове.

Может, я всё ещё сплю? Или у меня начались галлюцинации...

Разве не эти слова я хотела от него услышать? Не о них ли я даже втайне от самой себя мечтала? Не знаю, что было раньше. И сейчас не время себе в этой признаваться. Потому что ситуация абсолютно неподходящая. Ситуация, когда он не должен говорить таких слов.

Наверное, пора рассказать, пока Чейз не сказал чего-нибудь ещё, о чём впоследствии сильно пожалеет. А он пожалеет! Это я точно знаю! И я не хочу, чтобы он возненавидел меня ещё сильнее, если это конечно возможно.

И опять у него такой вид, словно он тщетно пытается заставить себя что-то произнести. Что-то важное.

— Джей...

— Чейз... — Мы одновременно назвали имена друг друга и я даже дышать перестала.

— Что? — хрипло спросил он.

Что происходит? Что творится сего лицом, с глазами?.. Где равнодушие? Где каменная маска? Пусть немедленно вернётся на место! Сейчас он не должен быть таким! Потому что я собираюсь открыть страшную тайну, которая ему точно не понравится!

Он даже по имени меня только что назвал!

И это плохо.

— Чейз... — сглотнула сухой комок в горле и почему-то ощутила укол вины. — Чейз я... в общем, — откашлялась, — в моей комнате лежит книга, она там одна, если будет интересно возьми почитать. Дело в том что... что, чёрт... Дело в том, что... меня... меня уже кусали.

«Вот так. Молодец, Джей. Начало положено. Самое страшное сказано, продолжай и дальше пялится в потолок и шевелить языком.»

— В Скале. Моё ДНК... я не... я не восприимчива к вирусу. Это всё какой-то долбаный иммунитет. Лейкоциты в моей крови примерно через сутки убьют клетки заразы, и я... со мной всё будет в порядке. Мне просто нужны эти сутки. Мне просто нужно переболеть... Потому что я никогда не стану тварью. Я просто не могу ею стать.

Глава 22

Вам было интересно, зачем в своём и без того переполненном рюкзаке я таскаю книгу Докинза «Эгоистичный ген»? Что ж, от неё и в правду пришла пора избавиться, там

написано много чего занимательного, но ответа на свой вопрос я так и не нашла. Просто там не написано про вирус и тварей, а я, кажется, должна была стать одной из них, когда зелёный дым наполнял лёгкие и что-то делал с молекулами моей ДНК двенадцать лет назад.

Мне не было с кем поговорить на эту тему, пришлось выстраивать свою цепь логических догадок и единственное к чему я пришла, это было умозаключение о том, что я тоже стала уродом, только другим.

Как бы это объяснить...

Мой организм не дал отпор заразе, как например, дал организм моей матери. Молекулы моей крови приняли вирус, переварили его и видоизменились — не просто оттолкнули. И я изменилась. Я в каком-то роде тоже стала тварью, только цвет кожи остался прежним и людей я не ем. И всё-таки я считаю себя таким же переработанным мусором, над которым поглумилась природа, потому что быть обычным человеком я точно перестала.

Как я впервые узнала о том, что не могу заразиться?

Это случилось в одну из ночей на первом году моей работы в бойцовском клубе. Яма, в которой проходил бой, находилась практически у самого подножья стены. Ну про стены Скалы я уже рассказывала — они очень и очень далеки от идеальных. Твари напали в самый разгар второго раунда. Кровь, куски плоти, вопли, бегущие люди, давящие друг друга. Думаю, не стоит уделять всему этому много внимания; то ещё было зрелище.

Всё что я должна была делать — это бежать. Мне ни к чему было выполнять работу банд и пытаться перебить тварей. Пусть сами её выполняют, а меня дома ждала Кристина, я должна была быть рядом с ней.

Не знаю, как я её не заметила — женщину с «фосфорным» лицом. Наверное, недостаток сна так сказался на моём состоянии. Она напала со спины и вонзила острые зубы прямо в то место внизу затылка, где ещё растут волосы, но уже есть мягкое основание шеи. Тогда я быстро скинула тварь с себя и перерезала ей горло, оставив голову болтаться на позвоночнике, но было поздно — меня заразили.

Я добрела до дома, пока Скверна не успела сцапать инфицированную, лишь для того, чтобы попрощаться с Кристиной и уйти. Я не знала, что будет с ней дальше и как она выживет без меня, на какие средства будет есть и где будет спать, но больше я ничего не могла сделать. Я была вынуждена оставить её. Ради неё самой.

Только я не ушла. Кристина не позволила. Да и состояние у меня, по правде говоря, было такое, что я бы даже уползти не смогла. Симптомы вы знаете. Меня накрыло с головой. Я всунула Кристине в руки нож и сказала, чтобы она вонзила мне его в шею, как только мои глаза нальются кровью, или кожа позеленеет. Но до этих физических признаков твари, тело не стало мутировать. Видоизменённые при вспышке зелёного дыма клетки моей крови просто переболели заразой и выплюнули её обратно. Или просто прожевали и бесследно растворили в организме. Словно у меня была банальная простуда, которая прошла за сутки. Молекулы моей ДНК оказались просто непробиваемыми для вируса, который превратил около миллиарда людей в подобие зомби.

Я просто встала с кровати и единственное отличие, которое появилось у меня в сравнении с предыдущими днями моей жизни, это ещё не затянувшаяся рваная рана у основания черепа, которая могла превратить меня в монстра, но не превратила. Тогда я и поняла — это потому, что я уже им была, я была монстром.

Рана со временем затянулась и благодаря густоте волос её практически невозможно заметить. Ведь даже Кира при первом осмотре её не увидела. Впрочем, она и искала-то

свежие раны, а не давно забытые шрамы, которые могли являться следствием укуса от человеческих зубов.

И даже сейчас, когда на меня вновь напали, это опять случилось со спины. Спина вообще моё болезненное и слабое место во всех смыслах!

Если бы не Ронни, Чейз бы убил меня. Он никогда бы не пожалел того, кто безвозвратно превращается в тварь. Мне не понятно лишь то, почему он с таким усердием обрабатывал мою рану? Чтобы новоиспечённая тварь не дай Бог не подхватила ещё какую-нибудь инфекцию?.. И этот его «новый» взгляд... Мурашки по коже! Он никогда на меня так не смотрел. Может быть, после сегодняшней ночи он что-то во мне разглядел? Может после того, как я нашла его брата?.. Я убила бойца — человека. Возможно даже хорошего человека, но, даже Несмотря на это, Чейз притащил меня к себе в комнату и провёл рядом с кроватью, на которой я боролась с вирусом, половину ночи.

Этот ли Чейз настоящий? Тот, кем я хотела его видеть?

Имеет ли это значение, после того, что он узнал? Нет. Не имеет. Потому что я не нормальная, я сломанная, как он и говорил. Я тоже монстр, и теперь он это отлично понимает. Потому что ни один человек не может остаться человеком после укуса твари. Только если этот человек изначально ею не был.

Чейз либо сдаст меня, либо пристрелит, пока моё тело будет биться в судорогах, уничтожая яд, борясь с простудой.

Глава 23

Он сдал меня.

Когда я проснулась в следующий раз, снова была ночь — прошли сутки. Только это больше не было комнатой Чейза. Помещение, в котором я находилась, было до боли знакомым — это была моя больничная палата. Но кое-что всё же поменялось. Новый элемент декора появился в этом до рвоты осточертевшим мне помещении: правое запястье моей руки украшал металлический браслет, а другая часть этого браслета была пристегнута к изголовью кровати.

Он сдал меня. Сукин сын. Лучше бы пристрелил.

Теперь их научно-исследовательский сектор будет разбирать меня на атомы, чтобы превратить моё тело в лекарство, или нечто подобное. Проще говоря, я стану подопытной крысой, и даже это произойдёт после того, как Блейк превратит мою и без того не весёлую жизнь в Кресте в ад крошечный.

«Шлюха, да ещё и тварь!»! Ха-ха.

Каждая мышца в теле болела так, словно я только что вернулась с марафона. Рана на предплечье была спрятана под толстым слоем бинта. Раны на спине ныли. Во всём остальном я чувствовала себя отлично! Простуду как рукой сняло. В первый раз было также.

— Я нашла его.

От неожиданности подпрыгнула на койке и ощутила резкую боль на запястье, от того что в кожу врезались наручники.

Тихонько выругалась.

— Если бы я не была пристегнута, я бы убила тебя за это! — прорычала я Кире, сидящей

на стуле в дальнем углу палаты, как мраморная статуя. Руки скрещены, одна нога закинута на другую, на лице круглые очки отражающие свет огней с улицы, из-за чего вместо глаз видны только два горящих стёклышка. И ещё она чертовски меня напугала.

— Я нашла его, — повторила Кира тем же деловитым тоном.

— Теперь и ты разговариваешь со мной так же, как и большинство местных подонков? — Я сумела подняться повыше, чтобы лучше её видеть. — Что ты нашла?

— Шрам, — Кира говорила тоном престарелого учёного. — Шрам от твоего первого укуса. Рана была не большая, но прилично глубокая, и если бы не твои волосы я бы и раньше его заметила.

Я шумно выпустила воздух из лёгких и откинулась обратно на матрас:

— Ладно, и что теперь? Повесишь мне бирку на шею с номером подопытного кролика?

— Это не мне решать.

— Понятно. Совет пришёл в восторг от такой возможности, да? Особенно Блейк! Наверное, в штаны наложил от радости, что наконец-таки сможет выпустить мне кишки. А Чейз... тот вообще урод конченный.

— Моё мнение об этом уроде сильно изменилось, когда он принёс тебя ко мне.

От её тона буквально передёргивало.

Я приподняла голову:

— Будь добра, выруби тон криминалиста, тебе реально не идёт! Этот урод принёс тебе идеальный подопытный образец, разумеется, твоё мнение о нём изменилось! Неожиданно, вы оказались родственными душами, да? Какая прелесть.

— Да. — Кира плавно поднялась со стула. — В этом наши мнения с ним совпали.

Я невесело усмехнулась. Когда же этот дурдом под названием «жизнь» закончится?..

— Он принёс тебя ко мне семь часов назад, сказав, что ты пошла на поправку после укуса твари. Представляешь мою реакцию? — Кира остановилась на достаточно безопасном расстоянии от меня, с по-прежнему сложенными на груди руками и излишне самоуверенным видом.

— Я решила, что он головой ударился, пока не показал укус на твоём предплечье. Тогда я взяла у тебя кровь на анализ и в ней действительно присутствовали молекулы ДНК твари, — их зараза, — только очень мало. Но больше я и не думала сомневаться в том, что ты заражена и страдаешь именно от этого.

Я устало вздохнула:

— Спасибо тебе, Кира, но если честно, всё это меня сейчас не сильно интересует.

Кира выждала паузу:

— Как ты себя чувствуешь?

— Исследования начинаются? — Я горько усмехнулась.

— Мне нужно знать, чтобы отметить это в твоей карте, потому что Совет будет просматривать её на суде.

— На суде? — мой голос поднялся на две октавы. — Меня ещё и судить будут за то, что какой-то там чёртов дым испоганил мою ДНК?

Да это самая большая нелепость на свете!

— Тебя будут судить вместе с Чейзом, потому что он убил солдата, который не был заражён, но почему-то напал на тебя и, даже откусил кусок от твоей руки.

Я зависла.

Что?

Так Чейз не сдавал меня Совету?

Кира не сдавала меня Совету?

Я прочистила горло, вытряхивая из головы остатки сомнения и села повыше:

— Постой-ка. Что это ещё за история такая?

Наконец Кира расслабила плечи и опустила руки по швам. Только вот теперь она выглядела, как перекрученная в стиральной машинке половая тряпка, которую забыли отжать.

Она села в конец моей койки и закинула ноги на матрас, выпустив изо рта тяжёлый вздох облегчения, словно давно уже мечтала так сделать.

— Ты же не станешь меня убивать? — смерила меня взглядом.

— Только если ты сейчас же расскажешь, что происходит.

— Ничего необычного, что, конечно же, является враньём. — Кира широко зевнула, прикрыв рот ладонью, и продолжила:

— Потому что ты сама — это уже что-то сверхнеобычное. Ну а по нашей версии... ты просто сумасбродная засранка, которая находится в Кресте на временных правах, которая единолично на глазах у кучи очевидцев перерубила за сотню тварей. Которая нашла Ронни — больного мальчика и спасла его от смертельной участи. А ещё, хоть это возможно и превратит тебя в кусок вонючего дерьма, как ты сама себя недавно назвала, но ты стала жертвой нападения обезумевшего, слетевшего с катушек солдата, который принял тебя за тварь и пытался убить. Вы дрались, да-да, Ронни свидетель, а потом ты применила к солдату захват, тогда-то он и откусил от тебя кусок плоти, не придумав ничего лучшего для самообороны. А Чейз вырвал тебя из его охапки и выстрелил бедняге в грудь. И да будет тебе известно, сейчас анализ твоей крови чист, как хрустальная слеза, так что никто из Совета даже не задумается над тем, что возможно, этот укус принадлежит твари. Кровь солдата тоже чиста, я взяла анализ, пока Чейз измазывал его зубы твоей кровью. Так что вот такая вот сказка получилась, нравится?

Я долго молчала, пытаюсь понять что чувствую, из-за того, что по моей вине, какого-то молодого парнишку превратили в съехавшего с катушек умалишённого. И которого, кстати, я, а не Чейз, убила. Понятное дело я ощущаю себя дерьмом, но опять же — этого требовало выживание. Не я его, так он меня. Таков Новый мир, не я его придумала. И к пулям у меня, к сожалению иммунитета не имеется.

Мрачно глядела на Киру:

— Но ты, конечно же, знаешь, что ваш план — дерьмо?

— Конечно, знаю, — усмехнувшись, дёрнула плечами Кира. — Поэтому и будет суд и поэтому на тебе сейчас эти наручники. Ваше дело было быстро составлено по моей просьбе и под моим чётким руководством, и за это ты тоже должна сказать мне отдельное спасибо. Пока что у Совета хватает дел, им надо разобраться с телами и прочими беспорядками, которые принесла прошлая весёлая ночь, но как только им станет скучно, поверь, твоё с Чейзом дело будет первым, что попадёт Блейку в руки. И кстати, Дакирлично приказал взять вас под стражу. Убийство солдата кем-то не с родни твари, для него также не пустой звук. Так что прямо за этой дверью стоят ребята, которым велено стрелять на поражение, если ты попытаешься сбежать. А другие такие же ребята сейчас развлекают красавчика Чейза, который отсиживается в камере временно содержания. Помнится мне, ты тоже её как-то посещала...

Что?

Я громко фыркнула:

— И в чём подвох?! Не поделишься, с какой это такой безграничной радости, Чейзу помогать мне? Почему из-за какой-то чужачки он сейчас под арестом?

— А почему я тебя не выдала, тебя не интересует? — изогнула бровь Кира.

— О тебе мы потом поговорим.

Кира вздохнула и поправила указательным пальцем очки на носу:

— Я не знаю. Сама догадывайся... Ты ведь спасла его брата?

— Ну, что-то вроде...

— Вот тебе и ответ — он тебе благодарен. — Кира громко фыркнула. — С ума сойти!

Чейз умеет быть благодарным!

Да я сама в шоке.

— И он даже не был зол, когда принёс меня? — не сдавалась я, ища подвох.

— Что? Зол? — Кира сузила глаза и усмехнулась. — Да он сам на себя не был похож!

Жаль видеокамеры остались в прошлом, это надо было заснять! Всё спрашивал точно ли ты идёшь на поправку? Шлялся туда-сюда, как заведённый, на нервах моих и без того потрёпанных играл! Потом потянул к этому солдату, пока его никуда не убрали...

— Но зачем он вообще меня сюда принёс? Я имею в виду — к тебе.

Кира в очередной раз широко зевнула и снова уставилась на меня:

— А ты как думаешь, не было ли бы подозрений, по нашей новой версии случившегося, если бы раненую тебя, пострадавшую в схватке с солдатом, Чейз не отвёл бы в медицинский корпус, а понёс отлёживаться в свою комнату? Я — твоё алиби, девочка. Совет мне доверяет. После того, как Чейз привёл тебя ко мне, я обработала рану, дала попить успокоительной травки и отправила спать, как и остальные три сотни выстроившихся ко мне в очередь за помощью. Так что запомни эту версию: ты была здесь, а Чейз — со своим братом. Понятно?

Понятно?.. Да, весь этот бред мне понятен, в отличие от мотивов дикаря Чейза!

— Зачем он вообще со мной возился и торчал у кровати?.. — озвучила я свои мысли тихим бормотанием под нос.

— Спросишь это у своего принца при первой же встрече, я тебе не информационное бюро и на кофейной гуще не гадаю. Знаю только, что первое, о чём он подумал, после твоих слов про исцеление — ты бредишь. Но твоя кожа всё никак не начинала зеленеть, а лихорадка спадала, сердцебиение приходило в норму, тогда-то он и понял, что ты и не думала шутки шутить, и решил что раз тварью тебе не стать, то скрывать тебя в его комнате, особенно учитывая последние события, явно не вариант. Вот и притащил тебя ко мне.

— Откуда он знал, что ты меня не выдашь?

Кира прищёлкнула языком.

— Выдать мисс-острый-язычок, которая самого Блейка выставила на посмешище и врезала по морде терминатору Чейзу? Не-е-ет, подруга, я ещё не выжила из ума. С тобой слишком весело, чтобы этого лишаться. Я бы не смогла спокойно наблюдать, как научно-исследовательский корпус превращает тебя в овощ, отрезая кусочек за кусочком. — Кира хищно улыбнулась. — Я лучше сама это сделаю!

Я скривилась:

— Жду не дождусь.

— Я буду нежной.

— С трудом верю.

Кира тихо рассмеялась, но быстро смолка, словно допустила ошибку и не имела права

на смех. В глазах её стоял траур.

— Много жертв?

Кира кивнула:

— Это просто кошмар какой-то. Подсчёты ещё ведутся, но тел уже больше трёх сотен, это если не считать убитых тварей и инфицированных людей, которых до сих пор изолируют. А ведь есть ещё и те, которые сидят дома и ни за что не признаются, что их укусили. Сейчас отряды Дакира обшаривают все дома. Совет достал перепись населения, убитых помечают, всем живым приказано явиться на осмотр. Не явишься — они сами за тобой придут.

Кира судорожно вздохнула и сняла с лица очки. Её глаза казались застывшими.

— Через три часа снова начнётся дурдом, а я даже не спала. Впервые за всю историю Креста произошло нечто подобное. Слушай, — она взглянула на меня с придиркой, — может ты ведьма и прокляла тут всех нас? С твоим появлением на город обрушилась череда несчастий.

— О, поверь, я с удовольствием свалю отсюда, если это снимет проклятье! — заверила я. — Вот только чем больше пытаюсь, тем сильнее здесь застреваю.

Кира с угрюмым видом поджала губы.

— Как Ронни? — спросила я. — В порядке?

— Нет, Джей, ничего не в порядке. Последний приступ был очень сильным, мальчик ещё больше ослаб. И... его ингалятор, это последний, и он почти пуст. Чейз ездил за ним в Де-мойн, тогда, когда подобрал тебя. Больше в том городе не осталось необходимых для лечения Ронни медикаментов, всё давно растаскали, и не только мы.

— А другие города?

— Ближе Де-мойна ничего нет, всё стёрто с лица земли.

— Что, с ним совсем плохо?

Кира с большим чем того требовалась усердием почесала голову, взлохматив волосы ещё больше:

— Похоже, что бронхолёгочная инфекция усилилась — температура тела повысилась. Мы больше всего старались этого не допустить, но... У нас ничего нет для его лечения. Даже обычные физиотерапевтические процедуры мы проводить не можем — у нас нет аппаратов. А обычно их назначают в период обострения.

— С его степенью заболевания твои процедуры ничем не помогут. Ему нужны лекарства. У него кожа синюшного цвета!

— Знаю. Болезнь прогрессирует. А мы даже рентген грудной клетки сделать не можем, чтобы убедиться, что не происходит её расширения. Ему нужна длительная терапия, инъекции, таблетки, ну или хотя бы ингаляции.

— Чейз знает? Что последний ингалятор скоро можно будет выбросить?

— Догадывается, — Кира с силой потёрла лицо ладонью. — Крест-Крестом, Совет-Советом, правила их эти... а-а-а, плевать! Надо вытащить вас из этого дерьма как можно быстрее и срочно что-то делать, иначе пацан умрёт.

Потом Кира в требовательном порядке попросила рассказать меня о первом укусе, о моей реакции на зелёный дым и так далее. В общем, я рассказал ей всё тоже самое.

Ещё она посоветовала вести себя спокойно, и когда охранник придёт меня проверить, не буйствовать и не дай Бог, не пытаться его убить. Тогда он снимет наручники и мне не придётся около двух недель валяться на кровати пристёгнутой. А может и больше. Чтобы

разгрести то, что натворили твари, оценить ущерб, похоронить убитых, и убить инфицированных... Кажется на всё это может уйти гораздо больше четырнадцати дней. Только если Блейк не решит разгрузиться, когда увидит дело об убитом Чейзом, точнее мною, бойце и не явится сюда, чтоб повеселиться.

В следующий раз Кира почтила меня визитом лишь через несколько дней. Новостей не было. Она обработала мне спину и руку, перевязала предплечье чистым бинтом и спешно удалилась. Пациентов после нападения тварей было хоть отбавляй.

Несколько раз в день из-за окна доносился голос из громкоговорителя, вещающий о том, что если вы были укушены, или оцарапаны, то нужно немедленно обратиться за помощью к медицинским работникам. Их палатка находится на площади и принимает всех раненых днём и ночью. И, оказывается, бояться совершенно нечего! Добрые доктора обо всём позаботятся, то есть — посадят в клетку и ликвидируют.

Два раза в день приносили еду. Обычно это делал охранник, но иногда и Кира под видом необходимости в перевязке. Она-то и рассказывала обо всём, что происходит в городе. Жертв нападения, включая убитых и заразившихся около тысячи мирных жителей и это всего-то из десяти тысяч живущих в Кресте человек. Хотя после того, как Земля безжалостно стряхнула с себя несколько миллиардов, эти цифрыкажутся лёгким испугом. Интересно, как Совет избавится от инфицированных? Или уже избавился... Ведь, как известно заражённые уже через сутки становятся похожими на тварей — достигают точки невозврата. Через двое суток их мозг окончательно деградирует, органы разрушаются, а через четыре-пять дней в них просыпается инстинкт убийцы, точнее желание отведать человеческой плоти превращает их в тварей.

На шестой день моего заключения, с позволения Киры, охранник отвёл меня к душевым кабинкам с дождевой водой и разрешил помыться. Кира перед этим даже обмотала рану на руке чем-то вроде целлофана и приказала сильно не мочить спину. Нормальные люди греют воду, но только не бойцы из сектора обороны: эти отмороженные на всю голову и зимой и летом моются здесь, клацая зубами и говоря привет пневмонии.

На седьмой день новостей касательно «Нашего дела» не было. Ещё не известно, попало ли оно вообще в руки Совета. У тех и без него дел по горло.

Но на восьмой день, когда скука уже почти сожрала мой мозг и нагло облизывала пальчики, за дверью раздался глухой стук, а затем на пороге палаты появилась запыхавшаяся и покрасневшая Кира. Она так тяжело дышала, что ещё некоторое время вообще не могла говорить. В одной её руке находился мой старый выцветший рюкзак, а в другой... пистолет?!

— Это ты вырубил охранника?! — Я не верила глазам!

Кира. Вырубил. Охранника. Только что.

Она бросила рюкзак на пол, засунула пистолет в карман белого халата и ухватила охранника за подмышки.

— Эй, давай помогай! Чего смотришь?! — рявкнула она.

— Восхищаюсь, — искренне выдохнула я; Кира в моих глазах превратилась в блик ослепительного света.

Помогла втащить в палату вырубленного Кирой бойца и принялась обыскивать его: пистолет, армейский нож, электрошокер... Электрошокер? Как хорошо, что я вела себя послушно.

— Не хочешь объяснить, что происходит? — осведомилась я, быстро натягивая свои любимые чёрные штаны из термоткани и свитер на три размера больше — Кира принесла

мои вещи.

Она трясущимися руками протянула мне кожаную куртку.

— Какой у тебя размер обуви? — нервно пробубнила она, стягивая с солдата ботинки.

— Разве это имеет значение, если ты всё равно собралась на меня их напялить?

Ботинки были велики, но они всё же лучше, чем мои — дырявые со стоптанными подошвами.

— Откуда у тебя пистолет? — Мне больше не было весело.

— Я хоть и врач, но не размазня сопливая! — яростно отчеканила Кира и вручила мне оружие. Теперь у меня их два — пистолета. — В рюкзаке есть кое-что из еды на первое время. Дальше придётся крутиться.

— Что? Что происходит? А как же суд?

— Забудь про суд! — Голос Киры был слишком высоким. Глаза, как два теннисных мячика. — Это твой шанс! Ты реально веришь, что Совет купится на эту сказку для умственно отсталых?! Если бы они были такими дебилами, то не управляли бы городом! И сомневаюсь, что после убийства человека ты отделаешься всего двумя ударами плетью. За это светит смертная казнь! Так что либо ты, либо Чейз, скорее всего, лишится головы. И я почти уверена, что это будешь ты!

Я всё равно ничего не понимала:

— Какой шанс?! Как мне попасть за ворота?! — Мне передавался её нервоз.

— Вместе с Чейзом! Ронни умирает! Ну, или точно умрёт, если в ближайшее время не получит лекарство. Ле-кар-ство! А не какой-нибудь долбаный ингалятор, который кроме привыкания ничего больше не вызывает!

Кажется, воздух в помещении похолодел на несколько градусов. И я уже сама догадалась, что происходит.

— Чейз, — выдохнула я, предчувствуя худшее. — Он сбежал?

Кира выпрямилась, провела рукой по зачёсанным назад волосам, несколько раз вздохнула и посмотрела на меня другими глазами — сосредоточенными, уверенными:

— Слушай внимательно, Джей. Это твой билет на свободу. Я рассказала Чейзу про Ронни, потому что это моя обязанность — ставить родных в известность. Я не могла не рассказать, когда мальчик находится в таком плачевном состоянии. Но я понятия не имела, что Чейз так взбесится! Думала он и меня вместе с охраной в пол впечатает! Он озверел! Я, конечно, не на шутку перепугалась, но его можно понять, ведь кроме него за лекарством Ронни никто не поедет. А Чейз под следствием, то есть его ни за что бы никто не выпустил. Это всё, что ему оставалось. Ты ведь понимаешь. Сейчас он где-то на пути к гаражам. Ты знаешь, где гаражи? Сразу за казармами — оружейные, кирпичные здания выкрашенные в синий. За оружейными — ряд гаражей, ты их сразу увидишь! Ты должна бежать за Чейзом и умолять, чтобы он взял тебя с собой. Хотя бы вывез за ворота Креста.

— Чего? — Это несуразица. — Он ни за что не возьмёт меня с собой!

— Значит, постарайся, чтобы взял! Умоляй! Что хочешь делай! Блейк уже едет сюда, и по слухам, он ни на секунду не поверил в нашу сказку.

Кира стукнула меня по плечам:

— Тебе нужно отсюда выбраться, или нет?! Я что, зря стараюсь?! Шевелись, давай!!!

Точно. Мне нужно выбраться. Нужно!

Приняла из рук Киры рюкзак, вооружилась электрошокером, но остановилась перед

дверью.

— Кира...

— О-о, Джей, вот только давай без этих сопливых прощаний, окей?

— Я даже не смогу тебя отблагодарить.

— Не переживай, девочка, у меня есть образец твоей крови, а это лучший подарок.

Выбраться с медицинского корпуса оказалось самой лёгкой задачей, а вот пробегая мимо казарм, пришлось затормозить. Если бы у меня только были ключи от наземных тоннелей, мне бы не пришлось бежать в открытую, чувствуя себя зайцем в сезон охоты, и не пришлось бы буквально налететь на человека с самым мерзким на свете лицом и отвратительным сиплым голосом.

Замерла. Прошаривая глазами каждый закоулок — ища путь к гаражам. А что если Чейз уже уехал? Тогда я сейчас сама себе рою могилу.

— Ничего себе! Какая приятная неожиданность! Ты пришла нас встретить, Джей из Скалы? — скользко улыбаясь, засипел Блейк, кажется, даже не удивившись тому, что я нахожусь здесь и без охраны.

Парень с волосами цвета кленового сиропа стоял рядом с ним. Синяки на лице практически прошли, и сейчас я почему-то обратила внимание на то, что и глаза у него такого же цвета, как и волосы, а кожа чересчур бледная. В остальном... ну его вид можно охарактеризовать как просто недовольный.

Ещё какое-то время Блейк наслаждался витавшим в воздухе напряжением, а затем достал из кармана рацию и поднёс к губам, всё ещё сверля меня своими гнусными глазёнками.

Хрен с ним! Могила, так могила! Удар ребром ладони по боковой части шеи выбил рацию из рук Сиплого и в меня тут же полетел набор отборных ругательств.

— Схвати её, Тайлер, чего стоишь?! — завопил Блейк своему приятелю.

— Эй, Сиропчик, — бросила я, подняв перед собой электрошокер. — Нравится игрушка?

В ту же секунду, когда планировала пропустить по телу Тайлера разряд тока, Блейк попытался сбить меня с ног, и электрошокер пришлось направить ему в грудь.

— Я же сказала, что доберусь до тебя! — с омерзением выплюнула я, пока его тело билось в конвульсиях. — Скажи спасибо, что не достала пистолет и не выпустила тебе мозги, кусок дерьма.

Тело Блейка рухнуло на асфальт и всё ещё продолжало дёргаться.

Далее последовал удар мне под дых. Сиропчик воодушевился?

Со свистом выпустив воздух их лёгких, смогла отклониться от летящего мне в голову ботинка, и запустить электрошокер прямо ему в задницу. Парня так затрясло, что мне даже стало его жаль. Получить разряд тока от какой-то там меченой девки прямо в зад... Нет, этого ребяты из Креста не дадут ему забыть. Особенно Кира, если именно она будет его осматривать.

Когда я, наконец, добралась до гаражей, то едва ли не прыгнула под колёса мотоцикла. Чейз резко затормозил и сдёрнул с себя шлем. Глаза горели двумя зелёными адскими огнями.

— Свали с дороги! — проревел он.

— Не поверишь, я тоже рада тебя видеть! — Шагнула ближе, раскинув руки в стороны, максимально загораживая собой пространство для побега. Вид у меня был решительный. —

Возьми меня с собой.

— У меня нет на тебя времени! — рявкнул Чейз и оттолкнул меня в сторону.

Я вцепилась в руль мотоцикла, резко приблизилась к его лицу и яростно зашипела:

— Ты должен помочь мне сбежать отсюда!

Лицо Чейза готово было взорваться от злости. Но лучше пусть он задавит меня своим мотоциклом прямо здесь и сейчас, чем я вернусь обратно в палату. Или в камеру. Нет, ни за что!

— С какого хрена я должен тебе помогать?! — взревел он.

— Ну, например, с того же почему притащил меня к себе в комнату, когда тварь отгрызла кусок от моей руки. С того же, почему не сдал меня Совету. С того же, почему вместе с Кирой сочинял сказку про взбесившегося парня...

Я имела в виду то, что помогла его брату, и Чейз был безмерно мне благодарен. А он о чём подумал?

— Я пересмотрел своё мнение на этот счёт!

Ну точно не о том подумал. Что ещё за мнение?

Я отступать не собиралась:

— Ладно, тогда как тебе такая причина: я только что поджарила вот этим электрошокером Блейка и его подружку, так что лучше раздави меня прямо сейчас! Обратно я не вернусь!

Чейз молчал, прожигая меня глазами. Голоса за пределами гаража становились громче, нас уже ищут. Времени совсем нет.

— Зачем ты искала Крест, если тебе нужно в Ангел?

— Что? — Нет-нет, я расслышала, просто не ожидала получить сейчас в лоб таким вопросом.

— На допросе ты сказала, что шла в Крест. А Дакиру, что тебе нужно в Ангел. Вопрос логичен? Что ты здесь забыла?

Тебя.

— Кое-кого.

— И кого же? У тебя тут есть знакомые?

Я не теряла самообладания:

— Нет. Его тут не оказалось.

Чейз не верил.

— Слушай, может, потом это выясним? — повысила голос. — Тебе надо найти лекарство, а мне просто выбраться отсюда, ясно?! Потому что там, в Ангеле, меня ждёт девочка, которую Скверна у меня отобрала и продала за два ящика с оружием! Если я не найду её после того, как обещала всегда быть рядом, то кто я после этого? И я не знаю, жива она, или нет. Простит она меня, или нет. Я не знаю! Знаю только то, что должна найти её. Ты способен это понять?.. И если ты привёз меня сюда, то тебе и вывозить меня обратно!

Чейз пристально глядел мне в лицо; как бы мне хотелось научиться читать те эмоции, что прячутся в его глазах за ледяной оболочкой... Они говорят больше правды, чем то количество гадостей, что говорит его рот.

— Садись, — приказал Чейз и ударил мне в грудь запасным шлемом.

Что было дальше по плану? Да хрен его знает! Ворота, к которым приближался наш байк, особенно после нападения, охранялись так, как в былые времена охранялся картеж американского президента. П-ф-ф, хотя чего это я... охрана президента никогда не

сравнится с тем, что сейчас творилось у ворот какого-то там затхлого городишки.

— Сколько их здесь? Весь пятый отряд?! — закричала я в спину Чейза.

— Одна третья.

Так я угадала — сегодня дежурит пятый отряд! Вот почему Чейз так в себе уверен?

Он остановил мотоцикл и поднял забрало шлема.

К нам подскочил один из бойцов с автоматом в руках — ещё совсем «зелёный» парнишка.

— Чейз? — Он был крайне удивлён и выглядел так, будто сама смерть явилась по его душу. — Но... н-но ты ведь под следствием.

— Прикажи открыть ворота!

Даже {моя} кожа покрылась мурашками от такого леденящего душу тона, а я к нему уже вполне успела привыкнуть.

Судя по виду, боец мечтал провалиться сквозь землю:

— Я н... не могу. Чейз. Пойми. Мне влетит.

— Я твой командир! — проревел Чейз. — Открыть ворота!

Правый глаз бойца задёргался.

К нам шагали ещё двое. При виде Чейза на их лицах молниеносно загорелась тревога. А тут ещё и моё присутствие подливало масла в огонь.

— Мы не можем вас выпустить! — Один из солдат оказался смелее двух первых и поднял на Чейза дуло автомата. Хотя на его лице не было ни грамма уверенности. — У нас приказ, Чейз! Ты знаешь это лучше кого-либо! По тебе откроют огонь, как только ты попытаешься попасть за ворота.

Одним резким движением Чейз откинул со лба прядь волос и в тот крохотный миг, когда его голова повернулась в мою сторону, он еле слышно произнёс:

— Держись.

Ну окей.

Со всей силы вцепилась пальцами в край сидения, готовясь к рывку, но тут раздался новый голос:

— Стоять! Ты — опусти оружие! Совсем рехнулся?!

К нам шагал смуглый латино-американец, высокий, среднего возраста.

— Лукас, — произнёс его имя Чейз голосом, в котором нельзя было прочесть ничего хорошего. — Прикажи открыть ворота. Ты знаешь, что я не поверну обратно.

— Я слышал, Ронни стало хуже. — Это не звучало, как вопрос.

Чейз коротко кивнул.

— Ты за препаратами. — Это тоже не было вопросом. Лукас посмотрел на меня: — А девчонка зачем?

— Шарит в лекарствах. Обычным ингалятором в этот раз не обойтись.

Повисло многозначительное молчание. Парень смотрел то на Чейза, то на меня, то на ворота.

— Кажется, мне за это крупно влетит, — Лукас выудил из переднего кармана куртки рацию и поднёс к губам: — Открыть ворота. Пропустить мотоцикл! Шевелимся-шевелимся!

Чейз нажал на газ.

— Удачи, — сказал Лукас напоследок, и наш мотоцикл, как пробка вылетает из бутылки с шампанским, вылетел из Креста.

И я не знаю, что сейчас творилось в голове у Чейза, но в моей голове вновь завывала

сирена. А всё потому, что это было слишком просто. Слишком просто для двоих обвиняемых в убийстве человека, которым просто срочно потребовалось выехать за пределы Креста. Потому что так просто за пределы Креста не выпускают.

Что-то было не так.

Глава 24

Он стоял на крыше медицинского корпуса, которая стала его любимым местом для наблюдения за сектором обороны. Четыре этажа — не так уж много, но отсюда отлично видны казармы, тренировочный корт, склады с боеприпасами и гаражи с автотранспортом. А больше ничего и не надо.

Ограждение на крыше было высоким, практически доставало до груди, а из-за слоя снега выпавшего за ночь стало ещё выше. Он погрузил свои мозолистые руки в пушистую прохладу и глубоко вздохнул, выпустив изо рта большое облако пара.

Он наблюдал.

Он ждал.

Она выскочила из дверей здания, крыша которого служила ему наблюдательным пунктом. Эта девчонка. На ней была кожаная куртка, под которой не имел возможности скрыться огромных размеров свитер. Чёрные ботинки явно принадлежали не ей, потому что она уже дважды споткнулась. Её волосы летели за спиной, развиваясь на ветру, как некое мифическое существо; они были настолько густыми и длинными, что казались существующими сами по себе. Кира ведь дала ей ножницы, почему она не остригла их?

Сзади кто-то приближался, но не стоило беспокоиться, он точно знал, кому принадлежат эти тихие шаги. Женщина поравнялась с ним и положила свою худенькую ладонь поверх его большой и мозолистой.

Она выглядела измотанной и уставшей. После нападения она совершенно забыла, что такое здоровый сон.

— Она появилась? — голос у Киры был напряжённым. — А, вот она! Стоп. Она бежит навстречу Блейку! Ты это видишь?!

Дакир плавно почесал подбородок, наблюдая, как хрупкая девушка закинула на ещё не зажившую спину рюкзак и замерла перед двумя здоровыми мужчинами, и кивнул:

— Да, думаю Блейку не повезло.

Девушка применила к обоим электрошокер и помчалась в сторону гаражей.

— Чейз там? — сосредоточенно спросила Кира, её напряжение понемногу улетучивалось.

— Должен быть там, — ответил Дакир, глядя на одноэтажные бараки, в которых скрывались несколько десятков грузовиков и мотоциклов. С этой точки дверей видно не было.

Он повернулся к Кире, и мягкая улыбка тронула его губы:

— Ты всё сделала, как я сказал?

Кира фыркнула:

— Ну разумеется!

Ему всегда нравилась её своенравная натура, это было одно из главных качеств, за

которые он полюбил её. Неудивительно, что Кира поладила с этой девчонкой, их характеры были слишком похожи, чтобы этого не произошло.

Он нежно коснулся талии женщины и мягко притянул к себе. Кира одарила его нервной улыбкой.

— Вон они, — Дакир кивнул вперёд. Блестящий чёрный мотоцикл покидал своё пристанище с двумя пассажирами на борту.

Он достал из кармана рацию и поднёс ко рту:

— Лукас, это Дакир, как слышно?

— Слушаю тебя, Дакир. На главных воротах всё спокойно, — раздался из рации мужской голос.

— Хорошо. Сейчас к воротам едет мотоцикл, Чейз за рулём, с ним девчонка, что находится под следствием. Открой ворота и пропусти их.

Какое-то время рация молчала.

— Как понял меня, Лукас? — повторил Дакир.

— Но... ведь... Они ведь под следствием. Разве я могу...

— Это приказ, — перебил Дакир. — Брату Чейза стало хуже, Чейз едет за лекарством. Почему с ним девчонка не должно у тебя вызывать вопросов. Вся ответственность за их побег лежит на мне. Всё, что нужно сделать тебе, это открыть ворота, выпустить их, закрыть ворота и забыть об этом. Всё ясно?

Снова тишина.

— Всё ясно, — ответил Лукас. — Вижу их.

— Хорошо, — выдохнул Дакир в рацию. — Если кто-нибудь будет задавать вопросы, говори, что это мой приказ. Чейз и девчонка единственные, кто не должны знать, что приказ от меня. Сделай вид, что это твоя инициатива.

— Понял.

— Конец связи.

Отсюда ворот было не видно, поэтому Дакир повернулся к Кире и нежно поцеловал в висок.

— Ты ведь взяла у неё образец крови? — спросил он.

— Даже больше, чем надо.

Дакир кивнул.

— Послушай, — Кира заглянула в его уставшие глаза, — если бы Ронни не стало хуже, мы поддерживались бы первоначального плана? Был бы суд и так далее...

— Скорее всего.

— Но зачем надо было отправлять её с Чейзом? Ты ведь так старался сделать всё, чтобы она осталась! Ты даже пошёл на то, чтобы Лари успел нанести ей два удара плетью! Дакир, — Кира перевела дыхание, и продолжила более спокойно: — я ведь тебя знаю, ты не поступаешь так с людьми. Ты знал про кодекс и всё равно позволил Блейку назначить наказание. Для того чтобы она получила свои удары и, привязавшись к больничной койке, задержалась в Кресте. Ради этого ты позволил изуродовать спину этой девчонки ни за что, а теперь отпустил её? Так просто?

Дакир снисходительно улыбнулся:

— Послушай, эта девчонка — крепкий орешек и иногда, чтобы пробить скорлупу надо нанести несколько ударов. Я пытался, как мог, чтобы она доверилась мне и поняла, что только под моей защитой будет в безопасности, здесь, в Кресте. Но первый удар не расколол

её. И думаю, что новое наказание, которого даже не было в моих планах тоже не раскололо бы такую, как она. Значит, нужно действовать другим методом. — Он отвёл взгляд к небу. — Ты ведь знаешь, как она важна, и я не хочу становиться с ней врагами, я хочу показать ей правильный путь — наш путь. У меня в запасе был другой план и сейчас пришло его время.

— План, который позволил ей попасть за ворота? А если её убьют там?

Дакир снова мягко улыбнулся:

— Она не одна, с ней Чейз. А он один из лучших бойцов Креста.

— Да он тут каким вообще боком? Ты разве не знаешь, что между ними не происходит ничего хорошего? И ты ведь знал, что Чейз взбесится, когда узнает про брата и помчится за лекарствами, зачем рассказал ему? Дакир! Я вообще ничего не понимаю!

Дакир тяжело вздохнул:

— Я рассказал, потому что Ронни его брат. Я не мог не сказать.

— Ладно, но ты уверен, что было правильным освободить и Джей? Зачем сделал Чейза её освободительным билетом? А что если бы он не взял её? У нас были бы проблемы — она только что вырубил Блейка! Пускай бы Чейз ехал один; Джей бы оправдали, ну или назначили наказание, уверена, ты бы добился того, чтобы оно было не смертельным, во всяком случае, мы смогли бы вернуться к первоначальному плану. Мы бы придумали другой способ, чтобы она передумала уходить.

Взгляд Дакира помрачнел:

— Она знает про снайперов.

— Что?

— Да, Кира, — вздохнул Дакир, — я рассказал ей, а она всё равно не передумала уходить. Она стала ещё более строптивой, чем была изначально. Наказание Блейка только придало ей сил. И ярости.

— Но как она собиралась бежать?

— Не знаю, но она скорее умрёт, чем подчиниться чьим-то правилам. Она скорее выйдет за ворота и получит пулю со снайперской винтовки, чем станет жителем Креста и приклонит перед Блейком колени. Поэтому я и пытался стать ей другом, передо мной не нужно было бы этого делать. Но у неё есть какое-то дело. И, кажется, она ни за что не остановится, пока его не выполнит.

— Ладно, то есть ты собираешься продолжать внедряться к ней в доверие. Но, Дакир, боюсь теперь, возникла существенная проблема — Чейз только что вывез её за ворота! И при чём здесь вообще этот парень? Почему он?

Дакир внимательно взгляделся в чёрные, как ночь глаза Киры:

— Потому Чейз станет тем, из-за кого она сюда вернётся.

— А она вернётся?

— Она обязательно вернётся.

Глава 25

После того, как мои пальцы превратились в десять бесполезных, отмороженных конечностей, Чейз, наконец, остановил мотоцикл. Снял с головы шлем, повесил на руль, и, даже не взглянув на меня, принялся разворачивать лист бумаги очень похожий на мою карту.

Постояйте. Да это и есть моя карта!

— Откуда она у тебя? Ты ведь должен был отдать её Дакиру! — осведомилась я, растирая замёрзшие ладони одна об одну.

У Чейза вот, например, были перчатки, а мои пожитки такой роскоши не предусматривали. Даже шапочка и та была утеряна.

— Дакир отдал, — бросил Чейз.

Он со мной разговаривает, или с мотоциклом?!

— Кому-кому? Тебе?

— Мне. Вместе с ключами от «Харлея».

Ничего себе.

Я достала из рюкзака пистолет и сняла с предохранителя. Чейз тут же бросил на меня хмурый взгляд.

— Это для тварей, — сообщила я, обшаривая глазами пустырь на котором мы остановились. Он был покрыт тонким слоем снега. — Значит, Дакир знал, что ты сбежишь?

— Догадывался, — Чейз вернулся к изучению карты.

— Постой. — Я нахмурилась. — Разве не Кира рассказала тебе про состояние Ронни? Ты даже чуть не впечатал её в пол вместе с охранниками.

— Дакир мне сказал! Слушай, это имеет значение? Можешь замолчать ненадолго?

Какие мы раздражительные.

— Ладно, — фыркнула и принялась топотаться на месте, разгоняя кровь по венам. — И куда мы едем?

- {Я} еду. Ты просила лишь вывезти тебя из Креста. — Чейз бросил короткий взгляд на мои трясущиеся от холода руки, и кивнул в сторону. — Не за что. Вон дорога.

Я скривилась. А ещё недавно этот парень был таким милым, когда думал, что я при смерти. Может вскрыть себе вены?..

Села на мёрзлую землю, положила пистолет у ног и достала из рюкзака маленькую железную баночку и пол-литровую бутылку с водой. Спасибо, Кира.

— Что это? — Голос Чейза звучал удивлённо.

— Кофе.

Порывшись в рюкзаке, нашла свой старый, но выстиранный бинт, разложила на снегу и густо посыпала растворимым кофе (к слову, кофе сейчас стоит, как Ламборджини до Конца света). Полила всё это дело водой из бутылки — совсем не много, — и тщательно растёрла.

Чейз всё ещё наблюдает за мной? Да, ладно!

Куртку пришлось снять, закатать рукав огромного свитера и только тогда обмотать свежую повязку на предплечье бинтом с насыщенным кофейным ароматом.

Сделав пару глотков воды, сложила свои «драгоценности» обратно в рюкзак, натянула куртку, подняла с земли пистолет, встала на ноги и протянула Чейзу свободную руку.

— Давай карту.

Представить только, его лицо выглядит недоумённо! И всё-таки я способна удивить этого парня.

Из слов Киры перед моим побегом:

{«Кофе — сильнейший очиститель воздуха. Он даже от устоявшегося запаха трупа может избавить. Надеюсь понятно, зачем я тебе его отдаю? Чтобы не вздумалапить!»}

— Кофе перебивает запах крови, — неохотно ответила на взгляд Чейза и потрясла рукой. — Давай карту. Дорога там. Карта моя. Я уйду. — Раздражённо закатив глаза,

опустила руку. — Что? Думал в ноги к тебе упаду и стану умолять подвести до Ангела?

— Иди, — Чейз дёрнул бровями, и я даже не заметила, как сексуально упали пряди волос на его глаза. И на налитые кровью пухлые губы до сумасшествия идеальной формы я тоже не смотрела!

— Карту не отдам.

— Ладно, — пожалала плечами. — Разбирайся в ней сам. Ты ведь уже большой мальчик, да?

Закинула рюкзак на плечи и пошлёпала к тому, что осталось от шоссе.

Я разбиралась в этой карте несколько месяцев. Там всё зачёркнуто и перечёркнуто. Трещины в земле, через которые не проехать помечены чёрными кругами. Наиболее опасные участки дорог — красными. Звёздочки указывали на то, что в этих лесах ещё есть дичь. Скопления тварей были обозначены большими и толстыми восклицательными знаками, хотя эта информация не могла быть долговечной: вряд ли твари из тех, кто долго задерживается на одном месте. Пунктирная линия — наиболее безопасный путь. Двойная — вполне пригодный, но трудно проходимый. Толстая и чёрная линия — забудьте про эту дорогу, её больше нет.

Без помощи посторонних: охотников, разведчиков, которым я неплохо платила за молчание и информацию о местах и дорогах на карте, никогда бы в ней не разобралась. Так что...

Раз.

Два.

Три.

— Стой!

Не дождёшься.

Четыре.

Пять.

— Да чтоб тебя. Стой!

Развернулась.

— Хорошо, — прорычал Чейз, протягивая мне карту. — Покажи мне нормальную дорогу до Миннесоты и можешь забирать её!

— Миннесоты? — нахмурившись, уставилась на дорогу, с которой мы съехали. — Это что, 35-я магистраль?

Быстро приблизилась к Чейзу и выдрала карту у него из рук. Вот Рокфорд — Скала. Де Мойн; где-то в этом районе находится Крест. Если мы едем в Миннесоту, то сейчас находимся на вот этой жирной пунктирной линии — наиболее безопасной дороге, — на автомагистрали I-35.

Провела по ней пальцем и остановилась в том месте, где пунктирная линия превращалась в толстую и чёрную — где-то в районе Оватонны. Значит дальше не проехать — возможно, сильный обвал, или трещины. Одно ясно — эту дорогу не зря отметили чёрным. Придётся ехать в объезд.

Скептически уставилась на Чейза:

— Куда говоришь, едешь?

Чейз сунул руки в передние карманы джинсов и с трудом скрывая раздражение, выдохнул:

— В Миннеаполис.

— Понятно, — кивнула. — Значит нам по пути.

Чейз нахмурил брови:

— Ты там что забыла?

— Видишь вот эту магистраль? — ткнула пальцем в карту. — Она ведёт из Миннеаполиса в Северную Дакоту. Где-то здесь, — ткнула пальцем в точку под названием Бисмарк, — рядом с этим городом, находится...

— Ангел, — закончил за меня Чейз.

Твёрдо посмотрела ему в лицо:

— И ты меня туда отвезёшь.

Кажется, я сказала, что до невообразимости глупое, раз даже мистер-каменное-лицо рассмеялся.

— Нет, ты всё-таки чертовски забавная!

Мило.

— Ты знаешь, какие лекарства нужны Ронни? — поинтересовалась совсем не весело.

— Имею представление!

— Достаточное представление? — вскинула одну бровь.

Чейз сощурился:

— Хочешь помочь найти лекарства?

— Помогу, если ты потом предоставишь мне найти рабочий транспорт, на котором я смогу поехать в Северную Дакоту.

Некоторое время наши взгляды играли в войну.

Чейз заговорил первым:

— Ты хоть знаешь, сколько туда ехать?

— Не намного дальше, чем отсюда в Миннеаполис.

Ещё пауза.

— Ангел не откроет тебе ворота, это самоубийство, — тихо произнёс Чейз.

— Это мои проблемы. Ну, так что, по рукам? Ты найдёшь мне транспорт? Или можешь найти себе, а мне отдать мотоцикл. — Ухмыльнулась.

Выражение лица Чейза было таким, словно его разрывает на две части.

— Откуда тебе знать, какие нужны лекарства для лечения астмы?

— Я часто играла в доктора, после того, как в один прекрасный день дядя Конец света забрал остальные игрушки. — Ладно, глупая шутка. — Я читала книги. Очень много. И все по медицине. Ну, и у меня отличная память.

— Зачем ты их читала?

— Затем, что хотела кое-что выяснить и поблизости, к сожалению, не было ни одного знатного профессора медицинских наук, чтобы просветить меня. Например, о том, в какую чертовщину превратились клетки моей ДНК. Ну или... или просто о том, как сломать кости так, чтобы они больше никогда не срослись. Так, для саморазвития.

Чейз сверлил меня недоверчивым взглядом.

— Что? Не веришь? — прошипела я.

— Ладно.

— Я могу...

— Хорошо, я помогу тебе! — перебил Чейз. — А ты найдёшь лекарства, которые нужны Ронни.

— Даёшь слово?

— Даю слово.

Судя по бледному диску зимнего солнца сейчас полдень. До Миннеаполиса ещё часа три езды, это если дальше ехать без остановок. Но перед Клакрс-грувом надо будет съехать на 90-ю автомагистраль, а с неё выехать на 52-ю, которая помечена двойной линией, а значит, на ней могут ждать сюрпризы. Но другой дороги нет, так что и обсуждать больше нечего.

Чейз заверил, что мог бы и сам разобраться в линиях и отметках на карте. Что всё оказалось достаточно просто, на это всего-навсего понадобилось бы немного времени. Конечно. Я даже спросить не стала. Уверена, он бы справился с работой, которая заняла у меня месяцы за считанные минуты!

Всунула ему в руки кусок хлеба и немного вяленого мяса — собойка Киры оказалась весьма кстати, потому что со вчерашнего вечера у меня во рту не было ни крошки. У Чейза, уверена, тоже, но он ведь ни за что в этом не признается.

Сообщил, что на отдых и еду осталось ровно пять минут, и если не управлюсь, то придётся доедать на ходу... или на бегу.

Мы сидели спина к спине, в одной руке хлеб с куском мяса, в другой пистолет — и у меня и у Чейза.

— Почему Миннеаполис? — спросила я, не стесняясь набитого рта — самсказал, есть быстрее.

— Потому что в Де-мойне ничего не осталось. Там всё подчищено, и не только Крестом.

— Есть ещё Канзас-сити. Он ближе Миннеаполиса.

— Этого города больше нет, он, как и большинство других провалился под землю. Теперь это просто большая могила.

Задумалась, припоминая карту:

— На карте он не отмечен, как исчезнувший город.

— Его нет. Можешь поверить. Я был там.

— А Миннеаполис? Уверен, что и он не провалился?

— Не уверен.

Сделала глоток воды и передала бутылку Чейзу.

— Откуда ты знаешь, как устроены солнечные батареи? — Чейз продолжал разговор.

Я коротко вздохнула.

— Мой отец работал в компании, которая занималась проектированием атомных электростанций, и... мягко говоря, был большим фанатом этого дела. Даже за ужином он обсуждал свою работу. Ну и, как я уже говорила, у меня отличная память. — Выдержала недолгую паузу, глядя в сторону далёкого леса. — Как вы вообще додумались до солнечных батарей? Это ведь была идея Дакира? Угадала? Вот только зимой ваш барьер не способен зажарить насмерть, так ведь?

— Зимой он работает ещё лучше. Ему хватает света от снега, и солнечного света тоже вполне достаточно, таким батареям не нужны прямые лучи, чтобы вырабатывать электричество. Они отражают свет, а зимой его гораздо больше.

В следующую секунду, как будто кто-то щёлкнул выключателем и с неба, как белые порхающие мотыльки посыпались большие хлопья снега. Этот снег был слишком идеальным для Нового мира, он не вписывался в общую картину бедствий. Этот мир пропах смертью. Он стал кривым и несладким, а идеальной круглой формы снежинки словно насмехались

над всеми нами, дразня своим великолепием, потому что зима пройдёт, снег растает, а мир продолжит гнить дальше.

Спина Чейза была тёплой и большой, и я предпочла снегу сконцентрировать внимание на том, что сейчас она прижата к моей — израненной. Раны хоть и не кровоточили больше, но ещё болели, однако это было слабой причиной, чтобы отодвинуться от Чейза подальше.

— Где сейчас твой отец? — спросил он.

Пожала плечами и устремила взгляд к небу:

— Не знаю. Возможно жуёт чьё-то сердце и запивает кровью. А возможно стал удобрением. Его заразили через полгода после Конца света.

Услышала, как Чейз вздохнул. Кажется, что-то всё же поменялось в его отношении ко мне, раз он заинтересовался моим прошлым. Далёким прошлым.

— А мать?

Я безрадостно усмехнулась:

— Не знаю, скорее всего, погибла. Последний раз, когда мы виделись, она продавала меня Скверне.

Еда была съедена, я всё ждала пока Чейз поднимется на ноги, но он продолжал греть мне спину. «Или греть себе спину», — чуть не рассмеялась от этой мысли.

— Ну, так и в чём твоя поломка? — вдруг спросил он, и это впервые не прозвучало, как оскорбление.

— О чём ты?

— О том, почему ты до сих пор не пытаешься меня съесть.

Негромко откашлялась, размышляя, как бы это правильнее сформулировать ответ. Но какая тут может быть правильная формулировка?

— Наверное, потому, что моя поломка в какой-то степени сделала меня тварью... — Тишина. — Ну, или ты просто неаппетитно выглядишь!

Чейза ответ не повеселил.

— Это из-за зелёного дыма? — серьёзно спросил он.

— Думаю, да. Наверное, в тот день в моей крови и произошла поломка. Другого объяснения я не нашла. Я пыталась изучать это, но книги это не анализ крови и не исследование ДНК. Возможно дело в моей иммунной системе, лейкоциты просто дают отпор вирусу и выгоняют из организма, или просто уничтожают. Возможно зелёный дым заставил клетки мутировать. Не знаю. Думаю, что по плану я тоже должна была стать тварью, но что-то произошло, чего-то не хватило, или чего-то оказалось слишком много и получилась я... вот такая. Тоже своего рода тварь. Может быть у Киры получится раскрыть эту тайну, можешь потом у неё поинтересоваться. Она взяла у меня кровь для подробного анализа.

Снег усиливался. Как бы не было бури.

— А твои родители? — спросила я. — Где они? Как Ронни вообще попал в Крест?

В спину подул холодный ветер.

— Надо ехать, — Чейз стол на ногах и надевал на голову шлем.

Да вот же он, тот самый Чейз! Кем был тот парень минутой назад?

Забросила на плечи рюкзак, засунула в карман куртки пистолет и уселась на своё место, приказывая пальцам не замерзнуть так быстро.

Мотор заревел под нашими телами.

— Держись! — скомандовал Чейз.

Уставилась на свои руки впивающиеся в сидение, и снова на спину Чейза:

— Да я как бы уже!

В следующую секунду Чейз схватил меня за руки и обвил их вокруг своей талии.

Засунул мои ладони себе под крутку и приказал сцепить их в замок. И только спустя несколько десятилетий я ожила и послушно, как маленькая девочка, крепко обняла его, прижавшись щекой к широкой спине.

Кожа на руках плавилась от прикосновений к твёрдым кубикам пресса, она горела пламенем, впитывая через тонкую ткань футболки жар его тела. Чувствовала, как Чейз дышит — я дышала вместе с ним. Его сердце стучало рядом с моим сердцем, громко, быстро... очень быстро. И он пах так же, как всегда... он пах дождём.

«Это простое физическое влечение, Джей, ты же знаешь. Ну и что, что он дьявольски сексуален, это всего лишь обложка. Через каких-то несколько часов вы разойдётесь разными дорогами, и ты мигом забудешь, как сильно тебе хотелось сорвать с него эту проклятую майку и коснуться обнажённого тела.»

«О, Чейз. Ты превращаешь меня в тряпку... Хочется рассыпаться на тысячи мелких осколков, для того чтобы ты собрал меня, прикасаясь к каждому кусочку.»

«Как же я ненавижу себя за это. Как же я ненавижу тебя за это!»

Дорога до съезда на 90-ю автомагистраль по ощущениям заняла трое суток, а судя по карте чуть более двух часов, так как мы ехали без остановок. И можно было долго не думать, почему эта дорога была помечена на карте, как не очень хорошая. Асфальт напоминал большие вздувшиеся мозоли, кое-где резко обрывался, проваливаясь под землю. И, кажется, вся лесополоса была выдрана с корнями и собрана на этом шоссе, как тяжело проходимая полоса препятствий.

Из-за сильного снегопада видимость была нулевая. Мотоцикл часто заносило. А от вечного подпрыгивания на кочках заднее место превратилось в один большой и очень болючий синяк.

У съезда на 52-ю магистраль, Чейз остановил мотоцикл и поднял забрало шлема; из него тут же вылетело большое облако пара.

— Уверена, что тут есть дорога? — спросил он.

— Я — нет. Карта — да.

— Надеюсь, ты не сама рисовала эти полосочки.

— Конечно сама. Забыла только сердечко снизу дорисовать и расписаться.

Чейз опустил забрало и нажал на газ, так что я едва успела сцепить руки в замок.

— Они здесь! — выкрикнул он. — Если остановимся на этой дороге ещё хоть раз, про Ангел можешь забыть!

— Почему не напали?

— Потому что мы должны были поехать дальше!

— Это ловушка?

— Держись крепче!

И твари были здесь. Я видела, как среди покрытых снегом деревьев скользят их тени. Быстро, проворно. Ветки хрустели и ломались. Треск был слышен отовсюду. Мы стали добычей: двумя зайцами, на которых только что спустили охотничьих собак.

Крепко вцепилась левой рукой в куртку Чейза, а правой обхватила пистолет.

Этот участок дороги до Миннесоты был последним, раньше по времени он должен был занимать около часа, но из-за того, что теперь это шоссе вообще сложно назвать

асфальтированной дорогой, нам повезет, если справимся до заката. Нам повезёт, если мы вообще доберёмся до Миннесоты целыми и невредимыми!

— Крепче держись! — орал Чейз, подпрыгивая на кочках, резко объезжая выбоины и поваленные деревья. И вот опять я жалею, что не обрезала волосы и даже в узел не потрудилась их связать. Сейчас они постоянно лезли в лицо, закрывая обзор, и скользили по земле на крутых поворотах, поднимая с неё вихри снега.

Тварь. Выскочила прямо на дорогу. Выстрел. Птицы взмыли в небо с деревьев, а одним трупом на дороге стало больше.

И главный вопрос состоял даже не в том, как нам побыстрее миновать этот участок дороги, а в том, отстанут ли от нас твари вообще, или будут преследовать до самого Миннеаполиса, потому что там уже ехать будет некуда. Потому что Миннеаполис — это наш конечный пункт.

Ещё несколько тварей осмелились показаться из леса. Я никогда не видела, чтобы эти существа бегали так быстро. Это что, новая ступень в их развитии? Откуда такая нечеловечная скорость? Видимо окончательно превратились в хищников. Но вот остановится ли их эволюция на этом?..

Одной — выстрел в голову, второй твари — в грудь. Одна — труп. Вторая ещё помучается, я не хотела этого, просто не попала куда надо.

Дорога становилась ровнее, и Чейз смог разогнать мотоцикл до приемлемой скорости. Теней в лесу становилось меньше — они не успевали за нами.

Рука, которой держалась за Чейза, превратилась в кусок льда, а рука с пистолетом кажется, стала с металлом одним целым, потому что я её вообще не чувствую.

На горизонте показались очертания полуразрушенных зданий города-призрака, и Чейз заставил мотоцикл ехать ещё быстрее. То, что этот город не провалился под землю, было конечно хорошим знаком, но это не говорило о том, что в нём безопасно. Сейчас нигде не безопасно. Так что радоваться нечему.

Я почувствовала запах гнили, крови и разложений ещё до того, как мы выехали на кольцевую дорогу. Желудок тут же болезненно скрутило.

В самом же Миннеаполисе воняло ещё хуже, я бы сказала — просто невыносимо, и это учитывая отсутствие солнечного тепла. Страшно представить, что творилось здесь летом. Одно было хорошо — к этому запаху привыкаешь и пока мы катались по разрушенным улицам, высматривая указатели направляющие к больнице, здешний запах стал самым обычным, просто малоприятным.

Из-за снега, налипшего на указатели, было невозможно разобрать в какой части города мы вообще находимся, и уж тем более — в какой стороне больница. Мы были слепыми котятками в поисках молока.

— Скоро начнёт темнеть, — произнесла я, грея под курткой Чейза то одну руку, то другую; свободная была занята пистолетом. Кстати, он ни разу не возразил, просто каждый раз, когда я меняла руку, вздрагивал: то ли от холода, то ли от прикосновения.

— Вон машина скорой помощи, — Чейз кивнул вперёд.

— Сомневаюсь, что в ней окажется то, что нам надо.

— Я не об этом. Посмотри возле какого здания она стоит.

Ну вот и приехали.

Большое здание больницы высотой в этажей двадцать выглядело почти не тронутым стихийными бедствиями. Видимо это здание было совсем новым и крепким, раз на нём

почти ни царапины.

Мотоцикл остался возле входа. Чейз расставался с ним с болью в глазах, ведь именно он должен будет отвезти спасительное лекарство его брату.

— Думаю, твари не станут его угонять, — сказала, как можно мягче. Я ещё не поняла на какой новый уровень вышли наши отношения, так что лучше не рвать тонкую нить взаимопонимания. — Он будет тут, когда мы вернёмся. Пошли.

Медикаменты, плесень, гниль — мои любимые запахи. Не хватает только запаха испражнений и прощай завтрак.

Чейз остановился у большого табло с названиями отделений.

— Это ведь многопрофильная больница? — поинтересовалась я, обследуя глазами территорию и держа пистолет наготове обеими руками.

— Пятый этаж. Терапевтические отделение, — произнёс Чейз, скользнул взглядом по указателям и зашагал в сторону лестницы.

— Может лучше найти склад?

Чейз не ответил, просто шагал вверх по ступеням. Даже оружие в руках не держал, наверное, потому что бессмертный.

Коридор пятого этажа напомнил наземный тоннель в Кресте — такой же холодный и мрачный. Эхо от наших шагов летело впереди нас, позади нас... летело отовсюду! Мы слишком шумели. Это плохо. И ещё эта вонь...

Остановилась, глядя на табличку прибитую к стене:

— Стой. Нам сюда.

Это был процедурный кабинет. Всё вверх дном. Уверена, мы не первые похитители лекарств. Шкафы и полки пусты. Всё, что нашла, это две упаковки пластыря, резиновые перчатки и воду для инъекций. Ну не пропадать же добру — запихнула всё к себе в рюкзак. Как предусмотрительно Кира выложила из него «Эгоистичный ген». Хотя, я бы всё равно её выкинула, раз такое дело.

На лице Чейза появилась злая гримаса. Упёр руки в бока и убивал глазами потрескавшуюся плитку на полу.

— Я говорила, надо идти на склад. — Подошла к нему ближе. — И надо найти сумку для лекарств.

Долго склад искать не пришлось. Он оказался за большой металлической дверью с кодовым замком. Электричества не было, дверь не заперта, хотя и здесь уже кто-то побывал. Кто-то очень воспитанный, раз уходя, даже закрыл за собой дверь.

Темно. Ничего не видно. Вообще ничего.

Со слов Киры:

{«Фонарик, в переднем кармане рюкзака. Сейчас темнеет рано, так что может понадобиться. За него мне влетит, даже больше, чем за этого беднягу на полу, так что пользуйся с умом».

И в сотый раз: спасибо, Кира!

— На-ка, посвети, — всунула фонарик в руку Чейзу.

Видимо у того, кто обшаривал склад до нас, фонарика не было, потому что медикаментов тут было навалом. Вот только есть ли то, что нужно Ронни?..

Обшаривая полку за полкой, коробку за коробкой, вчитывалась в названия препаратов, что-то откладывала рядом с собой, что-то убирала в сторону, а что-то, что точно Ронни не понадобится, складывала в свой рюкзак.

— Держи, сойдёт за сумку, — Чейз протянул мне большой, плотный целлофановый пакет чёрного цвета.

— Хорошо, — сложила в него то, что нашла. — Посвети сюда. Флутиказон, это для ингаляций. Ещё для ингаляций нужен специальный прибор, можно поискать его в процедурной, думаю, его бы никто не стал брать. Дексаметазон. Преднизолон. Это даже лучше. Это системные глюкокортикостероиды. То, что надо. Берём побольше.

— Берём всё.

— Открой пакет. — Я взяла следующую коробку. — Здесь таблетки.

— Бери всё что надо.

— Я как бы этим и занимаюсь, парень. — Бросила в пакет кипу упаковок с таблетками. — Есть и ингаляторы. Кира сказала, что толку от них мало. Но мало — уже что-то.

Взяла следующую упаковку:

— Антогонисты. А знаешь, это видимо крутая больница. Это лекарство было очень дорогим. Удачно мы попали. Читала, что это было новым словом в лечении астмы. Скажешь Кире, что его надо применять в комплексе с инъекциями. Если она, конечно, этого не знает.

В полумраке едва разглядела лицо Чейза. Вроде бы немного успокоился благодаря тому, что мы нашли лекарства. Глаза при жёлтом свете фонарика отливали золотом и блестели, как отполированные алмазы.

— Ну и? — вдруг спросил, присев рядом со мной на корточки.

Опять он так близко, что хочется схватить его за воротник куртки и притянуть к себе. И я буду полной идиоткой, если это сделаю.

— Что и? — поспешила уткнуться взглядом в одну из коробок с лекарствами.

— Изучение астмы было твоим хобби? — Чейз невесело усмехнулся. — Или ты про любую болезнь осведомлена настолько, что шарить в лекарствах, как заведующий отделением с тридцатилетним стажем? Или может Скверна тебя так натаскала: решила сделать «меченым» доктором? А может всё проще, и ты была ребёнком вундеркиндом?

Стиснула челюсти и, отложив коробку с таблетками в сторону, жёстко взглянула Чейзу в лицо. Его глаза улыбались, с издёвкой, или нет, понять не могла.

Неужели я и это ему расскажу?..

Слова сами начали выпрыгивать изо рта:

— Я была ребёнком, у которого в три года случился первый приступ астмы. В четыре она прогрессировала до уровня средней тяжести. К пяти стало ещё хуже. Я постоянно лежала в больницах, особенно в осенний и зимний периоды. Меня залечили лекарствами до такой степени, что на их фоне появились другие проблемы, связанные с функционированием внутренних органов, так что представь себе, да — я помню каждое название препарата, которым меня пичкали на протяжении стольких лет!

Громко и резко выдохнула:

— К шести годам болезнь немного отступила, тогда я и смогла насладиться детством. Следующие два года, пожалуй, были лучшими в моей жизни. А за год до Конца света астма вернулась к тяжёлой форме. Что?

Чейз смотрел на меня не моргая.

— Тебе интересно, почему я сейчас не пользуюсь ингалятором? — всплеснула руками. — Хотела бы и я знать! Это всё он — дым! Но что конкретно он сделал с моим организмом больного ребёнка я, наверное, никогда не узнаю! В тот день больная астмой

девочка получила не только иммунитет к заразе тварей, но и полное выздоровление!

Я придвинулась к Чейзу ещё ближе:

— Хочешь, расскажу ещё один секрет?

Чейз молчал, но не отстранялся.

— После того дня, когда я выбросила ингалятор, поняв, что в нём больше нет необходимости, я больше ни разу не болела. Ни разу и ни чем!

Горько усмехнулась и отвернулась от Чейза.

— Это что касается вирусных заболеваний. А что касается укусов, ножевых ранений, переломов, ударов плетью и так далее... с этим мне, почему-то не везёт.

Схватила несколько коробок с таблетками и с большим усилием, чем того требовалось, запихнула в пакет.

Мне не нравилось вспоминать об этой болезни, потому что это была болезнь Сэйен. А Сэйен умерла, как и вся её прошлая жизнь, она превратилась в ничто, даже не в воспоминания, потому что из той жизни больной девочки мне ничего не хотелось запоминать. Теперь меня зовут по-другому. Теперь я другая.

Я не смотрела на Чейза, и больше мне не хотелось с ним разговаривать. Хотелось поскорее собрать лекарства и убраться из этой больницы. Из этого мёртвого города.

Чейз зашевелился, и в следующую секунду на моём левом запястье оказалась его тёплая рука. Он заставил меня выронить сжатую пальцами коробку и притянул к себе. Наши тела оказались в пяти сантиметрах друг от друга. Я задержала дыхание, лихорадочно соображая, что он собирается делать. Он не выглядел злым, не выглядел даже угрюмым. Это вновь был другой Чейз, он смотрел на меня с теплотой, так не свойственной его закаленному лицу, что это даже пугало. Это был совершенно другой парень. Тот, что надел мне на голову свою шапку. Тот, что обрабатывал мне рану после укуса твари, когда был уверен, что я обречена. Тот, что сидел у моей кровати с дрожащими руками. Тот, кто назвал меня по имени...

{«Ты ведь мечтал от меня избавиться... Хотел, чтобы я исчезла».

{«Сказал бы мне сейчас кто-нибудь, почему я больше этого не хочу»...}

— Я так и не поблагодарил тебя за то, что ты помогла Ронни, — хрипло произнёс он, сдув своим дыханием прядь волос с моего лица.

Кожу в том месте, где его рука сжимала моё запястье обжигало настолько сильно, что не удивлюсь, если запахнет жареным.

Он не причинял мне боли. Сейчас Чейз был поразительно мягок.

— Я... хреновый из меня брат... Даже представлять не хочу, чтобы они с ним сделали, если бы ты не нашла его. — Его взгляд плавно скользил по моему лицу, от глаз к носу и ниже... к губам.

Сглотнула, чувствуя, как жар от запястья распространяется по всему телу.

— Я сделала это не для тебя, а для Ронни! — голос предательски дрогнул.

Его взгляд вернулся к моим глазам:

— Знаю, но всё равно должен сказать тебе спасибо.

— Пожалуйста.

Вся эта ситуация была сравнима с продолжением боя даже после того, как было объявлено перемирие. Потому что среди нас двоих не могло быть двух проигравших, или двух победителей: кто-то один должен был уступить другому, кто-то один должен был отступить от своих принципов, только ни он и ни я не могли этого сделать. У этого мира совсем другое воспитание. Если отступишь, то проиграешь.

Вот и мы сейчас зависли, как два самых больших на свете придурка, в молчании, каждый утопая в своих мыслях и сомнениях. Так близко друг к другу и так далеко.

Кадык Чейза дернулся, и он тяжело втянул ноздрями затхлый больничный воздух.

— Ты даже простую благодарность не можешь принять, не выставив шипы, — произнёс он с лёгким намёком на улыбку.

Я дёрнула плечами:

— Ну, такая уж я есть.

Ещё минута молчания. Он не отпускал меня, а я не отстранялась.

Его пристальный взгляд скользнул по моим волосам:

— Почему ты их не обрезала?

Что-то в груди только что сделало сальто и, кажется, это было сердце.

Его грудь так высоко вздымалась, что задевала мою, и с каждым таким лёгким прикосновением моё дыхание умирало, а со следующим вздохом рождалось заново. И осознавая, как конкретно я влипла, вдруг захотелось смеяться! Да, смеяться, чёрт возьми, безумно смеяться! Потому что всё стало ясно как белый день! Потому что во мне не было никаких поломок, не считая испорченной ДНК, до встречи с этим человеком. Я была цельной — для самой себя. Другие могли считать меня несносной и неправильной, но для самой себя я была такой, какой должна была быть. И я не считала себя поломанной, пока он не внушил мне это. Это Чейз сломал меня.

Он сломал меня.

Потому что я больше не управляла своими мыслями и желаниями, мои чувства ожили и порхают, как долбаная бабочка, а сердце... оно предало меня.

— Почему? — повторил он, приблизившись.

Тело пропустило разряд, заполнилось огнём. Огонь безжалостно пожирал меня, уничтожал прежнюю меня. Придумывал меня заново.

И, кажется, {я} буду первая, кто уступит. Я буду тем, кто сдастся. Потому что я слабее его.

— Потому что ты этого не хотел, — едва слышно ответила я.

Лицо Чейза застыло. Застыло с непривычным выражением мягкости и теплоты в глазах. В то время когда я впервые после смерти Завира выглядела покорно. Я сама этого захотела, но меня это совсем не радовало.

Мне нравилось это новое чувство. Мне не нравилось то, во что оно меня превращало.

Чейз приблизился ещё ближе, взглянул на мои губы, задержал дыхание, медленно выдохнул... А затем резко отстранился. Больше ничему не было суждено случиться.

Я вскочила на ноги одновременно с тем, как Чейз выронил на пол фонарик и бросился к двери. Заскрипел засов, а следом за ним в металлическую поверхность кто-то врезался, причём на всей скорости. Раздался визг. Новый удар в дверь. Целая череда ударов:

Бум! Бум! БУМ!!!

Подхватила с пола фонарик и, прижав к пистолету, выставила перед собой, целясь в дверь. Чейз тоже, наконец, вооружился.

Снова визг. Удар.

БУМ!

— Дверь выдержит?!

Чейз стал рядом со мной:

— Возможно. Пока засов не сломается.

Удары прекратились, и стало тихо.

— Они шли за нами всё это время. — Это не было вопросом, но я для чего-то вопросительно взглянула на Чейза.

— Да, — тот не сводил глаз с двери, — и почти беззвучно. И за дверью их не две-три штуки, раз они решили напасть на двоих вооружённых. Ты ведь не расставалась с пистолетом ещё с шоссе. Они знали на кого идут.

— Отлично, — опустила пистолет и отдала Чейзу фонарик. — Лекарство у нас есть. Мотоцикл у входа. Осталось только выбраться из этой кладовки. Может, просто вежливо попросим их свалить?

Забросила на плечи рюкзак и запихнула в пакет остатки лекарств для Ронни, а также кое-что из того, что может пригодиться Кире в других случаях, и выпрямилась.

Бум! Бум! Бум!

Новая череда ударов сокрушила барабанные перепонки, и я снова выставила перед собой пистолет, соображая, что пора бы и второй доставать.

Чейз хаотично светил фонариком из угла в угол, с одной стены на другую, что-то выискивая.

— Здесь ещё одна дверь. — Не раздумывая выломал её одним ударом ноги, и глаза ослепило от яркого света.

Помещение, в котором мы оказались, было в два раза больше. Широкое окно с толстыми стёклами наполовину завешивали жалюзи, по центру находился массивный металлический стол покрытый слоем пыли, а весь периметр заполняли различные приборы — последние новинки техники я так понимаю, раз их спрятали за такой же металлической дверью, как мини-склад, да ещё и закрыли на несколько засовов изнутри.

Кажется, моё везение постепенно возвращается с отпуска, ведь эта комната могла оказаться открытой и наполненной тварями до отказа.

Дверь, что выломал Чейз, всё ещё держалась на петлях, так что он задвинул её металлическим столом и взгромоздил сверху прибор на вид весом с тонну.

— Отлично! И что дальше? — осведомилась, наблюдая из окна, как темнеет полоса горизонта. — Ночь — не лучшее время для побега. Если эти твари научились развивать такую скорость, может они и в темноте теперь видеть могут.

Чейз забрал у меня пакет с медикаментами и поставил на пол. Снял с моих плеч рюкзак и тоже поставил на пол. Взгляд был твёрдым и решительным, будто он отлично знает, что делает и лишь взял небольшую передышку.

Уселся на пол и положил пистолет у ног.

Я ещё недолго наблюдала за ним, а затем села напротив.

Он смотрел на меня. Молчаливый, как всегда. Красивый, как всегда. Он не был напуган, разве Чейз может быть напуган? Он был безупречен. Только на этот раз я сумела прочесть его глаза. На этот раз ему не до конца удалось спрятать беспокойство. Ронни — его слабое место, ахиллесова пята непобедимого Койота. Сейчас Чейз был уязвим, потому что даже не знал, жив ли его брат до сих пор, или все старания напрасны. Из-за тварей мы здесь застряли и видимо надолго, а у Чейза сейчас каждая минута на счету. Потому что он никогда не бросит Ронни, он всё для него сделает, не то, что я для Кристины, которую позволила забрать.

Чейз будто бы прочитал мои мысли:

— Эта девочка в Ангеле, кто она тебе?

Сглотнула горький комок в горле, но глаз от Чейза не отвела:

— Всё равно, что сестра. Я заботилась о ней. Только как оказалось — хреново заботилась, раз позволила этим ублюдкам забрать её.

Достала из рюкзака воду, сделала пару глотков и кинула бутылку Чейзу.

Он покрутил её в руках, но, так и не сделав ни глотка, заговорил:

— Моя мать родила Ронни, а через два месяца Земля развалилась на части. Он почти задохнулся от зелёного дыма, мать говорила, что это чудо — то, что младенец не умер после такого. Я думаю, что тогда его лёгкие и пострадали. Астма проявила себя только к четырём годам, но я больше чем уверен, что во всём виноват дым.

Мысленно я согласилась с теорией Чейза, но сказать об этом вслух всё равно, что признать и Ронни сломанным, кем-то вроде «твари», кем-то вроде меня — неправильным последствием зелёного дыма.

— Как он оказался в Кресте? — спросила вместо этого.

— Дакир нас забрал.

— Вас?

— Меня и Ронни. Мы жили в городе, который даже городом назвать нельзя, такие называют ущербными. Слышала? Люди там — просто сборище отбросов на грязной помойке. Не знаю, как Ронни вообще там выжил, он был совсем маленьким, о том, чем он питался лучше не вспоминать. Мать умерла от пневмонии, когда Ронни исполнилось четыре года. Тогда же появились первые приступы.

— А где был ваш отец?

Чейз невесело усмехнулся:

— Его и его приятелей раздавило камнем, когда они бухали в гараже, пропивая последние деньги.

Бум! Бум! БУМ!

Громкий стук в дверь сотряс стены, и я мигом схватилась за пистолет, успокаивая сердце, которое от неожиданности принялось барабанить по рёбрам.

Чейз лишь мрачно взглянул в сторону источника шума.

— Дакир забрал нас через полгода после смерти матери, — продолжал он, глядя на дверь пустым взглядом. — Он забрал всех детей в Крест. Пытался что-то сделать с ущербным городом, но в итоге тот развалился на части и стал очередным кладбищем.

Так значит, Чейз ещё мальчиком оказался в Кресте? Как же он тогда попал в Скалу? Как стал бойцом для ям?

— И вы всё это время жили в Кресте? — ненавязчиво спросила.

Чейз одарил меня пронзительным взглядом. Его волосы были взлохмачены больше обычного, под глазами пролегли тени... а может это не от усталости, а просто от плохого освещения?.. Ведь за окном сумерки...

— Ронни больше никогда не покидал стен Креста, — ответил Чейз и его лицо резко помрачнело. — А меня Дакир выслал в Скалу.

Чейз резко поднял на меня глаза. Слишком резко. Будто проверяя мою реакцию на его слова. Я ничем не выдала осведомлённости. Но...

— Что? Выслал? — недоумевая, переспросила и, спохватившись, добавила: — Ты был в Скале?

Чейз молчал. Мрачные тени падали ему на лицо и возвращали каменную маску на место. Сейчас он был там — в бойцовой яме.

— Дакир лично занимался моим обучением, он раньше был военнотружущим, и его боевая подготовка соответствует его статусу в Кресте. — Чейз жестко смотрел мне в глаза. — Тогда мы сблизились. Он посвящал меня в свои планы, идеи... Заражал меня ими, так что я никогда и не думал усомниться в словах этого человека. Для Креста он был и всегда будет авторитетом, он много сделал для этого города, он один из его основателей... Я тоже в нём не сомневался. В том, что когда-нибудь именно Дакир разрулит все проблемы принесённые Концом света. Тогда я был просто глупым мальчишкой. Для меня он был неоспоримым авторитетом. Ведь он спас меня и Ронни. Обеспечил всем для жизни. И этого было больше, чем достаточно для моей преданности ему.

Чейз повернул голову к окну, и непослушные пряди волос упали ему на глаза.

— А потом он отправил меня в Скалу. Я должен был внедриться в состав Скверны и стать связным с Крестом — шпионом. Дакир верил в меня, а я верил, что смогу это сделать. Это было для меня честью. Отправляли только лучших из лучших... Только я не был лучшим. Я был неуправляемым идиотом с неплохим набором боевых качеств — не больше. Понятное дело, у меня ничего вышло. Я был сопляком, который не умеет себя контролировать и держать в руках. Я был вспыльчивым и несдержанным, Дакиру не удалось искоренить во мне это. И он знал об этом, когда отправлял в Скалу... — Чейз взглянул на меня из-под длинных ресниц и добавил: — Я был таким, как ты.

Я молчала. Я не должна сейчас ничего говорить.

Чейз коротко вздохнул и снова отвернул голову к окну:

— Я не смог сдержать свою ярость, когда несколько головорезов Скверны проверяли меня на прочность. Для того чтобы попасть в банду я должен был дать отпор, постоять за себя, показать на что способен, но не избивать их до полусмерти. Но я не сдержался. Уже тогда я ненавидел этих ублюдков, в Кресте меня хорошо проинформировали о том, что они из себя представляют. Одного я убил сразу, двое валялись без сознания, а я... я ровно стоял на двух своих. И всё это происходило перед их главным, перед Завиром.

Меня невольно передёрнуло.

— И даже тогда я был уверен, что прошёл испытание. Долбанный юношеский максимализм. Чёрт! Я гордился собой! — Чейз мрачно усмехнулся. — Только вот у Завира итак хватало головорезов, а вот хороших бойцов для ям не хватало. Не сложно догадаться, что произошло дальше? — Чейз взглянул на меня, его лицо было бледным, как снег за окном.

Слабо кивнула. Я не просто догадывалась — я знала.

— Следующие два года родили во мне другого человека. Я окончательно закрепил за собой статус убийцы, бой за боем лишая жизней не только разных подонков, но и сопляков, которые даже не знали, что такое хук справа. Ямы сделали из меня другого человека. Не Дакир научил меня выживать и драться, это сделали ямы. Иногда мне кажется, что именно по этой причине он меня и отправил в Скалу. Для того чтобы я превратился в того, кто я сейчас. Дакир поставил на меня не как на связного с Крестом, а как на бойца, которого Скверна превратит в машину для убийств и который однажды всё равно вернётся в Крест, потому что Ронни остался там. Дакир знал, что я вернусь. И знал, кем я вернусь. День за днём я изматывал себя, тренируясь; убивал людей, я стал рабом Завира, я стал последним куском дерьма только ради того, чтобы вернуться к Ронни. Ведь я дал ему обещание. И я не мог его нарушить. Кроме меня у него никого не осталось.

На какое-то время наступила тишина, кажется, даже твари стихли, прислушиваясь. И я

думала, разговор закончен, но Чейз глубоко вздохнул и печально улыбнувшись, продолжил:

— За те два года, я похоронил в себе всё человеческое. Моя ярость утихла, моё желание изменить этот мир исчезло. В моей голове был лишь свод правил, которым я должен был подчиняться, чтобы выжить. И я подчинялся. Весь мир стал для меня ареной, а я безжалостным убийцей, бездушным и бессердечным, таким, каким другие хотели меня видеть. Возможно даже Дакир хотел меня таким видеть. Я ни разу не спросил его об этом. Потому что всё кроме Ронни перестало иметь значение. Единственное, что удерживало меня, когда я был в ямах, толкало, двигало дальше, это обещание, что я дал ему. И я двигался. Как робот. Хотя знаешь, — Чейз хмурясь, взглянул мне в лицо, — я ведь думал, что сдохну прямо в этой пропитанной кровью яме, когда Скверна решила дать дорогу другому бойцу. Бои становились не интересными, потому что такой как я — робот-убийца, непобедимый Койот, всегда одерживал победу. Она стала предсказуемой.

Чейз пристально глядел мне в лицо, даже не моргая, словно опять что-то проверяя. Словно выискивая в моей реакции что-то неправильное. Что-то, что приоткроет завесу тайн с меченой девчонки, которая по каким-то странным причинам работала в баре, а не зависала на готовых харчах вместе со своим хозяином.

Кожа с ног до головы покрылась мурашками. Я задержала дыхание, просто для того, чтобы не произнести ни звука.

— Так они меня назвали, — сухо, но ровно произнёс Чейз, — Койот. Просто потому что я был диким, свирепым и неуправляемым. Это имя осталось со мной даже после того, как я изменился и стал бездушной машиной для убийств. Когда я потерял свою человечность в тех ямах.

— Но ты вернулся к Ронни, — с нажимом произнесла я, продолжая играть свою роль. Продолжая делать вид, что ничего не знаю.

— Ронни испугался меня, — голос Чейза дрогнул. — Когда я вернулся в Крест, он не признал во мне своего брата. И я его понимаю, теперь я мало чем похожу на прежнего Чейза. Тогда мне пришлось много над собой работать, чтобы хотя бы Ронни вернуть частичку прежнего Чейза. — Он снова выдержал паузу и с пустым взглядом принялся крутить в руках бутылку с водой. — Не принимай близко, но ты первая, кому я об этом рассказываю. И из-за этого ты меня ещё больше бесишь.

Я выдавила из себя что-то наподобие смешка и снова смолкла. У меня не было слов.

А Чейз продолжал:

— Я думал для меня всё кончено. Они выставили меня на бой с моим же другом. Да, представь себе, когда-то у меня был друг. Они назвали его Панда. Он был моей точной копией два года назад. Я видел в нём себя. Такой же взбалмошный, самоуверенный и такой же идиот. Скверна быстро пронюхала, что замкнутый, никого к себе не подпускающий Койот впервые с кем-то поладил. И они выставили нас друг против друга.

Бум!

Тварь ударила в дверь, но на этот раз ни я, ни Чейз даже не вздрогнули. Мы смотрели друг другу в глаза. Сейчас мы были ближе, чем когда-либо. Он открывал себя передо мной. И мне прекрасно известно, чего ему это стоило, каких усилий. Скверна запаковала его душу в стальную коробку, а он только что нашёл в себе силы, чтобы открыть её передо мной. Неужели я это заслужила? Что будет, когда он узнает правду? Узнает о том, кто я такая на самом деле.

Чейз продолжал говорить, словно его просто прорвало за долгие годы молчания:

— Наш с Пандой бой должен был стать последним для меня. Моё тело ещё не успело восстановиться после последнего поединка. У меня было всё: начиная от поломанных рёбер, заканчивая выбитыми суставами и сотрясением мозга. Тогда... чёрт... — Чейз тяжело вздохнул. — Тогда я отказался от своего обещания данного Ронни и велел Панде убить меня на этом бою. Только вот он... он поступил также, как поступил бы я в самом начале — два года назад. Я бы не стал убивать друга, я бы попытался убить хоть кого-то из головорезов Завира, я бы сорвал бой. — Чейз сглотнул. — Панду убили. И меня должны были. Не случилось что-то дьявольски нереальное, потому что в тот момент, когда мои мозги должны были растечься по земле, кто-то спустил собак.

Чейз пристально посмотрел мне в лицо. Я снова задержала дыхание.

Он не может знать. Не может меня помнить. И уж точно не мог видеть, что это я опустила рычаг!

— Ты ведь была там.

Желудок скрутило в тугой узел, горло сжалось. Он... он меня...

Чейз грустно усмехнулся и тут же добавил:

— Ты говорила, что твой покровитель приводил тебя посмотреть бой.

— А. Да. Точно, — невнятно проямлила я. — Приводил.

Чейз выдержал паузу, словно она была обязательно нужна, чтобы понаблюдать за моим лицом, которому я приказывала выглядеть уверенно.

— Значит, ты видела клетки с подобиями собак вокруг ямы? — наконец спросил он. — Озверевшие и голодные. Они мало чем напоминают обычных бродячих псов. И их кто-то выпустил. Не знаю зачем. За их спуск отвечал Фокс — жирдяй вылизывающий задницы головорезам Скверны. У него кишка была тонка для этого... Тогда я смог выбраться оттуда. Засланный в Скверну человек Дакира помог мне сбежать. Воспользовавшись положением у него получилось вывести меня за ворота и оставить байк в условленном месте. Он сделал всё быстро. До тех пор пока я ещё держался на ногах и до тех пор, пока явились твари. Тогда я вернулся в Крест.

Повисла долгая пауза напряженного молчания.

И верите, или нет, я была благодарна Чейзу за то, что он счёл меня достойной услышать его историю. Хотя сама себя я такой не считала. Он молча глядел на меня из-под ресниц и казался таким простым, таким настоящим. В его глазах отражалась боль воспоминаний, и он не пытался её спрятать. Скорлупа Койота только что треснула и оголила кровоточащие раны.

После того, как он вернулся в Крест, все продолжили звать его Чейзом, хотя его настоящее имя до сих пор звучит как Койот.

Это был мой Койот. Мой самый сильный человек на свете.

Глава 26

Кажется, я уснула.

Поднявшись с пола, с того самого места, где сидела, когда несколько часов назад Чейз рассказывал свою историю, тут же уставилась на противоположную стену. Но Чейза там не было. Мой рюкзак и пакет с лекарствами для Ронни был на месте. А на том месте, где должен был быть Чейз лежала лишь его старая куртка цвета хаки.

Паника не успела своего апогея, потому что почти сразу я обнаружила его стоящим у окна, спиной ко мне и со сложенными на груди руками.

Рассвет ещё не наступил. В комнате царил полумрак. За окном шёл снег; большие хлопья, повинувшись ритму ветра, кружились в танце и оседали на мёртвый асфальт, укрывая белым покрывалом последние следы человечества и одинокий мотоцикл, который должен привезти лекарство одному очень больному мальчику.

Я беззвучно поднялась на ноги, с замиранием сердцем глядя на одинокую фигуру у окна. Он вновь был моим произведением искусства. Таким идеальным. Таким совершенным. И как оказалось, не таким уж и бездушным придурком... Скверна его сломала. Прогнула под себя. Запечатала душу. Мой названный папочка это сделал.

Беззвучный шаг в его сторону. Ещё один. Чейз не шевелился. Чёрная майка, как струна гитары натянулась на его широкой спине, так что я не могла отвести взгляда.

Кажется, он сильно напряжён. И, кажется, он не спал.

— Кто он? — тихо произнёс Чейз, даже не шелохнувшись.

Всего секунду прикидывалась, будто меня нет в помещении, затем расслабила плечи и глубоко вздохнула. Он знает, что я больше не сплю. Какого чёрта я делаю?

— Кто поставил тебе метку? — Чейз по-прежнему смотрел в окно. Его голос звучал жёстко.

Застыла, не сводя глаз его высокой фигуры.

— Он мёртв. — Голос был севшим и тихим. — Какое это имеет значение?

Чейз ответил не сразу. Так и стоял у окна, не двигаясь. Как нарисованный.

— Пытаюсь понять, кем был человек, который смог подчинить себе, такую как ты.

«Это был тот, кто сделал тебя своим рабом, Чейз.»

— Это был... он был плохим человеком. — Что — правда.

— Как давно ты её получила?

Что за допрос? Ещё сутки назад я бы послала его в одно малоприятное место, но сейчас... я просто не могла заставить себя это сделать. Что-то изменилось. И это что-то безжалостно меняет меня.

— В шестнадцать.

И я даже знаю, о чём в эту минуту подумал Чейз: «Целых пять лет её трахал, какой-то ублюдок из Скверны, или даже не один ублюдок»!

Даже самой себе я бы показалась мерзостью.

Чейз перенёс свой вес на подоконник, опершись об него кулаками. Мышцы на его руках напряглись, выступили вены, а пластик жалобно затрещал.

— За четыре часа твари не издали ни звука, — яростно прошептал он. — Но они там, за дверью.

— Где же ещё им быть пока мы тут? — Я обняла себя руками и притопывала на месте, потому что чертовски замёрзла.

— Нужно выбирать.

И это я знала. С каждой минутой, что мы торчим здесь, Ронни становится всё хуже. И тем мрачнее и агрессивнее становится Чейз. Я его понимала, как никто. То же самое я до сих пор чувствую, когда вспоминаю Кристину. Чувствую себя жалкой. Понимание того, что в данную секунду ты не можешь быть рядом с единственным дорогим тебе человеком, делает тебя слабым и беспомощным.

Я не должна утешать Чейза.

Мне хочется его утешить.

Он должен сам с этим справиться.

Я хочу помочь ему с этим справиться.

Но он ведь оттолкнёт меня. Да, оттолкнёт. Ему не нужна моя помощь, это только унизит его.

Сделала шаг назад, всё ещё глядя ему в спину. Отступила ещё на шаг, а затем вспышка в голове и вот я уже стою в полушаге от его спины.

«Джей... что же ты творишь?..»

Почти не дышала, когда моя ладонь легонько коснулась тонкой ткани футболки на его поясице и проложила кончиками пальцев дорожку вверх по позвоночнику. Его спина дёрнулась и напряглась, я почувствовала, как вздулись тугие мышцы под моей ладонью. Его дыхание замерло на глубоком вдохе, но сам Чейз не двигался. И он не отталкивал меня.

Вот тебе и сюрприз: я оказалась слабее его. Я первая сдалась. Первая перелезла через колючую проволоку между нами. А он был всё там же — на своей стороне. Был таким же гордым и непоколебимым, какой была я до встречи с ним. А я... а я наступила себе на горло, как это раньше делал Чейз, подчиняясь чьим-то правилам. Я подчинилась его правилам.

Как я могла это допустить?..

Моя ладонь застыла на его ключице, жадно впитывая в себя жар его тела. И, кажется, шла целая вечность, пока он поворачивался ко мне, глядя на меня глазами полными боли. Словно большой мыльный пузырь, который прятал в себе все чувства и эмоции этого человека только что лопнул.

Воздушно, почти не ощутимо, Чейз коснулся пальцами моей талии. Плавно скользнул ладонями к поясице и медленно притянул к себе. Он был выше на целую голову, так что я дышала ему в подбородок. Или не дышала... Я не помню, это было не важно. Весь мир застыл, и я вместе с ним.

Его глаза были красными и припухшими, словно он недавно плакал, но такие, как Чейз ведь не могут плакать — это от недосыпания. Сколько он уже не спал?.. Сколько изматывал себя?..

Мои руки коснулись его горячей шеи, и я ощутила, как на ней вздулись вены. Вдыхала его запах, ощущая лёгкое головокружение. Чейз прижал меня к себе ещё плотнее и нежно заскользил ладонями вверх по спине, затем вниз — к бёдрам и снова вернулся к талии. Его дыхание было ровным и спокойным, морщинки на лбу исчезли, напряжение с лица ушло, вместе с каменной маской.

Он наклонился ближе, задев губами кончик моего носа. Я потянулась к нему навстречу, и в следующее мгновение во мне разлился океан эмоций. Губы Чейза, мягкие и горячие впивались в мои, заставляя задыхаться от наслаждения. Его грудь высоко вздымалась, сердце билось так часто и громко, что я чувствовала его удары своим телом. Он целовал меня так сильно и так отчаянно, что всё вокруг: больница, твари, Конец света, перестало иметь значение. Что всё это? Этого не существует! Существоем только я и он. Я и Чейз. И мы тонем друг в друге, становимся одним целым. Превращаемся в нечто совершенное, или — в ничто. Потому что столь прекрасных ощущений не должно существовать в Новом мире. Им нет здесь места. Они неправильные, не имеющие права быть, как снег за окном.

Чейз притянул меня ещё ближе и ноги вдруг оторвались от пола, я оказалась у него на руках. И я никогда этого не делала раньше, но повинуюсь порыву, подтянулась и обвила ногами его бёдра, так что наши лица оказались на одном уровне.

Запустила пальца в его густые волосы, и они оказались намного мягче, чем я думала. О, да, а я думала.

Чейз всё это время целовал меня, так отчаянно, как будто это последние минуты его жизни, или вот-вот наступит очередной Конец света. Его горячее дыхание обжигало, страстные губы впивались в мои, каждый раз с новой силой. Он прикусывал их зубами и скользил внутрь языком. Нежно цеплял зубами колечко в губе, и это окончательно сводило с ума. И, думаю, я просто схватываю всё налету, пусть в это сложно поверить, но это мой первый поцелуй. О чём Чейз даже не подозревает. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал?..

Он шагнул в сторону, и через секунду я оказалась на краю металлического стола. Шрамы на спине отозвались болью, но я не предала этому значения. Разве это имеет значение? Так ведь должно быть? Разве в порыве страсти не теряют рассудок?

Чейз возвышался надо мной, как огромная гора. Безупречная гора. Тяжело и прерывисто дышал, на лбу появилась испарина. Я схватила его за край футболки и притянула к себе. Обвила ногами бедра, и наши губы снова встретились. Одной рукой он опирался о стол, а второй скользил вниз по моему телу. Добрался до низа моего огромного свитера и скользнул под него.

Это был новый взрыв во мне.

Спина изогнулась, ощутив на обнажённой коже его горячую ладонь. Его нежные движения становились грубее, он скользил рукой вверх по животу, вдавливая пальцы в кожу. Его губы стали целовать меня ещё требовательней, ещё больнее. Словно он хотел поглотить всю меня без остатка. Наши бедра двигались в такт, создавая трение, которое огненным шаром пульсировало внизу живота.

На секунду Чейз приподнялся и сорвал с себя через голову футболку. Этой секунды было вполне достаточно, чтобы перевести дыхание. Потому что я не хотела, чтобы он отстранялся от меня дольше, чем на эту секунду.

Коснулась его оголённого торса, почувствовав твёрдые мышцы груди под своими пальцами, и новой волной меня унесло куда-то в другую вселенную, где фраза Конец света не имеет никакого значения. Это была моя вселенная. Это был мой океан. Это был Чейз.

Его губы скользнули к шее, осыпая её жаркими поцелуями, пока мои пальцы прокладывали огненные дорожки по его спине. А со следующим судорожным вдохом Чейз разорвал мой свитер напополам, оставив целыми только рукава, и вновь накрыл мои губы своими.

Проклинаю себя за это мгновение, но именно оно явилось доказательством тому, что прежняя я ещё жива. Потому что я просто не могла не подумать о том, что это была самая тёплая вещь из всех, что у меня были, а я не привыкла раскидываться вещами. Тем более что на дворе зима.

На мне всё ещё оставались топ и лифчик, под которые уже проникли пальцы Чейза, и я совершенно забыла, что только что думала про какой-то там свитер.

Я сжимала его бедра ногами, но на нас всё ещё было слишком много одежды, а я была готова пойти до конца, даже не сказав о том, что всё ещё девственница. Даже если мне будет больно. Я хочу этого. Я хочу Чейза и плевать на то, что будет потом.

Только что-то менялось. Хватка Чейза становилась всё сильнее и он буквально вдавливал меня в стол своим весом. Его движения становились грубыми, руки причиняли всё больше боли; уверена, после такого моё тело сплошь покроется синяками. Но ведь это

нормально? Это ведь страсть?

Он целовал меня ещё более жадно, до боли прикусывая губы. Словно вся ярость, что накопилась в нём за долгие годы, нашла свой единственный выход.

Его рука опустилась на внутреннюю сторону моего бедра и с силой сжалась. Я негромко вскрикнула, скорее просто от неожиданности, но Чейз не останавливался, сейчас он безжалостно вырывал со всеми корнями пуговицу с ширинки моих эластичных штанов. Да что он творит?!

Схватила его за эту руку и переплела пальцы.

Всё в порядке. Так и должно быть.

Но он вырвал её из моей ладони и снова взялся за пуговицу.

— Чейз, — с трудом выдохнула я, но он впился в мои губы ещё сильнее, ещё требовательнее. На миг его глаза приоткрылись, и я увидела в них... ничего. В них не было ничего кроме лютой ярости, боли и отчаяния. Словно секс — это единственный для него выход, чтобы избавиться от тяжёлого груза прошлого, настоящего и будущего хотя бы на какое-то время.

Так вот что он сейчас делает! Так избавляется от груза? Так снимает напряжение? Так справляется с виной перед Ронни, за то, что не может доставить лекарства, когда тот находится при смерти?!!

Используя меня?!!

Резко отвернула голову вбок и наконец, избавила губы от мучительного поцелуя.

— Чейз!

Но он не слышал! Боюсь, что реально не слышал — не притворился, что не слышит!

— Чейз! Хватит!!!

Он грубо целовал мою шею, скользил языком по ключице и опускался к груди. Я попыталась оттолкнуть его, но он сжал мои руки одной своей и, заведя за голову, прижал к столу.

Его свободная рука в это мгновение безжалостно оторвала пуговицу и принялась сдирать с меня штаны.

Я просто не могла в это поверить. Это действительно происходит? Чейз действительно это делает? Он пытается меня изнасиловать?!

Брыкалась ногами, но он сжал их своими. Извивалась и пыталась его укусить, но Чейз тут же находил способ укротить меня.

Моя метка была сделана именно для этого! Для того чтобы ни один подонок на свете не смог со мной этого сделать! А сейчас... это делает подонок, которого я едва ли не впустила в своё сердце?! Поверить не могу!!!

Он почти целиком содрал с меня штаны, когда я сумела вырвать из его охапки одну руку и с силой ударить в грудь. Но он тут же схватил её и обратно пригвоздил к столу.

Кажется, это произойдёт. Чейз меня изнасилует.

— Чейз! Хватит! — кричала я. — Отпусти меня!

Не действовало. Он ухватился за край моих трусиков и уже собирался содрать их...

— КОЙОТ!!!

И Чейз замер.

Я так тяжело дышала, что даже не могла выдавить из себя ни одно из заготовленных на случай чего проклятий.

Чейз вечность не двигался с места и наконец, отпустил мои руки. Тут я не удержалась и

врезала ему кулаком в челюсть, соскользнула со стола и принялась яростно натягивать штаны под бешеный ритм сердца стучащего где-то в горле.

Чейз молча смотрел на свои руки, словно и сам не мог поверить в то, что только пытался сделать. Взгляд прояснился и казался напуганным, даже паническим. Глаза были так широко распахнуты, что если приглядеться были заметны кровеносные сосуды.

А я... а я... хотела рвать и метать. Хотела схватить с пола пистолет и пустить ему пулю в башку, хотела переломать все конечности, или просто кастрировать, чтобы он больше ни с кем не смог этого повторить. А ещё... мои глаза сильно щипало и как никогда раньше хотелось плакать. Плакать! Мне хотелось плакать! Чёрт побери этого Чейза!

Сорвала с себя лохмотья свитера и отшвырнула в сторону. Вытащила из рюкзака кофту с капюшоном и яростно натянула.

Хотелось столько всего высказать ему. Рассказать о том, что он самая большая сволочь на свете! Хотелось ещё пару-тройку раз съездить по физиономии, но всё что я скупо произнесла это:

— Надеюсь, тебе полегчало. А теперь пора выбираться отсюда.

Я не смотрела в его сторону. Чейз, Койот, кем бы он ни был, с этой минуты перестал для меня существовать. Моя поломка пришла в норму. Ну или скоро придёт. Только больше не одна особь мужского пола и пальцем меня не коснётся.

И мне даже не нужны извинения. О чём я? В Новом мире им нет места. А на каменном лице Чейза нет и капли сожаления, да и разве должно быть? В его глазах я обычная шлюха с помощью которой он решил выпустить пар. «А почему бы и нет, — подумал он. — Не я первый, не я последний». И мне плевать, пусть думает так до конца своей грёбаной жизни!

За дверью было тихо. Неужели твари ушли? Не-е-т. Они не могли так просто оставить свой ужин!

Подошла к окну. Рассвет уже вошёл в полную силу. А ещё перестал идти снег, так что лицезреть мёртвый город во всей его мёртвой красе больше ничто не мешало.

Проверила количество патронов в пистолете — 8 штук. И полная обойма у того, что лежит в рюкзаке — 15 штук. Есть ещё нож и электрошокер, но последним никого не убьёшь, максимум обездвизишь на какое-то время.

Раздался звук. Странный и не привычный, причём не из-за двери, а за окном. Машина? Улицы пусты. Движения нет. Что это? Последний раз такой звук я слышала лет двенадцать назад — это звук... вертолёта?!

По грязно-серому небу кружила вертушка, и Чейз оказался рядом со мной молниеносно быстро.

«Скоро Джей, скоро вы разойдётесь разными дорогами, а пока нужно сотрудничать, этого требует выживание. Просто подавись своей злостью и сделай вид, что ничего не произошло!»

— В Кресте ведь нет вертолётот? — осведомилась я. Грубость скрыть не получилось — не сильно-то и старалась.

Чейз с мрачным видом смотрел на небо:

— Только если они собрали ту развалюху, которую сами же растаскали на запчасти.

— Значит это не «твой». А если даже у Креста нет вертолёта, сложно вообразить, кто это вообще, чёрт возьми, такие.

Чейз повернул ко мне голову. Ну и что это за взгляд?

«О, нет, пожалуйста, не надо! Не говори ничего! Я не хочу ничего слушать! Мне совсем

не интересны причины, по которым ты меня чуть не изнасиловал. И так всё предельно понятно — ты выпускал злость на самого себя за то, что оказался взаперти, да ещё и в компании с малоприятным тебе человеком, в то время когда состояние Ронни оставляет желать лучшего. И ещё пар тысяч других причин я тоже слушать не хочу!»

Кажется, моя самооценка слишком выросла, раз я действительно увидела в его глазах всё это. Потому Чейз не собирался говорить ничего подобного.

— Это было нужно Дакиру. — Вот, что он сказал.

— Что? — вскинула брови. — Разве мы тут не вертолёт обсуждаем?

Чейз выдержал каменное выражение лица. Вот он — тот самый Чейз, который тащил меня к воротам Креста на растерзание тварям. Тот самый Чейз, который принижал меня при каждом удобном случае и только что чуть не изнасиловал! Вот он — тот самый придурок! Что? Ты и не уходил никуда?

О каких вообще угрызениях совести я тут сама с собой размышляла? У этого парня нет совести!

Вертолёт покружил над останками Миннеаполиса и скрылся из виду.

Я вернула всё внимание Чейзу, крепко сжимая в руке пистолет.

— Что значит Дакиру это было нужно? Что нужно?

Чейз пристально смотрел мне в глаза:

— Ты ему нужна.

Я невесело усмехнулась:

— Что ты несёшь? Какого чёрта я ему сдалась?

— Понятия не имею, — Чейз коротко пожал плечами и устремил взгляд к небу за окном. — После твоего первого допроса он сказал мне, что я буду обязан за тобой присматривать. Что я должен буквально прилипнуть к тебе. Я не привык задавать лишних вопросов, так что просто выполнял, что должен был. Потом был случай с кодексом.

Я сдвинула брови:

— С моим наказанием?

— Да, — Чейз кивнул с самым беспечным на свете видом. Кажется, ему и впрямь полегчало после нашего недавнего развлечения! — Я принёс ему кодекс ещё до того, как тебя увезли на площадь.

— Так это всё-таки ты вспомнил про права и обязанности чужаков?

Чейз с равнодушным видом дёрнул плечами:

— Статья на глаза попалась.

— Ага.

— Дакир сказал подождать, пока тебе не нанесут пару ударов и только тогда прострелить верёвку. Я должен был выждать, пока Лари не ударит тебя плетью три раза и только тогда стрелять.

— Что? — Послышалось? — Дакир... сказал подождать?.. Ты серьёзно? Три удара?

— Я решил, что двух больше, чем достаточно.

С силой развернула к себе Чейза, глядя на него со всем возмущением, на какое только была способна:

— Твою мать, что происходит? Что вам от меня было надо?

Чейз устало вздохнул и сложил руки на груди:

— Дакир хотел, чтобы ты задержалась в Кресте. А в идеале — осталась насовсем. Когда твари напали в первый раз, это он отдал мне приказ найти тебя и доставить в медицинский

корпус, потому что я...

— Обычно до конца находишься в эпицентре событий, — цитировала я Киру и упёрлась пустым взглядом в окно. — Значит, всё это время Дакир намеренно тебя ко мне привязывал?.. Чего он добивался? Хотел, чтобы мы поладили?

— Хотел, чтобы я влюбил тебя в себя, — ответил Чейз, словно ничего проще и быть не может.

Медленно повернула к нему голову. У меня в прямом смысле слова отвисла челюсть.

Чейз на меня не смотрел.

— Это тоже был такой способ задержать меня в Кресте? — едва сдерживая злость, процедила я сквозь зубы.

— Именно. Он поселил тебя рядом с моей комнатой, приказал тебе отрабатывать наказание вместе со мной. Я был тем, кто постоянно приносил тебе еду, водил в душ, и отбивал от тебя всяких уродов типа Брея.

— Защищать меня тоже было приказом Дакира?

Чейз кивнул.

Уткнула взгляд себе под ноги, подавляя ярость и лихорадочно соображая:

— И тогда, когда меня укусили...

— Нет, — резко ответил Чейз, и я тут же подняла голову.

Он смотрел на меня твёрдо и решительно. Глаза были холодными, но не такими острыми, как всегда. Сейчас он злился, но точно не на меня...

— Я сделал это... потому что сам так решил. Просто не знал, что с тобой делать! Ты превращалась в тварь, а я просто не мог сделать то, что должен был. Я не мог тебя ликвидировать! Потом ты сказала, что не восприимчива к вирусу. Думаешь, поверил?.. — Чейз, прикрыв глаза, протяжно выдохнул, а затем впился в меня жёстким взглядом. — Дакиру я ни о чём не докладывал. Знает только Кира.

— Если только Кира ему не рассказала.

— Вряд ли. Ты с ней сильно сблизилась.

— Ладно, — я почесала лоб, — вернёмся к первому вопросу: зачем Дакир хотел, чтобы я осталась? Только из-за того, что я из Скалы?

— Не знаю, — чёрство бросил Чейз. — Мне он сказал лишь то, что ты нужна Кресту. И так просто тебя в нём не задержать. Тебя сложно будет убедить сотрудничать. Наверное, тогда он и подумал, что может быть... я...

— Это смешно! — с абсурдом воскликнула я. — Даже, если это так, то с какого такого перепуга я должна была в тебя... влюбляться, в то время, когда ты вёл себя со мной, как законченный кретин?!

— Я просто выполнял приказ Дакира — был рядом, я не собирался делать то, что он велел. Я лишь делал видимость.

Печально это признавать, но в каком-то смысле план Дакира удался, даже учитывая то, что Чейз просто делал видимость...

Это я такой слабачкой оказалась что ли?

Но что ему надо от меня, этому Дакиру, такому хорошему и заботливому? Что ему от меня надо?!

Если подумать, что он может обо мне знать? Только то, что я «дочь» Завира? То, что моя метка была поставлена с другой целью? Что ещё ему могли передать обо мне в посылке?.. Что такого, из-за чего я оказалась ему настолько необходимой? Стоп.

— Кто ты сказал, пришёл к тебе в камеру рассказать про Ронни?

— Это имеет значение?

— Кто?

В сотый раз Чейз устало вздохнул.

— Я говорил — Дакир.

Озадачено приподняла бровь:

— Кира сказала, что это была она.

Чейз напряжённо взгляделся мне в лицо, и между его густыми бровями появилась настолько знакомая мне впадинка:

— Думаешь, они заодно? Ни разу не слышал, чтобы они больше чем тремя словами перекидывались.

Я молчала, отказываясь верить, что единственный человек, которого я только-только начала считать другом может оказаться совсем не тем, за кого себя выдавал. Что в лишний раз подтверждает теорию о том, что в этом убогом мире никому нельзя доверять. А порой, даже самой себе.

— Кира взяла у меня кровь, — отстранённо произнесла я.

Лицо Чейза хмурилось всё больше.

— Чейз... — с опаской и без прежней ярости заглянула ему в глаза. — Думаю, это продолжение этого дебильного плана Дакира по совершенствованию мира. Я — продолжение. Кажется, он собирается избавить мир от тварей.

Тишина.

— С помощью тебя? — сомнительно спросил он.

— С помощью моей крови.

Чейз издал мрачный смешок:

— Думаешь, он собирается излечить их всех?

— Нет, не излечить, — покачала головой. — Моя кровь уничтожает вирус. И возможно — это только мои догадки, — она с тем же успехом уничтожит вирус в организме твари, если попадёт в него, вот только я сильно сомневаюсь, что разлагающиеся органы восстановятся и станут функционировать как прежде. Моя кровь способна только убить тварь.

Возможно стоит прямо сейчас закрыть эту тему, потому что она и мне кажется полным бредом. Точнее полным безумием, а Дакир не казался безумным. К тому же, единственным человеком, который знал о моей невосприимчивости к вирусу тварей, была Кристина, а она вообще находится в другом городе. Никто ни в Скверне, ни в Скалепросто не мог об этом знать и передать информацию посылкой Дакиру. Но если Дакир всё же не знал и не строил планов насчёт моей крови, то на кой чёрт я вообще ему сдалась?

Чейз выдавил сомнительную улыбочку:

— Твоей крови на всех не хватит.

— Знаю. — Отвернулась к окну и ещё некоторое время размышляла над этой теорией. — И ещё, Чейз, тебе не кажется, что мы слишком легко сбежали из Креста?

Чейз отошёл в сторону и присел на край стола, на который я даже смотреть не могла.

— Не кажется. Потому что я итак знаю, что Дакир отдал приказ открыть ворота.

Вот оно как. Неожиданно.

Чейз вздохнул и запустил руку в волосы, наведя там ещё больший беспорядок и лишь помедлив, ответил:

— Он рассказал про Ронни и практически самолично выпустил меня из камеры. Отдал ключи и карту. Прости, но у меня не было времени задавать вопросов. Думаешь, я не сообразил что к чему, когда Лукас так легко нас пропустил?.. Это было очевидно!

— А Кира значит, в этот момент настаивала на том, что ты — мой билет на свободу и я должна немедленно бежать за тобой вдогонку. Чёрт. — Из рта вылетел идиотский смешок. — Они заодно! Говорю тебе: они заодно! И Кира всё знала! Знала про мою кровь с самого начала! Знала и просто претворялась, что удивлена! Понятия не имею откуда Дакиру об этом стало известно ещё до того, как меня укусили... Это кажется полной бессмыслицей: как этот человек вообще мог узнать обо мне подобные вещи, но он знал... Точно знал. Иначе, зачем ещё я ему нужна?! Он не мой добрый папочка, чтобы бескорыстно заботиться! И надо будет сказать ему спасибо за отличный сувенир из Креста на моей спине. Вот чёрт.

Подпёрла задом подоконник, облизала распухшие после поцелуев губы, заметив, что колечко сейчас стало для них определённо мало, и повернула голову к Чейзу. Он глядел на меня исподлобья. Внимательно глядел.

Решительно шагнула к нему:

— Ладно, говори, зачем ты мне всё это рассказал? Разве имеешь право трепаться о приказах Дакира?

Чейз хмыкнул.

Надо же, ему весело!

— Вину решил загладить? — презренно сузила глаза.

— Вину? — Чейз усмехнулся. — Серьёзно?

«Да. За то, что ты меня почти изнасиловал и сейчас этого не помнишь.»

Как же бесит!

— Тогда зачем?!

— Просто так. Ты ведь всё равно не собираешься возвращаться в Крест. Так какой смысл скрывать это и дальше? Ты странная. А то, что Дакир тобой так заинтересовался, ещё более странно. Мне захотелось получить ответы.

— Спросил бы у него!

— Спрашивал. Он сказал, что моё дело это присматривать за тобой, не больше.

— И влюбить меня в себя, — с большим трудом выплюнула из себя эти слова. Их не произносят в Новом мире!

Чейз мягко, почти снисходительно улыбнулся. Он стал слишком часто это делать!

— И, кажется, я неплохо справился, даже не приложив никаких усилий. Я уже говорил, что ты странная?.. Можно доложить Дакиру, что задание выполнено.

Зависла. Он действительно только что это сказал? Серьёзно?

Резко приблизилась к нему, остановившись в шаге от стола.

— Да, Чейз, я так сильно в тебя... влюблена, что позволила почти изнасиловать себя на этом столе!

Улыбка на его лице вмиг растворилась, вид стал измученным. Словно он резко снял одну маску и тут же одел противоположную по эмоциям. Но взгляд выдержал — не отвёл, в этом Чейз мастер.

— Теперь понимаю зачем тебе Марлин, — голос звучал низко и презрительно. — Трахал её, когда место в себе заканчивалось? Когда больше не было сил сдерживать ярость и наступать себе на горло? Когда жизнь в очередной раз напоминала, какое она дерьмо? А когда я выводила тебя из себя, тоже шёл к ней трахаться? Только сейчас её не оказалось

рядом, да? И ты решил, что и такая, как я сгожусь!

— Если даже захочу тебе рассказать, то всё равно не смогу объяснить, — ровно произнёс Чейз. — Я привык так жить. Можешь считать, что мы просто из разных миров, нам никогда не понять друг друга.

— То есть, это привычка? Ты просто привык так делать? Братъ, что хочется, — с трудом сдержала смешок.

Чейз сжал челюсти. Холодный блеск его глаз, говорил, что я права. И обычно в такие моменты, когда я добиралась до сути, он просто уходил, оставляя меня без ответа. Но не в этот раз.

— Марлин — просто женщина, которая была всегда для меня доступна. Занимаясь с ней сексом, я вообще не думал о том, кто со мной и что она делает. И до сегодняшнего дня для меня это была простая физиология. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что это такое? Я думал, что в этом мы не сильно отличаемся. Так что да, можешь считать это моей привычкой. Я просто не мог остановиться. И я не считаю это оправданием, я не хотел, чтобы всё так закончилось. Хочешь врезать? — Чейз бросил короткий взгляд на мои сжатые кулаки. — Давай. От этого всё равно ничего не изменится. Я — это я. Ты — это ты. И я не знаю зачем судьба свела нас вместе, но до сегодняшнего дня я посылал её к чёрту, а она взамен всё больше и больше привязывала тебя ко мне.

Я разжала кулаки:

— До сегодняшнего дня?

— Это всё что ты слышала?

— Почти.

— До сегодняшнего дня.

Глава 27

Пусть Дакир идёт к дьяволу! И Кира пусть идёт туда же, если она с ним заодно! Всё это время она знала, что представляет из себя моя кров и прикидывалась доброй докторшей, в то время когда тайком планировала, как будет высасывать её из меня её всю до последней капли! Я не собираюсь возвращаться в Крест. И уж не знаю, что там было на уме у этой парочки, когда они выпускали меня и Чейза за ворота. Видимо очередной безумный план, но я точно, с полной уверенностью могу заявить, что в Крест больше не вернусь! Так что пусть тешутся той жалкой парой капель крови, что Кира от меня получила. Большого им не достанется.

Сейчас меня больше волновала я сама. И то, во что из-за Чейза превращаюсь.

Допустим, я смогу понять, почему он чуть меня не изнасиловал, допустим, он привык так жить и секс был для него чем-то вроде сливного бочка, когда нажимаешь кнопку и всё дерьмо в унитазе смывается. Допустим, он вообще не понимал, что это я под ним нахожусь, и это мои руки он заламывает. Допустим. Но разве это нормально? Разве это не пахнет садистскими наклонностями? Что не так с этим парнем? Может он в душе маньяк и сам того ещё не понимает? Даже после его последнего откровения, которое, уверена, ему многого стоило, не могу избавиться от мысли, что у этого парня конкретные проблемы с психикой. Ямы, бои, убийства... Я не из стали — всё понимаю, но если он хочет и дальше оставаться

примером для Ронни, надо с этим что-то делать.

Всё-таки я просто идиотка, что связалась с ним.

Вертолёт пролетел над противоположным зданием ещё два раза и кто бы ни был на его борту, он определённо что-то искал, или кого-то.

Я разделила между мной и Чейзом остатки провизии, как и остатки воды, и снова устала в окно, жуя подсохший хлеб. Вертолёт вновь показался.

— Что за?.. — Но Чейз не смотрел в небо, он смотрел вниз — на припорошённую снегом землю, и его лицо наполнено дикое непонимание.

— Что за?.. — тихо повторила я, когда увидела, как со всех концов улиц к вертолёту сбегаются твари.

Как саранча летит на свет, так они бежали за вертушкой с протянутыми к ней руками. Это смотрелось настолько дико, что просто не укладывалось в голове. Словно это они жертвы, словно это им нужна помощь и вертолёт явился в этот Богом забытый город, чтоб спасти их от страшной участи. А страшной участью тогда получаемся мы — люди?

— Что происходит? Мозги тварей окончательно деградировали? Что они делают?

— Не знаю. — Чейз быстро натянул куртку и швырнул мне рюкзак. — Надо уходить. Быстро!

Он вооружился пистолетом и, перекинув через плечо пакет с медикаментами, быстрым шагом направился к двери. Я ещё недолго пялилась в окно, на группу спятивших тварей и ещё более спятивших людей на борту вертолёта, закинула рюкзак на плечи и двинулась за Чейзом.

— Думаешь, они ушли? — Упёрлась рюкзаком в стену, держа пистолет обеими руками, будучи наготове.

Чейз прислушивался:

— Да, уверен, они в той топе спятивших фанатов воздушной техники.

Скрипнул засов.

Обменялись взглядами. Я подняла пистолет, и Чейз рванул дверь на себя.

В коридоре было пусто, мрачно и жутко воняло.

— Пошли, — скомандовал Чейз и быстро зашагал к лестнице.

Я шла следом, с трудом подавляя желание зажать нос рукавом куртки. Ненавижу эту вонь!

Быстро миновали лестничные пролёты и оказались в большом холле на первом этаже больницы.

Звук пропеллера разрывал мёртвый город на части и был отлично слышен из-за закрытых стеклянных дверей.

— Что же в нём такого, что они даже свой ужин оставили? — пробубнила я себе под нос, но Чейз услышал, бросив на меня короткий гаденький взгляд:

— Видишь, даже тварям ты не нравишься.

Я кисло скривилась.

Мотоцикл стоял там, где мы вчера его оставили, покрытый толстым слоем снега. Чейз вытащил из двух кожаных боковых багажников «Харлея» две небольшие канистры с топливом и принялся возиться с бензобаком.

— Предусмотрительный, — вскинула бровь я. — Думала, ещё придётся топливо где-то искать.

Чейз хмыкнул, не отрываясь от работы.

— Помнишь нашу сделку? — поинтересовалась, кружась на месте с вытянутым в руках пистолетом.

— Помню, — сухости в его голосе даже можно было позавидовать.

— Ладно, — дёрнула плечами, — и как ты планируешь выполнить свою часть? Мне нужен транспорт.

— Мы найдём его, как только уберёмся подальше отсюда. — И даже мимолётного взгляда меня не удостоил.

— Где? В лесу найдём?

— Посмотри карту. Поедем в сторону Ангела, по дороге найдём тебе транспорт, там должны быть другие города. Я ведь потом смогу съехать на дорогу к Кресту?

Карта лежала в кармане моей куртки, но я всё же не спешила её доставать, недоверчиво глядя на Чейза. Он что, хочет потратить драгоценные минуты на то, чтобы поехать ради меня в совершенно противоположную от Ронни сторону?

Чейз выпрямился и сложил канистры обратно в багажные отделения.

— Что? — наконец посмотрел на меня. — Садись, давай! Или забыла тварям «пока» сказать?

Села на байк, подняла забрало шлема и развернула карту.

— Следующий город по направлению в Северную Дакоту — Сент-Клауд, если его не стёрло с лица земли конечно, на карте он никак не помечен. Но тебе тогда надо будет возвращаться обратно, чтобы выехать на шоссе до Креста... Или...

— Всё, время вышло, — вдруг перебил меня Чейз и «Харлей» взревел под нашими телами. — Они всё-таки пришли попрощаться.

С десяток тварей неслось в нашу сторону по противоположной улице. Они рычали, как самые настоящие хищники, держали спины прямо, а их руки болтались вдоль туловищ, как бездушные хлысты и лупили по бёдрам. Налитые кровью глаза двумя огненными точками светились на бледном фоне, а то, как воняло от этих уродов можно было учуять за версту.

Спрятала карту в карман, вооружилась пистолетом и схватилась левой рукой за куртку Чейза. Мотоцикл набирал скорость, скользя по улицам, с одной на другую, варьируя между камнями и поваленными столбами.

Чтобы выехать на окружную, надо просто ехать прямо — не сложно догадаться. Именно этого пути и придерживался Чейз, объезжая завалы и выбоины, сворачивая в переулки, но всегда возвращаясь к одному направлению.

Я за дорогой почти не следила, моей задачей было высматривать тварей. Группа, что бежала за нами от самой больницы, куда-то пропала, или просто отстала... Гул вертолёта, казалось, доносился отовсюду! Ведь это был единственный звук, сотрясающий стены мёртвого города, не считая рычания «Харлея» под нами.

Мотоцикл пронёсся по узкому, заваленному мусором, переулку и вырулил на обширную площадь, большая часть которой была занята камнями, упавшими с неба двенадцать лет назад и кратерами от них, поваленными фонарями, разбитым фонтаном и брошенными машинами.

— Ты ведь не собираешься отыскать мне рабочий транспорт здесь? — закричала я в затылок Чейза.

Но он не успел ответить: от чего-то резко выкрутил руль влево, мотоцикл занесло и протащило боком по заснеженной площади, пока он не врезался в расколотую изгородь фонтана.

Я выбралась из-под мотоцикла и так быстро, как только смогла, поднялась на ноги. Не слабо меня приложило об землю и это сполна напомнило о том, что раны на спине всё ещё не зажили.

Сбросила с головы шлем и попыталась понять, что вообще произошло. Но прежде, чем я даже Чейза успела отыскать глазами, услышала стрельбу — его стрельбу. Твари сломя голову неслись к нам по площади, оставляя за собой грязные дорожки, превращая белое полотно снега в полосатую зебру.

Чейз убил троих, тех, что были ближе всех, и одним рывком поднял с земли мотоцикл.

Я уже почти залезла на сидение, как над головой разразилась буря! Сильнейший порыв ветра ударил в спину и заставил волосы взметнуться к небу. Он подобрал рыхлый снег с земли и закружил в вихре. Всё это напоминало настоящую пустынную бурю, из-за которой почти ничего не было видно.

Я почуяла их по запаху. Вытянула руку вперёд и уткнулась пистолетом во что-то твёрдое. Выстрел. Поверхность оказалась глазом твари.

Мотор взревел, и мотоцикл рванул с места, прямо в центр снежной бури. Только это была не буря, это был вертолёт зависший над нами и разгоняющий ветер лопастями.

— Это «Кейюз»! — Закричал Чейз. — У них на борту максимум четверо!

— Лучше скажи, что им тут надо?! И почему все твари к нему сбегаются?

И это было правдой. Вертолёт отлетел в сторону и поднялся выше, так что буря из ветра под ним немного утихла. Но вот больше ни одна тварь даже не смотрела в нашу сторону. Это было просто сумасшедшее зрелище! Чейз даже приостановил мотоцикл, потому что это надо было видеть!

Твари сбегались к вертолёту со всей площади. Они рычали, прыгали, и тянули к нему руки. А из него — из вертолёта, — через открытую дверь, сверху-вниз разбрызгивалась какая-то жидкость. Человек в защитном костюме ярко-жёлтого цвета, держал в руках шланг от баллона и направлял струю вниз, поливая тварей некой жидкостью бордового цвета. Твари открывали рты и высовывали языки, глотая большие красные капли.

У меня просто пропал дар речи.

Это кормёжка... Они кормят их кровью!

— Потом обсудим, — бесцветным голосом произнёс Чейз, всё ещё таращась на тварей, и дал по газам, но в эту же самую проклятую секунду нас в прямом смысле слова снесло в сторону, словно мотоцикл попал под мчащийся на всех парах экспресс.

Я закричала, от адской боли в районе колена — мою ногу придавило мотоциклом. Чейз лежал рядом, громко чертыхаясь и выплёвывая кровь изо рта. Кровь. Не слюни и даже не блевотину, что всё же было лучше, нежели... Кровь!

Наш мотоцикл снесли твари — это они так спешили получить свою порцию крови, что даже не заметили на пути два аппетитных куска мяса.

Чейз вытащил меня из-под байка и поставил на ноги. Буря из ветра и снега набирала обороты, а вертолёт скользил по небу в нашу сторону.

Взглянула на Чейза в тот миг, когда первые красные капли упали на его лицо, забрызгали волосы, оставили пятна на куртке.

И вот, снова, тот момент... Будто бы вижу себя со стороны.

Время замедлилось, безжалостно растягивая последнее мгновение перед смертью, когда я могу вот так легко, не двигаясь, запечатлеть в памяти его лицо. Знаю, что твари сбегаются к нам со всех боков площади, что большая группа любителей человечины уже в нескольких

шагах от нас, но всё что сейчас могу, это смотреть на него...

Потому что мы в кольце из тварей. Потому что сверху на нас льётся кровь. Потому что мы уже не успеем забраться на мотоцикл. Потому что время в моей голове ползёт мучительно медленно, когда на самом деле до столкновения осталось всего несколько секунд. Наших секунд. Когда мы смотрим друг на друга настоящими глазами... Потому что это конец.

Одним резким толчком нас снесло на землю: сначала Чейза, затем меня. Каждую клеточку моих лёгких пожирала самая отвратная вонь на свете. Я брыкалась ногами, хаотично стреляла, пыталась выкарабкаться и постоянно звала Чейза. Не потому что ждала помощи, а потому что хотела услышать его голос, убедиться в том, что он ещё жив, что его не разорвали на куски. Но Чейз не отвечал. А может и отвечал, но громкое рычание прямо над головой заглушало даже шум вертолётa.

Патроны закончились, и всё что мне оставалось, это отбиваться кулаками и ногами.

Вертушка кружила прямо над нами. Из неё что-то выпало и зависло в полуметре от моего лица. Верёвочная лестница. В эту же секунду меня кто-то подхватил с мёрзлой земли и подкинул вверх, так что я смогла ухватиться за верёвку и оказаться над тварями. И кроме Чейза этого больше никому было делать, твари не стали бы так ради меня стараться.

Лицо Чейза заливала кровь. Он избивал их кулаками, бил в грудь ногами и выпускал в них последние пули. Но их было слишком много, даже Койоту с ними не справиться.

— Чейз!!! — заорала я срывающимся голосом, протягивая ему руку. — Хватайся!!!

Вертолёт не станет ждать долго.

— Чейз!!!

Новая атака тварей и Чейза буквально похоронило под их телами. Несколько секунд длившихся десятилетиями его не было видно. Я разжала руки, приготовившись прыгать, но тут он появился из кучи вонючих тел, разбросав их в стороны, как мягкие игрушки.

Сделал рывок. Подпрыгнул, оттолкнувшись от спины твари, ставшей для него трамплином, и вцепился руками в конец верёвки. Я освободила руку и уже хотела помочь ему подняться, как Чейз замахнулся и швырнул мне большой целлофановый пакет доверху набитый лекарствами. А потом сам, без чьей-либо помощи подтянулся и забрался на лестницу, оказавшись рядом со мной.

В крови было всё — нос, глаза, рот, даже зубы. Не уверена, что вся эта кровь принадлежит ему, но целым и невредимым Чейз точно не был.

— Прости, — судорожно дыша, усмехнулся он, — твой рюкзак был последним в списке важных вещей, его я не успел прихватить.

В кабину вертолётa нам помог забраться человек в жёлтом защитном костюме, жестом указал на два единственных здесь свободных сидения и вернулся к делу: продолжил поливать тварей кровью из шланга. Маска скрывала его лицо, но даже если бы и нет, за ней точно не мог оказаться кто-то знакомый. Среди моих знакомых нет законченных идиотов, которые среди белого дня кормят тварей кровью из кабины вертолётa.

Чейз без посторонней помощи плюхнулся в одно из сидений, а я... а я застыла с пакетом лекарств в дрожащих руках, просто не в силах шевелиться: на Чейзе не было живого места. Правая штанина его джинсов была разодрана в клочья, а на обнажённой, истекающей кровью ноге, было укусов десять, не меньше. Чейз откинул голову назад и мой взгляд не мог не упасть на идеально-ровный кроваво-красный кружочек на его шее — след от зубов.

Сердце перестало биться. Выронила пакет на пол и ухватилась за поручень, чтобы

просто не рухнуть на пол.

Чейз поднял голову и хмуро посмотрел мне в лицо. На его кровавых губах появилась кривая болезненная ухмылка, он ещё долго на меня смотрел, своими потрясающими глазами цвета изумруда, а потом хрипло произнёс:

— Теперь я понимаю. Это воистину невероятное ощущение, когда знаешь, что тебе осталось жить какие-то грёбаные сутки.

Глава 28

Кап-кап-кап-кап.

Что за чёрт?

Как-кап-кап-кап.

Открыла глаза. Грязный железный пол, железные стены и потолок весь в маленьких дырочках, через которые струится вода и стучит по полу с отвратительным: кап-кап-кап.

Картинки в голове: больница, я и Чейз на столе, мотоцикл, вертолёт, кровь, твари... Человек в жёлтом костюме хватается меня за шею и вдавливая в лицо грязную тряпку с запахом хлороформа. И я отключаюсь.

Из горла вырвался тихий хрип:

— Чейз!

— Доброе утро.

Он сидел у противоположной стены тесной коробки, в которой мы, судя по всему заперты, и выглядел совсем неважно. Лицо в разводах от крови, рана на шее продолжает кровоточить, а правая нога вытянута вперёд и выглядит так, будто с неё содрали всю кожу и вырвали несколько кусков мяса.

Запах. Чейз ведь не может ещё так пахнуть. Его недавно укусили. Он ещё не стал тварью.

Желудок сводило от спазмов, и Чейз определил это по моему выражению лица.

— Только не здесь, — прохрипел он, не поднимая головы, подпирающей стену контейнера. Ну, или той кладовки, в которой нас заперли.

С трудом подавила приступ рвоты.

Голова болела, как и спина, рану от укуса на руке дёргало, в горле саднило. В носу запах хлороформа. И запах гнили.

— Откуда вонь?.. — сама свой голос не услышала. Откашлялась и повторила ещё раз: — Откуда в...

— У нас отличные соседи, — Чейз с трудом шевелил языком, — там, за решёткой.

Решётка — единственный здесь источник света.

Не без усилий поднялась на ноги и проковыляла к отверстию. Новый поток вони ударил в нос, и я тут же отпрянула в сторону. Твари. С десятков тварей прямо за этой решеткой.

— Это что, их домашние питомцы? — плюхнулась на пол рядом с Чейзом и вытянула вперёд левую ногу, колено нещадно болело, наверное, выбита чашечка, а может и что похуже.

Чейз закашлялся и сплюнул на пол сгусток крови.

Слотнула и отвернула голову в сторону. Я не могла и не хотела сейчас осознавать то,

что через сутки он станет тварью. Разве всё это происходит на самом деле? Чейз... Как? Как это могло случиться... с ним?!

— Они отлавливают их, — прохрипел Чейз.

Я по-прежнему не смотрела на него.

— Кровь была приманкой, они собирали их под вертолётom для того, чтобы поймать.

Засунуть в клетки.

— Ты это видел?

— Почти, меня не вырубили. Видимо внешне я и впрямь выгляжу дерьмово, раз они сочли меня не опасным.

Я уставилась в пол перед собой, почти не дыша, отказываясь верить в происходящее. Твари? Плевать на них. Клетки? Плевать. Чейз... вот что сейчас важно, а я... я даже не могу на него посмотреть.

— Они всё забрали, да? Лекарство? — выдавила я.

— Лекарство под сидением вертолётa, по крайней мере, туда я его заснул.

— Они найдут его.

Чейз издал грустный смешок:

— Он видели, как я его туда засовывал, разумеется, они найдут его.

— Кто они?

— Не знаю. Когда вертолёт сел, они связали мне руки и надели на голову мешок. Потом отвели сюда. Потом тебя бросили.

— И где мы?

— Где-то не далеко от 52-ой магистрали. Вертолёт не так далеко отлетел от Миннеаполиса.

— Значит мы недалеко от Креста?

Чейз испустил какой-то странный хлюпающий звук, кажется, он хотел усмехнуться.

— Какое это уже имеет значение? — пропыхтел он. — Я, так точно подохну здесь.

Замолчала. Размышляя. Собирая картинку всего происходящего воедино.

— Сколько прошло времени?

— Часа три...

Двадцать один час и прежнего Чейза не станет.

Осмелилась взглянуть ему в лицо. И вот он снова это со мной делает, никто не мог, а он делает. Заставляет меня это чувствовать — жжение в глазах.

— Что? — Чейз издал полу-смешок. — Жуткая сцена?

Горечь в горле становилась невыносимой.

Его рана на шее сильно кровоточила, и это не считая ран на ноге. Он может умереть от потери крови ещё до того, как станет одним из них.

Одним резким движением оторвала полосу ткани от своей кофты и приблизилась к Чейзу.

На его лице появилась слабая ухмылка, глаза не были злыми, или раздражёнными, они были смирившимися. А это ещё хуже. Лучше бы они были злыми.

— Теперь {ты} перевязываешь мне раны?

— Помолчи, — прошептала я.

«Или я разрежусь прямо у тебя на глазах, как сопливая школьница.»

Перевязала ему шею и уселась рядом, пристально глядя в глаза.

Так мы и смотрели друг на друга целую вечность, пока новый приступ кашля не сотряс

лёгкие Чейза.

— Скажи мне, что твоя ДНК тоже была испорчена, — прошептала я. — Скажи мне это Скажи, что твоя кровь также, как и моя переработает вирус и выплюнет этот мусор из организма.

Чейз заставил себя измученно улыбнуться.

— Ты ведь знаешь, что в этом гребаном мире чудес не бывает, — еле слышно произнёс он. — Я бы конечно был не против, но ты только представь: разве могут два единственных человека на всей планете с невосприимчивостью к вирусу встретиться в каком-то маленьком городке, о котором даже Бог не в курсе?

Чейз судорожно втянул носом воздух и закрыл глаза:

— Не знаю... Меня раньше не кусали, но и ты и я понимаем, что это невозможно: моя кровь не может быть такой же, как у тебя. Такое только в сказках бывает... Джей. Только в сказках. Даже если ты не одна такая, то судьба слишком большая дрянь: она не могла организовать случайную встречу двум таким людям.

Я отстранилась и прильнула спиной к стене, почувствовав в ней отголоски боли — сейчас, это то, что надо, или я просто сойду с ума. А с другой стороны, каждый день твари кого-то кусают. Каждый день, кто-то становится тварью. Чейз всего лишь один из тех, кому сегодня не повезло. И раньше меня это вообще не заботило. Одним человеком меньше, одним больше, суть одна — все мы когда-нибудь умрём.

Тогда почему я не могу и сейчас принять это?!

— Семьдесят девятый, — вдруг произнёс Чейз, глядя в потолок.

Повернула к нему голову, сперва решив, что он уже бредит, но тут до меня дошло! Сколько раз я принимала ставки на этот номер? Сотни?..

— Это мой номер, — продолжал Чейз. — Скверна клеймила своих бойцов. За моим ухом цифра 79. Блейк требовал, чтобы мне его выжгли. Тогда Дакир разбил ему нос. И только потому, что я сам собирался это сделать. И только потому, что у Дакира из-за этого было бы меньше проблем. Блейк бы выставил меня из Креста, я итак постоянно играл у него нервах, с самого своего появления в городе. Но я не мог допустить того, чтобы Ронни остался один. Тогда мне пришлось заткнуться. И очень надолго.

Чейз выдержал паузу, ему было сложно говорить.

— Я должен был подохнуть тогда в яме вместе с Пандой. Сотни раз об этом думал. Но судьба решила продолжить издеваться надо мной и дальше. Что она за дрянь такая?..

Вихрь закрутился в моём животе и поднимался всё выше, заставляя каждую клеточку тела вопить. Чейз умирает, он действительно умирает, потому что та тварь, в которую он превратится больше не будет Чейзом. Может хотя бы сейчас он имеет права обо всём узнать?.. Что это за такая «дрянь» решила издеваться над ним дальше! Я не собиралась тешить своё самолюбие — не та ситуация, — сейчас я не гордилась тем, что спасла ему жизнь, сейчас просто настал момент... Когда Койот должен узнать, что на самом деле произошло. Почему в тот день Панда умер, а он остался жив. Почему вдруг собаки вырвались из клеток. Почему тот день стал днём его освобождения. Это было его прошлым и в нём оставались большие пробелы. Может, пора помочь ему их заполнить? Может тогда, он уже наконец сможет перевернуть ту страницу своей жизни?.. Потому что сегодня именно он — его по-настоящему последний день. И пора расставлять точки во всех незавершённых историях.

— Это я открыла клетки. — Показалось, что даже рта не раскрыла, словно эти слова

сказал за меня кто-то другой, тот, кто был смелее меня. Но это была я.

Взглянула на Чейза, пряча боль, скрывая эмоции. Он слабо улыбался. И даже в таком потрёпанном виде умудрялся выглядеть, как произведение искусства. Кровавое произведение искусства.

Его рот приоткрылся и он хрипло, с усмешкой, произнёс:

— Привет, девочка-букмекер. Так значит, это ты спустила собак?

Что такое судьба? Кто она такая, что решает за человека кем ему быть, и кем стать? Она заставляет страдать, строит козни и смеётся за спиной. Она сводит тех, кто никогда не уживётся вместе, и разводит по разным дорогам тех, чьи сердца когда-то бились в унисон. Моя судьба давно всё решила за меня и не в мою пользу. Сейчас она хохочет, схватившись за живот, потому что оказывается, всё это время я была слепа.

— Ты... знал? — Два слова на одном выдохе.

— Знал. — Одно слова почти мёртвого человека.

Человека, который знал.

— Когда? — «Джей, дыши...»

— Когда впервые увидел тебя. Когда снял шлем и посмотрел тебе в лицо. Ты работала на Скверну. Ты — та девчонка, что сидела рядом с Фоксом и принимала ставки. Лица менялись от боя к бою, но твоё лицо, как и рожи головорезов Скверны всегда было там, ты всегда сидела на одном и том же месте. Думала, я вообще ничего не замечаю? — Чейз закашлялся и судорожно вздохнув, спросил, обволакивая меня потускневшим взглядом: — Почему ты сразу не сказала?

— Что бы это изменило? Ты бы не потащил меня к воротам? — помедлив, спросила, всё ещё находясь в оцепенении.

— Поташил бы. Я не знал, что у тебя метка, я даже имени твоего не знал. Думал, ты просто работаешь на Скверну. А её я ненавижу.

— Теперь ты понимаешь, почему не сказала?.. Ты бы убил меня.

— Но не убил ведь.

— Я не знала, что ты знаешь!

— Как много я знаю?

Я не отвечала.

Он вздохнул:

— Тот бой, когда тебя ударили ножом, это был мой бой?

— Да. — Я не смотрела на него.

— И на тебе не было кучи побрякушек?

— Нет. Побрякушки были в ящике у моих ног.

— Почему они позволили тебя работать в ямах?

Резко подняла на Чейза глаза, наверное, они уже покраснели, потому что в них постоянно жгло:

— Если ты знал с самого начала, зачем выпытывал про работу в баре? Про шрам? Про то, как я оказалась на бою?

— Я пытался понять, кто ты, — Чейз едва заметно пожал плечами. — У тебя есть метка, но ты работала в бойцовском клубе, когда такие как ты вообще не работают. И ты это скрывала, от всех, от меня, от Дакира. Это говорило либо о твоей глупости, либо о том, что ты скрываешь что-то более важное. И ты знала кто я. Не могла не знать. Но делала вид. Не признавалась в том, что работала в ямах, но зато смогла признаться в том, что метка шлюхи

у тебя появилась вполне законным путём. Только почему-то каждому была по роже, когда тебя называли твоими же словами. Ты хоть представляешь, насколько это казалось мне странным?

И я представляла, как всё это время глупо выглядела в его глазах.

— Так ты поэтому унижал меня при каждом удобном случае? — Эта мысль сорвалась с языка быстрее, чем я успела её осознать.

Чейз хрипло хмыкнул:

— Но ты ведь так и не призналась.

— И как долго ты собирался меня изводить?

— А как долго ты собиралась врать? — Чейз дёрнул бровями. — Это казалось полным бредом. Скверна не позволяет своим женщинам ничего подобного. День, когда ставится метка — последний день их свободы. А ты... ты работала! Просто работала! Работала в баре, в ямах, вместо...

Чейз замолчал.

— Борделя? — помогла я.

Чейз кивнул, глядя мне в глаза:

— Я знаю, как у них всё устроено. Меченые не работают в ямах и в барах. Но, кажется, ты и сейчас не собираешься ни в чём признаваться.

«Это потому что я дочь того, кто превратил тебя в раба, только вот язык не поворачивается сказать об этом.»

Я должна сказать об этом.

— Так это меня ты искала в Кресте? — усмехнулся Чейз, и я замолкла на полуслове. — Зачем?.. — Повернулся ко мне. — Зачем ты меня искала? Для того чтобы делать вид, что не знаешь, кто я такой?

— Думала, ты мне поможешь. — Мой голос был сухим и тихим. — Наверное, я тогда просто спятила. Потому что теперь понимаю, насколько бредовой была эта идея: ты никогда не был мне должен.

— Так ты спустила собак для того...

— Нет! — слишком эмоционально перебила я и коротко вздохнув, заговорила спокойней: — Я не знаю, почему их спустила. Тогда в моих планах точно не было операции по возвращению долга. Просто... так было надо и всё.

Кривая улыбочка появилась на устах Чейза:

— Фанатка?

— Считай, что так.

Чейз протяжно выдохнул и замолчал.

Я подпирала спиной стену, продевая указательный палец в дырки на штанах. В голове было пусто, будто пронёсся ураган и вымел из неё все мысли.

— Иди сюда, — тихо произнёс Чейз и протянул мне руку.

Я зависла.

Он притянул меня к себе, обняв за плечи, и заставил положить голову на свою тяжело вздымающуюся грудь в прилипающей к телу пропитанной кровью футболке.

— Слишком многое в твоей истории не сходится, даже сейчас, — шептал он мне на ухо. — Собственность Скверны с характером самой большой стервы на свете. Девчонка с меткой, которая работала в ямах и баре: букмекером, вышибалой, барменом, кем ещё?.. Девчонка, прогнувшаяся под Скверну, угнала мотоцикл и протаранила им ворота, а потом на

глазах у всех превратила Блейка в девственника? — Чейз хрипло усмехнулся. — И та, которая не побоявшись наказания самой Скверны выпустила собак в бойцовскую яму ради... ради кого? Ради меня что ли? Мы с тобой даже не были знакомы. Тебе жизнь, что ли совсем не дорога? — Чейз глубоко вздохнул и, давась кашлем, добавил: — Не знаю, кто ты, но ты точно сумасшедшая...

Он коснулся моих волос, потом нежно дотронулся до щеки тёплыми пальцами.

— В одном я точно был прав: ты самая большая заноза в огромной заднице этого мира.

Чейз уснул.

За это время я разодрала всю оставшуюся часть свитера в ключья и перевязала раны на его ноге, оставшись в топе и куртке.

Восемь.

Восемь укусов на ноге и один на шее.

Ему конец.

Не знаю, сколько прошло времени, да и имело ли это время значение. Час, два, или пять... уже всё равно ничего не изменить. Раньше Чейза не было в моей жизни, и я хорошо справлялась, скоро его не станет в моей жизни, и продолжу хорошо справляться.

Продолжу ли?..

Низкая дверь в стене со скрипом открылась, и я вскочила на ноги. Больное колено подогнулось от боли, но я выпрямилась — это не мешает мне драться.

Трое в жёлтых костюмах, с запотевшими пластиковыми квадратами на уровне лиц, шагнули внутрь. Они пришли за Чейзом.

Один из них двинулся ко мне и получил удар с ноги в живот. Вторым направил на меня пистолет, велел не дёргаться.

— Куда вы его тащите?! — заорала я вслед двоим в костюмах, выволакивающим Чейза из контейнера. — Эй! Куда вы его тащите, я спрашиваю?!!

Меня отпустили и прежде, чем я успела врезаться всем телом в дверь контейнера, она захлопнулась перед моим носом, а я лишь получила удар в укушенное тварью плечо.

Дни, часы, минуты, секунды. Какое значение имеет время в этом проклятом всеми богами мире?! Долбаное капание долбаной воды с потолка — вот, что сводит с ума!

Вонь и гортанное рычание тварей за решёткой в стене — вот что дополняет идеальную картину моего идеального отчаяния! И Чейз. Чейз, который превращается в одного из {них} — вот, что сейчас по-настоящему важно... Или не важно...

Я изгрызла ногти до мяса, пока придумывала план побега. Пока придумывала, как мне вытащить отсюда Чейза и где вообще его теперь искать. А ещё я пыталась придумать хоть одно объяснение тому, кто эти люди и зачем им твари? Зачем им Чейз?! Они ведь не убьют его, потому что он уже почти один из тех, кого они собирают вместе и сажают в клетки. Твари нужны им! Только если эти люди потом не собираются облить эти клетки бензином и поджечь.

Что я имею? Решётка, дыры в потолке и запертая дверь.

Из оружия — ничего, даже зубочистки. Карманы пусты, они и карту забрали.

Шнурки на ботинках?

Шнурки на ботинках.

Ботинки военные, шнурки крепкие — уже что-то.

Сняла оба шнурка и связала концы. Заняла место у стены, рядом с петлями на двери и ждала. Ждала, пока она откроется, и я задушу первого, кто преступит её порог.

И снова это мучительно долго бегущее время. Время, когда Чейз превращается в тварь.

Дверь со скрипом открылась. Задержать дыхание. Вдавиться в стену.

Кто-то вошёл, но из-за открытой дверь меня не видно. Надеюсь, этот кто-то без защитного костюма, я ведь не заражена, зачем он ему?

Кто-то сделал несколько тихих шагов и остановился, представ моему взору. Белое, слишком много белого! Оно слепит глаза и заставляет жмуриться. Человек одет во всё ослепительно-белое! Но шея ведь у всех примерно на одном уровне.

Шаг вперёд, удар коленом в спину, шнурок обвил шею посетителя и затянулся тугой петлёй. Человек задыхался. Я была настолько ослеплена вспышкой белого, что даже не могла понять мужчина это, или женщина. Я просто его убивала. Я выживала. Человек, который брыкался и хрипел, пока я безжалостно его душила, был ниже меня ростом и какой-то слишком слабый. Неправильно слабый. Зачем они отправили ко мне такого слабака?

От него приятно пахло, у него длинные светлые волосы и он постоянно пытался произнести одно и то же слово. Плевать, ещё немного, и кем бы этот человек ни был, скоро он забудет, что такое говорить и дышать.

Человек буквально повис на шнурке, подогнув колени.

— Сэйен...

И я отпустила шнурок. Девушка плашмя рухнула на пол и громко закашлялась. А Я всё смотрела на неё круглыми от шока глазами, с дрожащими руками и подгибающимися коленками.

Из моих глаз брызнули слёзы, прокладывая горячие дорожки по грязным щекам. Эти проклятые слёзы вырвались из моего жалкого организма впервые за долгие годы.

Шнурок выпал из рук.

Я упала на колени.

Девушка перевернулась на спину, кашляя и держась руками за горло.

Белые, как снег волосы, невероятно прозрачные серые глаза, молочная кожа...

Это была Кристина.

Глава 29

— Как твоё имя? — спросила крохотная девчушка, спустя месяц после того, как я выпросила её у Завира.

Я застыла. Она впервые при мне заговорила.

— Дженни, — тихо произнесла я и улыбнулась.

Эта кроха наконец поняла, что я ей не враг.

— Это он тебя так назвал? Тот мужчина. — Её голос дрожал. Серые, почти прозрачного цвета глаза были большими, как два фарфоровых блюдца.

Я присела перед ней на колени, оказавшись ниже на голову.

— Как твоё настоящее имя? — осторожно спросила Кристина.

Я терпеливо вздохнула:

— Зачем тебе моё настоящее имя?

Её ответ был прост:

— Я не хочу называть тебя так же, как он. Он мне не нравится.

Я отвела глаза, размышляя, стоит ли посвящать её в эту часть моего прошлого. Умеет ли она хранить секреты?

— Сэйен, — всё же сказала я, пожав плечами, тогда я ещё даже не планировала называть себя Джей.

— Сэйен, — тихо повторила Кристина, и это болью отозвалось в сердце. — Я буду звать тебя так, можно?

Я опустила глаза, совершенно не уверенная в том, что хочу тормозить эту крупицу своего прошлого. Но уже тогда я не могла устоять перед её просьбами.

— Ладно, — я взлохматила её белые, как снег волосы, — только не при Завире, договорились?

— Договорились, — кивнула Кристина и улыбнулась.

Глава 30

Кристина была моим проводником из прошлого в настоящее, из настоящего в будущее. Она стала единственной для кого Сэйен была жива.

Кристина была моим прошлым, настоящим и будущим. С годами я стала для этой девочки всем. А я только что её чуть не задушила.

Кристине на шею нацепили повязку из толстой ткани, так что она с трудом могла вращать головой. Я ждала её на улице, со связанными за спиной руками и опустошённым видом. Я могла бы вырубить двух не очень-то и крепких мужиков приставленных ко мне, но у каждого в руке было по винтовке, да и если честно, всё это было не важно. Кристина — вот, что было важно. Почему она здесь? Почему она с теми, кто занимается кормёжкой тварей и сажает их в клетки?

Она выглядит здоровой, чистой. Она не выглядит несчастной и подавленной. Она не выглядит так, как я себе её предоставляла. Это точно моя Кристина?.. Или я сплю? А может, умерла?.. Почему она вся в белом?..

Я понятия не имела, куда нас привезли на вертолёте. Место, где сейчас находилась, не было городом. Здесь не было стен, не было домов... Здесь было много палаток, железных контейнеров, вроде того, из которого меня недавно вывели и здесь было много вооружённых людей: одни в жёлтых костюмах, другие в обычной одежде, а все остальные — в белом, как Кристина.

Она шагнула ко мне навстречу, появившись из большой палатки цвета хаки. Она улыбалась. Широко и искренне. И она стала ещё прекрасней. Кристина выросла и стала по-настоящему красивой девушкой. Её красота была невинной, воздушной, словно сотворённой из воздуха.

Ангел, этот город, что он с ней сделал?

Я почти не дышала, мне было больно дышать после того, что недавно произошло. После того, как я чуть не убила единственного человека на всём земном шаре, который мне по-настоящему дорог.

Лёгкой поступью она приблизилась ко мне; во всём белом, на белом снегу она была похожа на миниатюрного ангела.

Я глядела на неё застывшими глазами. Это было выше моих сил — поверить, что спустя

невыносимо долгие два года она стоит передо мной. В то, что не я нашла её, а она меня...

Мне так много нужно было ей сказать. Объясниться, если это конечно возможно. Если конечно, это всё ещё имеет значение. Я тупым взглядом пялилась ей в ноги и всё, что смогла произнести, это:

— Почему ты босая?

Её красные обожжённые снегом ноги были единственным ярким пятном во всём силуэте. Почему на ней нет обуви? {Моя} Кристина не любит холод. Более того, я даже частенько отдавала ей своё одеяло по ночам, потому что она постоянно мёрзла. Её ладони были всегда холодными. А таблетки от кашля, которые до сих пор лежат в моём рюкзаке, принадлежали ей. Я не болею вирусными заболеваниями. С девяти лет ни разу не болела простудой.

Осмелилась взглянуть в её прекрасное лицо. Она улыбалась.

Глазам поверить не могу. Она кажется такой счастливой!

Что они с ней сделали?

— Почему ты босая?! — повысив голос, повторила я.

— Сэйен... — Кристина шагнула ко мне и остановилась так близко, что я вновь почувствовала её прекрасный и до боли знакомый аромат.

Взгляд упал на её шею. Она резко выдохнула:

— Всё в порядке, Сэйен. Ты не знала, что это я. Ты думала, что в опасности. Думала, что мы враги.

Мои брови в недоумении сдвинулись.

Как же мне хотелось притянуть её к себе и крепко обнять, но что-то останавливало, какая-то невидимая сила, а вовсе не верёвка на запястьях.

— Враги? — тихо повторила я.

— Да, мы не враги! — звонко прошептала Кристина, её тонкие брови изогнулись в две идеальные дуги. И она всё ещё улыбалась.

Это было не правильно. Кристина всегда была добрым ребёнком, но не настолько! Что-то в ней было не так.

Раньше мы часто ссорились и буквально по мелочам. Постоянно спорили, даже из-за того, что будем есть на ужин: фасоль в томате, или консервы с тунцом. Это поначалу она была скованной и зажатой, но потом разошлась и стала возмущаться каждый раз, когда я хоть немного опаздывала с работы! Она говорила, что не может сидеть на месте, когда меня нет; она злилась и переживала за меня.

Меня не было рядом больше двух лет. Я не сдержала обещание! Я позволила Скверне забрать её! А она сейчас стоит и улыбается, будто мы только вчера виделись?!

— Почему на тебе эта белая простыня? — Мой голос не был нравоучительным, я не имела на это права, мой голос был... опустошённым, далёким... Всё происходящее казалось таким не реальным, что я постоянно щипала себя за руку, надеясь, что вот-вот проснусь.

— Сэйен, — мягко проговорила Кристина и сложила руки перед собой, как очень правильная монахиня. — Я тебе всё объясню. Пожалуйста, поверь мне, всё будет хорошо.

Кто эта постоянно улыбающаяся девушка? И почему она так похожа на Кристину?!

— Кто ты такая? — выдохнула я, чувствуя опасную слабость в коленях, одно из которых постоянно дёргалось от боли.

— Это я — Кристина, — улыбалась она. — Всё хорошо, ты в безопасности.

— Хватит повторять это. — Слезы снова рисовали грязные дорожки по моим щекам. —

Что они с тобой сделали?!

— Ты плачешь? — бровки Кристины нахмурились, она стала выглядеть взволнованно, и всё это казалось таким искренним, что становилось страшно!

Подошла ко мне совсем близко и вытерла двумя большими пальцами мои мокрые щёки.

— Ты не должна плакать, — ласково произнесла она. — Ты ведь не никогда не плачешь, забыла?

Чёрт. Это всё же она. Она знает.

Я глубоко вздохнула, подняв лицо к небу.

«Не теряй голову, Джей. Ты потом с этим всем разберёшься. Вот она — Кристина, живая и здоровая, стоит перед тобой. А теперь давай, вытирай сопли, и придумывай уже, как побыстрее забросить её на плечо и делать ноги из этого странного местечка.»

По бокам по хляку — их быстро вынесу. За Кристиной тоже двое, кажется, это её личная охрана и выглядят они более здоровыми.

Нужно развязать руки.

— Развяжи меня, — повернулась к Кристине спиной, глядя на неё через плечо.

Она поджала губы, выглядя извиняющейся.

— Сэйен, я развяжу их, но чуть позже. Тебе здесь нечего бояться. Эти люди — не враги. Они уважают женщин и никогда не причинят им вред.

Это секта. Говорю вам, это она — секта!

— Ладно, — согласилась. Надо выглядеть послушной. Кристине вправлю мозги потом. — Рассказывай, что это за место и почему здесь, к чёртовой матери, нет стен?

— Это полевой лагерь Ангела, — Кристина снова блистала улыбкой, взгляд был таким безмятежным, словно и не было никакого Конца света, а все мы здесь, так, собрались в предвкушении крутой вечеринки. — И ему не нужны стены. Потому что мы не боимся Божьих тварей. Мы их приручаем.

Стоп. Прокрутите назад.

— Кого? — Она спятила?! — Божьих... кого?!

— Сэйен, они — Божье творение! — Глаза Кристины искрились в благоговении.

— О каком Боге ты говоришь?!

Кристина мягко опустила руку мне на плечо, так что я невольно вздрогнула.

— О Новом Боге, Сэйен. Он так хотел. Он оставил нас в живых и создал тварей, чтобы они служили человечеству.

Всё плохо. Всё ещё хуже, чем казалось поначалу.

Перейдём к более существенным темам, не хочу даже слушать весь этот бред про Божьих тварей и Нового Бога.

— Вертолёт. Зачем они поливали тварей кровью?

Кристина коротко вздохнула и, плавно взмахнув рукой, указала куда-то в сторону. Прогуляться захотела?

— Вертолёт, — говорила она, спускаясь вниз по холму к окраине лагеря, — с его помощью мы собираем тварей в условленном месте, приманивая кровью. Загоняем в разложенные клетки и поднимаем стены конструкций, как только они в них оказываются.

Ладно. Пусть так.

— Откуда вы берёте столько крови? — Я старалась не отставать от её быстрого шага, измываясь над собственным коленом и спотыкаясь из-за огромных ботинок без шнурков, которые постоянно норовили свалиться.

— Нам поставляют её. Другие города.

— Вроде Скалы?

— Вроде неё, — Кристина идилично улыбалась.

Так вот зачем люди сдают её? Чтобы какая-то шайка сектантов заманивала с помощью неё тварей и пыталась приручить?

— Вы покупаете у них кровь? — выдохнула я. — Ту, самую?..

— Да, ту самую, которую люди сдают. А что здесь такого? Мы ведь за неё платим, — хихикнула Кристина. — Ангел сотрудничает со многими городами.

— Почему вы их просто не убиваете? Тварей! — Я честно пыталась говорить, как можно мягче, но голос просто-таки звенел от абсурда.

— Зачем? — Кристина искренне удивилась этому вопросу. — Мы их кормим — они нам служат. Это не глупые создания, Сэйен, они всего лишь хищники, а любого хищника можно приручить, нужно всего лишь вовремя его кормить.

Даже спрашивать не стану, чем они их кормят. Потому что кровью твари могут только напиться, но никак не наесться. Кровь — всего лишь отвлекающий манёвр.

— И как много вы приручили?

— Более четырёх сотен, — улыбнулась Кристина с таким видом, будто я спросила, во сколько сегодня начинается её любимая передача. — Единственная сложность заключается в том, что на это уходит много времени. Они строптивы, и не так легко склонить их на нашу сторону.

— А ты не думаешь, что в один прекрасный день они сгруппируются и сожрут вас всех за один заход? Всех своих... {хозяев}.

Кристина остановилась и слегка склонила набок свою милую головку.

— На них ошейники, — сказала она, и это прозвучало вовсе не мило.

— На них... что?

— Ошейники, — дёрнула бровями Кристина, типа: что может быть проще? — Не на всех конечно, на всех ошейников пока не хватает, но у Ангела есть специалисты, которые сейчас работают над этим. В каждый такой ошейник встроено следящее устройство с небольшим модулем со взрывчаткой. Так что... мы вполне удачно можем ими управлять. Эти создания отлично понимают, в каком положении оказались.

И это Крест считает себя продвинутым?!

— Где вы их откопали? — В это сложно было поверить. Люди управляют тварями!

— В особо охраняемой в былые времена тюрьме, — пожалала плечами Кристина. — Ты не думай, Сэйен! Мы не изверги какие-нибудь, как только Божьи твари начнут безоговорочно нам подчиняться, мы снимем с них ошейники. Это временные меры.

Ага, давайте, снимайте.

Следующий вопрос, что собиралась задать пугал меня больше всяких ошейников.

— Ладно, — я резко выдохнула, — кто ты во всём этом дер... балагане?

Кристина засияла! В её глазах заискрилось самое настоящее, искреннее счастье!

— Божья посланница! — трепетно выдохнула она. — Невинная дева, я талисман Ангела!

Жесть.

— И-и... много вас там таких в Ангеле?

— Невинных девушек очень много, но я, Сэйен, я — посланница Нового Бога, все те люди, — она махнула в сторону, — они верят в меня! Для них я ангел спустившийся с небес!

Мы не считаем Конец света таковым, мы считаем это началом новой жизни! Новый Бог нам её подарил! И избрал меня, чтобы объединить, сплотить людей.

Я зависла.

Разве возможно было промыть мозги настолько сильно? Может, её чем-нибудь накачали?

— Ты сама-то в это веришь?

— Конечно!

Краем глаза заметила, как все четыре сопровождающих нас охранника рьяно закивали головами.

С ума сойти.

— Кажется, ты нашла себя в жизни? — решила подыграть ей.

— Верно! Сэйен, и я так рада, что нашла тебя! Так рада, что оказалась в лагере, потому что ещё вчера утром я не планировала выезжать с Ангела. Я больше нужна там. Но Новый Бог привёл мне сюда... И как только я услышала твой голос...

Я напряглась.

— Ты кричала в изоляционном контейнере, когда охрана выводила из него того укушенного, — пояснила Кристина.

Чейз.

— Развяжи мне руки, — мило попросила я.

— Сначала тебе надо поговорить с одним из Ветиа, — слегка смутилась Кристина.

— Это ещё кто? Ещё один Божий посол?

— Скорее миссионер. В Ангеле их зовут Ветиа. — Кристина нежно взяла меня под локоть и повела дальше — вниз по склону. — Я отведу тебя к одному из них! Он разрешит снять веревку и мы вместе улетим в Ангел. Снова будем жить в одной комнате, спать в одной кровати! Сэйен, я так счастлива! Я так рада, что нашла тебя! И так рада, что с тобой всё в порядке. Ты ведь потом мне всё расскажешь, да? Как тебе удалось выбраться из Скалы? Скверна отпустила тебя? Слышала, там у них сейчас совсем всё неважно...

Мне было больно бежать, чашечка хрустела и адски болела, но я терпела боль, потому что если бы и её не было, решила бы, что умерла.

— ВетиаСэмюэль! — Кристина замахала свободной рукой, спеша навстречу к человеку в белом одеянии. — Я привела её! Я привела Сэйен! Я нашла её!

ВетиаСэмюэль — мужчина средних лет с сединой в чёрных волосах, рост не высокий, телосложение худое, нос с горбинкой, впалые зелёные глаза и небольшая бородка. Самый что ни на есть обычный мужик напяливший на себя белую простыню. Больше меня заинтересовала группа из трёх вооружённых охранников в обычной одежде и с винтовками в руках. А ещё несколько плотно стоящих друг к другу клеток с толстыми металлическими прутьями, в каждой из которых сидело не менее десятка «Божьих тварей».

Вонь. Опять эта вонь. А я даже нос рукой закрыть не могу.

Я поморщилась.

— Кристина? — произнёс ВетиаСэмюэль удивлённым голосом. — Девочка, ты ещё не улетела?

— Я нашла её! Мою Сэйен! — как заведённая верещала Кристина. — Я рассказывала вам про неё, помните?

Надо же — Ветиа рассмеялся, громко и задорно, словно шутку века услышал.

— Да ты мне все уши про жужжала! — махнул рукой, всё ещё смеясь и наконец,

уделил и мне внимание.

Я привыкла, что обычно люди рассматривают меня с ног до головы, придирчиво, или похотливо, но этот забавный человек смотрел лишь в лицо. Долго и изучающие, словно решая: подхожу я их секте, или нет.

Передал одному из охранников планшет с зажимом для бумаг и сделал шаг ко мне, всё еще сверля глазами моё лицо.

— Так это она? — мягко проговорил он.

— Да, ВетиаСэмюэль, это моя Сэйен!

Я бросила короткий взгляд на Кристину и безо всякой доброжелательности уставилась на мужика в простыне.

— Ты хочешь взять её в Ангел? — спросил он у Кристины. — Нет, я не против, ты не подумай, но ты ведь знаешь правила, дитя.

Кристина встала рядом со мной, словно вот он момент — теперь её время защищать меня.

— Я же говорила вам, ВетиаСэмюэль, её метка была сделана для её защиты! Завир её сделал, помните? В Скверне все об этом знают!

Что?! Я впилась в Кристину большими глазами. Он рассказала ему об этом?! Какого...

— Она нетронута, ВетиаСэмюэль! — Взгляд Кристины стал умоляющим. — Не один мужчина её не касался! Для этого бывший предводитель Скверны и сделал ей татуировку — для её защиты!

— Да-да, я помню, — пробубнил Ветиа, почёсывая редкую бородку, глядя то на меня, то на Кристину. — Но дитя, ты... — понизил голос и приблизился к Кристине, — ты уверена, что она всё ещё... м-м... невинна?

Кто-нибудь, нажмите на паузу! Я не могу поверить, что сейчас, какой-то странный мужик в простыне обсуждает это с Кристиной! Сколько ещё она ему обо мне рассказала?!

Уставилась на Кристину не верящими глазами.

— Сэйен, — умоляюще простонала та, — это ведь не было секретом, все в Скале знали, что Завир считал тебя дочерью. Даже в других городах об этом говорили. И в Ангеле, как оказалось, тоже. Никто не знал, как ты выглядишь, но все знали, что ты существуешь.

— Ты знаешь, о чём все говорили, Кристина, — жёстко отрезала я, — о том, что Завир трахает девочку-подростка, которую назвал именем своей дочери!

— Сэйен...

— Никто и никогда не верил, что все эти годы, живя в Скверне никто и пальцем меня не тронул!

— Но...

— А ты пыталась втюхать, какому-то старикану со съехавшей крышей, что я до сих пор девственница? Ты реально думала, что он в это поверит?

Лицо Кристины неожиданно посуровело, на крошечное мгновение, напомнив о том, какой она была раньше.

— Но это ведь правда! — воскликнула она и... снова улыбнулась.

Я шумно втянула носом воздух и уткнулась взглядом в землю. А почему это Его Величество Сэмюэль в ботинках? Его ноги в тепле, а Кристина значит мазохистка?

— Я понимаю, Кристина, у неё стресс, не стоит переживать, — мягко произнёс Ветиа. — Мы отвезём её в Ангел и всё проверим.

Я резко подняла голову:

— Ноги мне раздвинете?

— Это стандартная процедура, — кивнул Ветиа. — Всё будет хорошо. Если слова Кристины подтвердятся, ты обретёшь новый дом и получишь защиту. В Ангеле безопасно.

— Нигде не безопасно, — отчеканила я.

— Что правда, то правда! — раздался громкий и очень хриплый голос, а следом за ним густое кашлянье.

В эту секунду сердце перестало биться и упало куда-то в самые пятки. И снова это безумное замедление всего происходящего. В ушах гул. Один взмах ресниц длится тысячу лет. Дыхание медленное, заторможенное, хотя на самом деле частое и тяжёлое.

Я обшаривала глазами каждую клетку с тварями, но нигде его не видела. Может, у меня галлюцинации?! Сошла с ума?! Это бы не его голос? Или никто вообще ничего не говорил?

Нет. Не сошла. На самом краю, последняя в ряду, стояла клетка с одним единственным в ней заключённым. Чейз сидел, привалившись спиной к стальным прутьям, и выглядел едва живым.

Ноги, налитые свинцом, медленно потянули меня туда. Замерла, как вкопанная, глядя на измазанное кровью лицо, высоко и тяжело вздымающуюся грудь и хоть и потускневшие, но всё такие же красивые, ледяные глаза Койота.

Глава 31

Он всё слышал?

Разумеется, слышал, иначе с чего бы это ему сейчас так глупо улыбаться, с видом глубоко разочарованного в жизни человека? Почти слышу его холодный низкий смех, насквозь пропитанный лютой ненавистью ко мне.

«Вот он — мой секрет, Чейз. Вот он. Ты хотел знать. Теперь ты знаешь. Это принесло тебе облегчение? Вряд ли.»

Просто картинка, наконец, сложилась воедино, и всё встало на свои места. Я и Чейз вернулись на свои места.

Глядела на него с совершенно опустошенным видом. Быть может даже с безразличным. Я знала, что так будет. Знала, что как только он узнает кто я такая, то маленькая, приоткрытая дверь в моём сердце с грохотом захлопнется. Останется лишь болезненный сладковатый привкус застывших на губах поцелуев.

И больше ничего.

— Так вот как ты выглядишь... дочь главного ублюдка, — прохрипел Чейз, обнажив окрашенные в кровь зубы. — А ты знаешь, что твой папаша сдох буквально через сутки после того, как приказал выжечь номера двадцати новоиспечённым рабам? И я был в их числе. А потом всё думал — почему он не откинулся на день раньше?! Какая-то злая ирония получилась...

Во мне ничего не дрогнуло. Меня не задела его слова. Я знала, что так будет. Я была к этому готова.

Чейз едва заметно покачал головой, невесело улыбаясь:

— Вот он — твой большой секрет. Ответ на все вопросы. Извини, кланяться не буду... Сэйен, дочь Завира,

— Дочь Завира звали Дженни, — сухо произнесла, глядя ему в лицо пустым взглядом.

Чейз хмыкнул, слегка закашлявшись:

— У тебя много имён.

— Как и у тебя.

Взгляд Чейза ожесточился, а по скулам так знакомо мне забегали желваки:

— Хорошо, что я в клетке, да?

— А если бы не был, убил меня?

Он снова ухмыльнулся, в то время как у меня внутри всё покрывалось болезненной корочкой льда. Пустоту сменяла горечь.

— Так это с этим парнем её привезли? — ВетиаСэмюэль оказался рядом со мной. В его руках вновь находился планшет для бумаг с листком, густо исписанным чернилами.

Чейза уже внесли в базу Божьих тварей?..

— Да. — Это был голос Кристины; её я не видела, продолжала глядеть на Чейза стеклянными глазами. А он на меня — полумёртвыми. — Они были вместе в Миннеаполисе. Его там заразили.

— И они вместе сидели в одном контейнере? — Голос Ветиа показался изумленным, и я перевела тяжёлый взгляд на него, потом на Кристину.

«И как много ты им обо мне рассказала, девочка?»

Кристина продолжала светиться от счастья. Чёрт возьми — она счастлива!

— ВетиаСэмюэль, я ведь вам говорила, что кровь Сэйен не поддаётся мутации.

Твою ж...

Брови Ветиа резко вздёрнулись:

— Так это она?! Кристина, это она?!

А ведь это была наша с ней тайна...

— У меня нет другой такой Сэйен. Я только про неё вам рассказывала, ВетиаСэмюэль. Это она перед вами, её уже кусали — в Скале. Но через сутки она выздоровела! — Кристина была поразительно счастлива, рассказывая это!

— Что ж ты сразу не сказала? — засуетился Ветиа, трясая дряблыми щеками. — Ты, развяжи ей руки. Давай, быстрее!

Наконец мои руки оказались свободны, я размаяла запястья и костяшки пальцев, предчувствуя, что скоро придётся хорошенько поработать кулаками. Потому что я не собиралась ехать в город этой долбаной секты! Я не собиралась становиться их пресловутой девственницей, чья кровь оказалась величайшим в мире сокровищем. Потому что даже если у Дакира и были планы на мой счет, то он хотя бы не заматывался в белую простыню и не называл всех девственниц в городе посланницами Нового Бога. Да и что уж там, даже ублюдок Блейк рядом с этим Ветиа, окажется более человечным! Он хотя бы не называет уродов пожирающих человеческое мясо Божьими тварями и не пытается их приручить! И если я и буду выбирать между двумя этими городами, то Крест определённо у меня в фаворитах!

Был бы ещё хороший план в запасе.

— Сэйен, — обратился ко мне Ветиа, сверкая самой добродушно-фальшивой улыбкой на свете, — я должен сообщить тебе, просто ради твоей безопасности, что за пределы лагеря лучше не выходить. Вон за теми деревьями и за теми насыпями... в общем по всему

периметру распределены Божьи твари. У них команда убивать каждого в радиусе двадцати метров, и боюсь даже такой прелестной девушке как ты, они не сделают исключения.

Так вот почему здесь нет стен. Твари — их стены. Твари с ошейниками защищают их от тварей без ошейников!

С трудом удержалась от рвущегося из нутра смеха!

Этой секте реально повезло, что это не безмозглые создания, и жизнью своей они всё ещё дорожат. А какая там будет жизнь, если за неповиновение их зелёная башка навсегда попрощаются с шеей?..

Выход один — надо угнать вертолёт. Вон он стоит, как раз в поле зрения, кажется, тот самый на котором мы прилетели. Осталось справиться с охраной, схватить Кристину за волосы и валить, валить, валить!

Взглянула на Чейза. Я не могу его здесь оставить. Не могу. Даже Несмотря на то, что он обречён и ненавидит меня всем своим ещё пока человеческим сердцем. А ведь всего каких-то пару месяцев назад в моей голове даже не возникло бы и мысли о том, что я вообще должна спасать ещё кого-то, кроме Кристины. Тем более кого-то укушенного...

Чейз стал для меня кем-то большим, чем просто несносным придурком. И если я сейчас буду продолжать это отрицать, то у меня больше не останется никого, кому я смогу доверять. Потому что даже саму себя я буду убеждать во вранье.

Нужно оценить его состояние. Не спит. Дышит. Глаза открыты, кровью пока не налились. Кожа не зеленеет. Озноб, кажется, ещё не наступил. Если постарается, сможет даже пистолет прямо держать.

Что это? Он кивнул мне?

— Сэйен, дитя! — Как долго этот Ветиа звал меня? — О, ты меня слышишь? Хорошо. Так что скажешь, у тебя ничего не было с этим юношей?

Когда это ты у меня об этом спрашивал?

— Не пойми неправильно, мы в любом случае тебя проверим, но хотелось бы услышать это от тебя. М-м, так что? — Его брови изогнулись домиком, взгляд подталкивающий.

Я взглянула на Чейза, и что-то больно сжалось в груди, окончательно вытеснив из неё пустоту. Не было почти ничего, или было много чего, но до финала так и не дошло. Но ведь могло дойти. И я бы об этом даже не пожалела. Потому что в те минуты, когда он целовал меня ещё будучи самим собой, были самыми прекрасными минутами на свете. И да, пусть в Новом мире такие слова мало кто произносит, но я имею на них право, потому что я их прочувствовала.

— Так что скажешь, Сэйен? — улыбался Ветиа, дёргая бровями. — Ничего ведь не было?

Я всё ещё смотрела на Чейза, а он на меня.

— Было.

— П-прости, что ты сказала?

Резко повернула к Ветиа голову:

— Было. Я спала с ним.

— Нет... Нет-нет-нет. — Ветиа яростно затряс головой, сомнительно хихикая.

— Сэйен! — недоумевающе воскликнула Кристина. — Что ты такое говоришь? Это ведь не правда!

— Я спала с ним! — сказала громче. — Спросите у него!

— Нет! — качал головой Ветиа.

Охранники обступили меня со всех сторон. Семеро. Не знаю, что из этого выйдет.

— Сэйен! — Теперь в глазах Кристины стояли слёзы. — Это правда? Ты... ты больше не невинна?

— Что ж, пожалуй, планы немного меняются, — суетливо проскрежетал Ветиа, теребя руками бороду. — Кристина, дитя, ты ведь знаешь правила. Мы должны всё проверить. Мы должны показать её специалисту, который это подтвердит, или опровергнет.

— Сэйен! Скажи, что это не правда! Скажи! Немедленно.

— Мы не можем пока доставить тебя в Ангел, девочка, — пыхтел Ветиа, глядя на меня уже без прежнего, пусть и фальшивого, дружелюбия.

— Сэйен! Возьми свои слова обратно!

— Сэйен, ты будешь находиться под стражей, до выяснения обстоятельств, — говорил мне Ветиа.

— Это не правда! Она врёт! — кричала Кристина.

— В клетку её! — перекричал её Ветиа. — Сажайте к нему! Даже если укусит, она не заразится, а мы как раз и проверим, исцелиться она, или нет. Надо ж когда-то это будет проверить.

Дышать ровно. Ноги на ширине плеч. Ну давайте, чего ждёте?

— Давайте-давайте, сажайте её в клетку, ничего плохого с ней не произойдёт, — пыхтел Ветиа. — Кристина, ты должна понимать, что по-другому мы поступить не можем. Пока что не можем. До тех пор пока её не осмотрели... Она может... может не подходить Ангелу. И я не имею право делать ей исключение, только потому, что вы когда-то дружили. Сажайте её в клетку!

— Так вот чем вы тварей кормите? — Мой вопрос адресовался Кристине, она словно смотрела сквозь меня, сквозь стеклянные линзы слёз застывшие в глазах.

Один из охранников завёл мне руки за спину. Я не сопротивлялась — на его поясе была шикарная кожаная кобура с пистолетом.

— Тебя не скормят! — даже слегка возмущённо ответил за неё Ветиа. — Твоя кровь слишком важна. И ты важна! Сразу после проверки, если всё окажется... {хорошо}, для тебя всё изменится! Ты станешь достойной Ангела. Он примет тебя! Но мы должны проверить... всё. И реакция твоего организма на вирус — не исключение. Так что раз пока мы находимся в лагере, начнём со второго пункта... Мы вытащим тебя из клетки, как только твой парень тебя укусит.

Второй охранник загремел ключами и открыл наконец дверь клетки Чейза. Тот, что держал мои руки, резко толкнул в спину, и я так же резко подарила ему удар затылком в нос. Хорошо, что мне попался низкий. Он повалился на землю, глотая собственную кровь, даже не заметив, что его кобура опустела.

Следующая секунда. Чейз поймал брошенный ему пистолет, неожиданно шустро вскочил на ноги и нажал на курок. Дважды. Уже минус три охранника.

— Что ты делаешь? — завопила Кристина. — Прекрати! Сэйен! Это не правильно!

Правильно добровольно пускать живых людей на корм тварям. Вот что правильно, да?

У меня не было времени с ней разговаривать. Я кинулась прямо на дуло винтовки одного из охранников и успела задрать его вверх, прежде чем оно продырявило мне живот.

Выстрел в небо. Крики в лагере. Сейчас сюда сбежится вся охрана!

Я ведь говорила, что «мои» охранники с виду казались хилыми? И на деле это оказалось правдой. Выхватить винтовку из рук первого труда не составило. Он получил прикладом в

лицо и, отключившись, рухнул на белую землю.

Остались трое.

— Отступай к вертолёту! — закричал мне Чейз, используя Ветиа, как щит.

«Надо было тебе сразу ноги уносить, долбаный ты миссионер!»

Так что в Чейза не стреляли. Стреляли в меня. Уже не трое, двое: Чейз выстрелил одному из них прямо в затылок.

Вот так вот. Злая ирония: надо убивать тварей, которые сидят в клетках, а тут люди на их глазах убивают друг друга.

Выстрел. Резкая боль. Моё плечо задела. Я проехала спиной по снегу и успела выстрелить из винтовки, попав охраннику чуть ниже шеи.

— Беги к вертолёту! — закричала я Чейзу.

— Только после вас, {Сэйен!} — отозвался тот.

Последний охранник куда-то пропал, но это было и не важно, потому что прямо на нас с холма неслась сотня таких охранников! Одно было хорошо — они всё ещё в нас не стреляли. Потому что у Чейза в заложниках был их чёртов святоша, а у меня, как они думали — Кристина.

Я схватила её за руку и поволокла к вертолёту.

— Отпусти! Что ты делаешь?! — кричала та, упираясь босыми ногами в мёрзлую землю.

— Забираю тебя из сектантского логова! — Практически всю силу вкладывала в то, чтобы тащить её за собой и при этом удерживать огромные ботинки на ногах!

— Это не логово! Я не хочу никуда! Отпусти! Сэйен, что ты делаешь?!

— Замолчи и просто иди! — орала я.

— Я никуда с тобой не полечу! Мой дом в Ангеле! Я должна туда вернуться! Я Божья посланница!

— Ты не можешь туда вернуться! Тебе там не место!

Кристина продолжала сопротивляться, так что я буквально волокла её тело по снегу. Ничего, пара царапин — не страшно.

— Это тебе там не место! — срывающимся голосом кричала она. — Это ты испорчена! В Ангеле нет места таким, как ты!

Я просто не верила собственным ушам. Они промыли ей мозги! И кажется не один десяток раз!

— В Ангеле что, все девственники? — воскликнула я.

— Все кому нет двадцати пяти! Это целомудренность!

— Это маразм! То есть когда им стукнет двадцать пять все могут начинать трахаться, как кролики?!

Перевесила винтовку на раненное плечо и, схватив Кристину здоровой рукой, резко рванула на себя.

Когда она успела стать такой сильной?

Она подняла красное от рыданий лицо.

— Что он делает? — Кристина смотрела в сторону. — Этот заражённый, он что...

Да, там стоял Чейз и стрелял по замкам на клетках с тварями. Они толпами вырывались на свободу и, рыча, мчались в сторону холма — навстречу охранникам. Заражённый Чейз уже не казался им вкусным? Или они умеют быть благодарными?.. И, к слову, на этих тварях не было ошейников. Эти были ещё свеженькими!

— Что же вы натворили! — раздался звонкий голос Ветиа. Он стоял на коленях, в снегу,

недалеко от Чейза.

Я отвлеклась. А Кристина воспользовалась моментом и оттолкнула меня в сторону. Больное колено подогнулось, и я рухнула в снег.

Нет. Нет. Нет. Я не могу снова потерять её!

— Кристина! — бежала за ней, терпя боль в плече и колене. — Кристина!

— Ты не нужна мне! — вопила она, убегая, платье из белой простыни, как парус раздувалось за спиной. — Лучше бы тебя скормили тварям! Ты испорченная! Ты не нужна этому миру! В нём нет места таким грязным людям, как ты!

Она остановилась и, рыдая, упала в снег. А в это время раздался гул винтов вертолёт.

Я упала на колени рядом с ней.

— Убирайся! — Она глядела на меня с отвращением. Сейчас её прекрасное личико переполняла ненависть. — Я пыталась понять тебя, когда ты позволила им... позволила им забрать меня! Пыталась простить! Ты, наверное, и вправду не могла ничего сделать, я убеждала себя в этом. Но Ветиа помогли мне. Они спасли мою душу и мои мысли, очистив голову. Благодаря им я поняла, что Ангел — моя судьба, моё предназначение. Я напрочь забыла, что такое обида. Всё идёт именно так, как Новый Бог того хочет! Так что я даже была благодарна Скверне!.. Я хотела найти тебя, я почти уговорила верховного Ветиа выкупить тебя у банды! Хотела рассказать тебе обо всём, показать правильный путь, а ты... ты оказалась такой же, как большинство! Я так верила в тебя, гордилась тобой, надеялась, что ты жива и с тобой всё в порядке! А ты... ты оказалась грязной! Обычной шлюхой! Ты недостойна жить в Новом мире!

Она кричала, брызжа слюной, из её жестоких глаз ручьями текли слёзы, но она не казалась невменяемой, или запуганной. Это был её осознанный выбор. Ангел — вот её выбор. Не я.

— Если бы я сказала, что всё ещё нетронута, ты бы полетела со мной? — с надеждой произнесла я, приказывая слезам вернуться обратно — в потёмки души и больше никогда не сметь появляться на глазах.

И я искренне верила, что она передумает. Я хотела, чтобы моя маленькая девочка передумала и вернулась ко мне. Но Кристина больше не была маленькой, и не была моей. Она отшвырнула от себя мои руки и силой толкнула в грудь. Затем поднялась на ноги, возвысившись надо мной, так что теперь я, сидя в снегу, казалась маленькой девочкой, которой только что разбили сердце. Которую вот-вот бросят.

— Уходи! Забирай вертолёт и уходи! — заговорила она ледяным голосом. Таким взрослым голосом. — Ты помогла мне однажды: если бы я тоже была испорченной, то никогда не попала бы в Ангел. Я отдаю свой долг! Так что вставай и уходи! Улетай отсюда! Я больше не хочу тебя видеть. Новый Бог тебя накажет! Но пусть это случится не здесь, не на моих глазах.

Я медленно поднялась на ноги, не сводя глаз с её сурового лица. Чейз орал что-то из вертолёт, а я всё смотрела на свою маленькую девочку, которая только что от меня отказалась и не могла поверить в то, что мы снова расстаёмся. На этот раз навсегда.

— УХОДИ! — срываясь, закричала Кристина и снова толкнула меня в грудь.

Я попятилась спиной к вертолёту. Всё ещё не сводя мёртвых глаз с её прекрасного жестокого лица. Она действительно это делает. Она бросает меня. Я не нужна ей. Ни Сэйн, ни Дженни, ни Джей... больше не нужны Кристине.

Внезапно яркой вспышкой света перед глазами возникла другая картинка: лицо Чейза в

тот момент когда он улыбается, едва заметно, уголками рта... А вслед на ним появилось лицо маленького и очень больного мальчика...

Ронни ждёт нас.

И вот кому сейчас действительно нужна помощь. Кристина в ней больше не нуждается. Она выросла, она нашла свой путь, и я просто обязана отпустить её, даже зная, что этот путь неверный.

Я развернулась и побежала к вертолёту.

Глава 32

Вертолёт взлетел и по нам даже не открыли огонь, видимо все были очень заняты своими голодными питомцами. Или это Кристина приказала не стрелять — она ведь их талисман, её слово что-то значит. Мне никогда не узнать, что произошло в том лагере дальше. Надеюсь только, что она не пострадала.

Первым, что увидела, когда забралась в кабину, был даже не Чейз, это был большой целлофановый пакет с лекарствами, который Чейз выволакивал из-под сидения. Пропеллер уже крутился, оставалось только взлететь. Вот только пилот был в сомнительно живом состоянии.

Но мы летели.

Я сидела на месте второго пилота и глядела в пустоту перед собой, ещё более пустым взглядом.

Периодически Чейз кашлял, а в какой-то момент я даже подумала, что он отключился, но нет, он всего лишь отвернул голову, чтобы сплюнуть комок крови.

И мы молчали. Или было нечего сказать, или было слишком много того, что хотелось озвучить. Ни я ни он не решались произнести ни слова.

И всё же, Чейз заговорил первым:

— Только не говори Ронни, что меня заразили, — его язык заплетался, и я с трудом разбирала слова. — Скажи, что меня забрали инопланетяне, меня раздавило метеоритом, или я превратился в бабочку и улетел в другую страну. Скажи ему, что угодно, но только не то, что меня заразили.

— Разве ты не захочешь с ним попрощаться? — теперь я смотрела на свои руки, одна из которых целиком покрылась кровью.

— Меня к нему не пропустят. Меня пристрелят, как только я посажу вертолёт. И готовься помахать всем ручкой, чтобы они не открыли огонь, пока мы будем ещё в небе.

Меня точно по голове только что шандарахнули и вся реальность ситуации накрыла, как снежный ком. Это что, последние минуты, что я слышу его голос? Последние минуты, когда я слышу шум волн?..

Повернула к Чейзу голову и обжигающие дорожки слёз покатались по лицу.

Кажется, теперь я буду реветь постоянно.

Чейз. Неужели и его не будет рядом?

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Вытри сопли, — едва слышно усмехнулся. — Тебе ещё от Блейка наказание получать за то, что поджарила его.

— И сбежала.

— Скорее за то, что вернулась.

И мы замолчали. Только звук пропеллера над нашими головами и покашливание Чейза разряжали эту угнетающую атмосферу, или наоборот накаляли ещё больше. Я уже ничего не понимала.

Его кашель — знамение смерти... Руки дрожат — у него лихорадка, но он держится, когда уже давно должен был потерять сознание. Это его сила. Сила духа Койота. Он посадит вертолёт, чего бы ему это не стоило. Как выигрывал все бои — чего бы ему это не стоило. Потому что его ждёт брат, которому он однажды дал обещание.

Мой океан становился мёртвым. И я умирала вместе с ним. Я тонула. Захлёбывалась в ледяной воде, но океан выталкивал меня обратно. Он приказывал мне дышать.

— Никому не отдавай то, что у тебя есть, — хрипло произнёс Чейз глядя перед собой. — Не отдавай свою свободу, как это сделал я. Ты слишком долго за неё боролась, чтобы сейчас потерять. Оставайся собой.

Мои слёзы высохли в глазах, но дыра в сердце вряд ли когда-нибудь затянется.

«Нет, Чейз. Теперь я уже вряд ли останусь собой...»

— Подлетаем, — произнёс он и тысячи кинжалов разорвали мою душу на части.

— Чейз, это и вправду конец? — голос дрожал. Но теперь я не отрывала глаз от его лица, запоминала каждый штрих, впитывала в себя, как губка, запечатлела в памяти навеки свою любимую картину.

Чейз второй раз за весь полёт посмотрел на меня. И на этот раз гораздо дольше.

— Джей, — произнёс он тихо, едва слышно, с неподдельной нежностью глядя мне в глаза. — Джей. Ни Сэйен, ни Дженни. Для меня ты — Джей... И я буду скучать... В аду, или где-нибудь ещё, но я буду скучать по тебе... моя заноза.

Вертолёт совершил посадку. Нас окружили бойцы сектора обороны. И раздалась стрельба.

Больше книг на сайте — Knigolub.net